

Дела домашние

ДАЧНЫЙ ПОСЕЛОК МОЗЖИНКА

После избрания папы в академики ему предложили участок в одном из дачных академических поселков. При этом возможны были два варианта: либо выбрать участок с уже готовой дачей, либо пустой, на котором строить своими силами и за свой счет.

Поселки эти были построены в 1948 году по указу И.В. Сталина. Как рассказывали, вскоре после победы в Великой Отечественной войне Сталин вызвал к себе президента АН СССР Сергея Ивановича Вавилова и спросил, каким образом правительство может отблагодарить видных ученых за их вклад в дело победы. Вавилов ответил: «Создать хорошие условия для работы и отдыха».

В результате для академиков были построены дачные поселки «Луцино» и «Можжинка» (под г. Звенигородом, по Белорусской ж/д) и «Абрамцево» (Ярославской ж/д). Участки в этих поселках были предоставлены ученым в долгосрочное пользование, а дачи — подарены. Это были очень удобные двухэтажные, по тем временам очень большие, финские щитовые коттеджи. Там было проведено электричество, водопровод, канализация. Отопление было дровяное, но позже сделали центральное водяное отопление. Кроме того, на каждом участке был еще небольшой финский домик, одну половину которого

занимал гараж, а во второй жил сторож. Строили эти поселки пленные немцы, и надо отдать им должное, дома оказались настолько добротными, что вот уже 60 лет стоят и им хоть бы что.

Естественно, родители решили посмотреть готовые дачи. Это много проще и, уж конечно, дешевле. Из предложенных вариантов папа по рекомендации академика Аксель Ивановича Берга решил посмотреть свободную дачу в поселке Луцино. Акселя Иванович, у которого в этом поселке была дача, хотел, чтобы папа поселился где-нибудь по соседству и приглашал его обязательно зайти к нему в гости, когда мы поедем туда осматривать дачу.

Это было зимой, в начале 1954 года. Отправились в Луцино мы на машине, у папы в то время была «Победа». Ехали долго, по Можайскому шоссе, а потом свернули и поехали по какой-то плохой дороге, занесенной снегом. День был чудесный, солнечный, морозный, и когда мы, наконец, туда добрались, то оказались в зимней сказке. Вокруг было белым-бело! Деревья, запорошенные пушистым снегом, искрились на солнце. Все утопало в глубоких сугробах, украшенных синим кружевом теней от переплетенных ветвей деревьев и кустарника... Красота! Участок и дача были замечательные. Дом — просторный, удобный. О таком и не мечтали! Мы были в восторге и в таком приподнятом настроении отправились в гости к Акселю Ивановичу. Явились веселые, но продрогшие «до костей». Подмерзли мы еще в дороге — в машине было холодно, потом пришлось еще изрядно побродить по поселку, прежде чем нашли указанный участок, да и в доме, который осматривали, было нетоплено. Зато у Акселя Ивановича мы отогрелись. У них было очень тепло, светло и уютно. Нас напоили горячим чаем. Взрослые живо обсуждали сначала эту дачу, потом разные другие проблемы. Аксель Иванович весело рассказывал что-то, и было видно, что он очень рад нашему визиту. Мы с Шуриком в разговоре взрослых не участвовали, поэтому мне запомнились только некоторые фрагменты их беседы. Мы были поглощены общением с собакой Бианкой, очень симпатичной немецкой овчаркой (во всяком случае, мы так определили ее породу). Она, конечно, была не такая замечательная, как наш Джульбарс, но тоже очень хорошая. И только через много лет до меня дошел смысл одной из фраз Акселя Ивановича, тогда для меня абсолютно ничего не значащей, которую он произнес, обращаясь к маме и показывая на папу: «Я сразу рассмотрел в нем директора института». Эта фраза моментально и очень отчетливо всплыла в моей памяти спустя много лет, когда опять я ее услышала из уст Акселя Ивановича.

Поездкой все мы были очень довольны. Однако потом оказалось, что «пустую дачу», которую мы осматривали, арендовал у академии кто-то из ученых, которого, для того чтобы отдать ее папе, собирались оттуда выселить. С другими «пустыми дачами» была такая же ситуация. Когда папа об этом узнал, то от такого варианта категорически отказался: «Ну, вот еще! Что же это, из-за меня будут выселять людей? Нет, так не годится». И он решил дачу строить самим.

СТРОИТЕЛЬСТВО ДАЧИ

Папе предложили выбрать один из свободных участков в поселке Мозжинка. По воспоминаниям сторожилов этого поселка, в 1948 году, когда они туда только приехали, ни «бетонки», окружной дороги вокруг Москвы, ни теперешнего основного въезда в поселок не было. На этом месте стояла скамеечка, и начиналось поле, через которое шла узенькая тропинка в ближайшую деревню Супонево, расположенную в полутора километрах. В это поле, «за околицу»,

любили по вечерам выходить дачники и, сидя на скамеечке, любоваться закатом, а когда стемнеет, — звездным небом. Первые несколько лет существования Мозжинки добирались туда из Москвы на машинах по Можайскому шоссе. Доезжали до г. Голицыно, затем по проселку до г. Звенигорода, переезжая Москву-реку по понтонному мосту, который находился выше Звенигорода, а затем ехали через Звенигород и дальше вдоль берега реки в сторону Москвы по старой Московской дороге. В «старину» из Москвы на Звенигород шла проселочная дорога по берегу Москвы-реки. Она проходила через Николину гору, деревню Козино, дальше — мимо места, где потом был построен поселок Мозжинка, к Звенигороду, а затем к Саввино-сторежевскому монастырю. Въезд в поселок был со стороны реки через «нижние ворота», тогда единственные, которых теперь вот уже несколько лет как не стало. Да и дорогу, по которой въезжали в поселок, «застроили». Весной, во время паводка, Звенигородский мост заливало вешними водами и связь с «внешним миром» прерывалась. Переправлялись только на лодках. Академик Владимир Афанасьевич Обручев постоянно жил и работал на даче и, как вспоминали его родственники, на время весеннего паводка приходилось запасаться продуктами и лекарствами, чтобы продержаться, пока сойдет вода.

В 1954 году, когда папе предложили участок, часть «бетонки» уже была построена. Дорога эта имела оборонное значение, и долгие годы на картах, доступных обычным гражданам, она не значилась. Вдоль нее располагались воинские части, которые должны были «в случае чего» защищать Москву. Добираться из Москвы стало теперь гораздо проще. «Бетонка» пересекала Можайское шоссе в районе г. Голицыно и шла на Звенигород, переправляясь через Москву-реку теперь уже по новому мосту, а дальше — мимо Мозжинки, на г. Истру. С тех пор главным въездом в поселок стали ворота со стороны «бетонки». Появилась проселочная дорога в деревню Супонево.

Родителям очень понравился солнечный, поросший соснами живописно спускающийся в овраг участок, который располагался почти в самом центре поселка. Однако один из академиков, участок которого граничил с тем, который мы осматривали, попросил папу там не строиться, поскольку это было его любимое место для прогулок. «Ну, раз просит, посмотрим какой-нибудь другой участок — места много. Пусть гуляет себе на здоровье», — спокойно согласился папа. В результате Котельникову выделили участок в самом начале поселка, в незастроенном куске леса, который «протянулся» метров на 300 от самого въезда в Мозжинку и до первых участков академиков. Лишь при самом въезде, слева от дороги стояло несколько финских домиков, в которых жили семьи обслуживающего персонала поселка: управляющего, электрика, слесаря-сантехника и др. Выделенный папе кусок земли был справа от дороги и примыкал к крайнему участку, который принадлежал академику Евгению Викторовичу Тарле. Две другие стороны граничили с дремучим лесом. Сразу за нашим участком, приблизительно параллельно поселковой дороге, шла просека, за которой начинался крутой спуск в глубокий, заросший лесом овраг. По другому берегу оврага шла неширокая полоса леса, за которой уже была «бетонка». Напротив нашего участка — через поселковую дорогу — получил участок и Лев Андреевич Арцимович, избранный в академики одновременно с папой. Жители поселка были далеко не в восторге от появления двух новых дачевладельцев и ворчали: «Заняли самые грибные места». Надо заметить, что поселок располагался

на берегу Москвы-реки и был окружен замечательным лесом, в котором было полно грибов и ягод и который простирался на многие километры.

Вскоре папа и Лев Андреевич в строительном магазине в поселке Кубинка (станция по Белорусской железной дороге) купили по разборному финскому щитовому домику самой наипростейшей архитектуры: одноэтажный, два входа с маленькими крылечками, с противоположных концов дома. Лев Андреевич построил свой дом так, как он и был задуман по проекту. Нашу же дачу строили по проекту родителей. В основном, это было мамино творчество. Как только купили домик, она стала придумывать варианты, как с наименьшими затратами можно соорудить из него что-то более интересное и комфортабельное. В каждую свободную минуту она рисовала, чертила, перечерчивала, рассчитывала... Всклакивала ночью, когда у нее вдруг возникала какая-нибудь интересная идея... Это был «творческий порыв». В юности мама мечтала стать либо архитектором, либо радиоинженером и, в конце концов, выбрала профессию радиоинженера. Теперь же у нее появилась возможность в какой-то степени реализовать свою вторую давнюю мечту. Она была счастлива.

Проекты обсуждались с папой, но в силу своей занятости в детали он не очень вникал, предоставляя маме простор для творчества. Решал он, в основном, принципиальные и технические вопросы.

До начала стройки надо было где-то хранить комплектующие дачи, и академик И.И. Минц, дача которого была в этом же поселке, любезно предложил папе приютить их до весны у себя на участке.

На лето 1954 года родители решили снять дачу где-нибудь неподалеку от Можинки, чтобы, с одной стороны, было хорошо отдыхать, а с другой — удобно ездить на стройку. Нашли они замечательное место — деревню Знаменское по «Рублевке» (Рублево-Успенскому шоссе). В то время снять дачу в этих местах было очень не просто, для этого требовалось особое разрешение, которое давали после серьезных и длительных проверок, поскольку это была правительственная трасса и там находились дачи самых высокопоставленных лиц СССР. Деревня Знаменское располагалась на крутом берегу Москвы-реки. Изба, в которой родители сняли две комнатки и террасу, была самая крайняя, за ней начинался спуск к реке. Место было замечательное — рядом река, недалеко лес, так что можно было прекрасно купаться, плавать на байдарке, ходить за грибами, совершать прогулки на велосипедах. И хотя довольно часто ездили на стройку в Можинку, оставалось время, особенно в папин отпуск, и на отдых в Знаменском. Однажды мы всей семьей «сплавлялись» на байдарке от Тучково до Знаменского, проплывая мимо «страшного» мозжинского оврага, в котором, по преданию, жили в старые времена разбойники. Это тот самый овраг, который проходит за нашим участком.

По поводу названия поселка — «Можинка» — существует несколько легенд. Одна из них гласит следующее. Поселок расположен на берегу большого глубокого заросшего лесом оврага, спускающегося к Москве-реке. В верховье оврага имеются подземные источники, образующие ручей, который ниже превращается в небольшую речку, впадающую в Москву-реку. И как раз мимо этого оврага шла в старину дорога из Москвы в Звенигород, по которой проезжали купеческие обозы, богатые экипажи и простой люд. А жили в нем страшные разбойники, которые промышляли тем, что подстерегали проезжающих, нападали на них и грабили, а путникам «мозжили головы». Так эта речка и получила название «Можинка». Ну а поселок был назван по имени речки. Эта дорога,

во всяком случае, ее часть, проходившая вдоль реки от Николиной горы до Звенигорода, существовала еще в пятидесятые–шестидесятые годы прошлого столетия. Мы еще застали ее и ездили с папой по ней на машине и на велосипедах. Дорогу постепенно подмывало внешними водами, и она со временем во многих местах осыпалась.

Имеется и другая, менее «кровожадная» версия. Якобы в этих местах, просто-напросто, росло много можжевельника — вот отсюда и название речки. Непонятно, правда, куда он весь подевался. Сейчас в этом лесу он попадает редко.

В нашей семье придерживались первой версии — «страшилки», которой мы «запугивали» наших гостей. Вторая — уж слишком банальная.

Нам с братом очень нравилось ездить с родителями на стройку в Можжинку. Обычно это было целое путешествие. Папа любил неизведанные пути, и, если не было очень срочных дел, то каждый раз старался разведать новую дорогу, предварительно наметив маршрут по карте. Ездили мы и по Можайскому шоссе, и по старой «Московской дороге» вдоль реки. Пытались проехать и другими путями, через поля, по лесным дорогам... Так мы обнаружили в лесу «столбовую дорогу». В то время напрямую, как сейчас, по Рублево-Успенскому шоссе, через Николину гору, деревни Аксиньино, Ивановку, Синьково, проехать к бетонке было нельзя. После Николиной горы к этим деревням шел разбитый проселок, а от Синьково к «бетонке», как мы тогда выяснили, шла через лес «столбовая дорога», построенная еще во время войны, по которой передвигалась тогда военная техника. Вымощена она была бревнами «в накат», и проехать по ней на обычной легковой машине было невозможно. Теперь там шоссе. Во время войны, когда противник подступал к Москве, в этих местах шли ожесточенные бои. Немцами были заняты деревни Грязь, Ивановка ... Звенигород занят не был, а вот деревня Игнатьево, которая теперь почти слилась со Звенигородом, была захвачена. В деревне Супонево стояли «Катюши» и били по немцам, закрепившимся в деревнях Грязь и Ивановка. Снаряды летели над лесом, в котором после войны и был построен поселок Можжинка. Сторожилы вспоминали, что верхушки всех больших елей в этом лесу были снесены. После войны в окрестных лесах оставалось очень много окопов, блиндажей, воронок от бомб, следы которых видны и по сей день. Местное население и мальчишки еще долго потом находили снаряды и каски, как русские, так и немецкие.

На стройку мы уезжали почти на целый день. Брали с собой продукты, посуду, котелок. Папа разводил на участке костер, на котором мама готовила еду. Мы, конечно, помогали. Джульбарса оставляли дома, с собой не брали, потому что боялись, что он кого-нибудь покусает.

Строительство началось с разметки участка, почти сплошь заросшего густым молодым ельником. «Геодезическими работами» занимались мы с папой. У него был «планшет», компас, карандаш, бумага и большой клубок веревки с узелками — метками через каждый метр. Меня, как самую «мелкую», одевали в лыжный костюм, я нахлобучивала куртку на голову, брала в зубы конец веревки и на четвереньках заползала под елки, подавая звуковые сигналы, а папа по компасу направлял меня. Так я продиралась сквозь колючие заросли, стараясь по возможности выдерживать заданное мне направление, пока клубок не разматывался на нужную длину. По команде «стоп» я втыкала в землю заранее заготовленный колышек, который тащился за мной, привязанный на веревке. Несмотря на то что в результате этой деятельности я была изрядно изодрана колючими еловыми ветками, все это мероприятие мне очень нравилось. Папа

заражал всех своим энтузиазмом. Он как-то умел всегда обставить дело так, что все работали очень весело и с удовольствием. Наметили мы тогда границу участка, где должен быть забор, и выбрали место для дома и огорода. Вариантов, собственно, было немного, поскольку папа хотел вырубать как можно меньше деревьев, а на участке было только две заросшие кустарником поляны — одна большая, а другая поменьше. Под дом определили большую поляну. Она находилась в глубине участка, приблизительно на половине расстояния до его дальней границы, которая шла вдоль просеки, за которой уже начинался овраг. Меньшую же поляну, у самой просеки, наметили под огород. Следующим этапом наших работ была расчистка этих полей от кустарника, а той, которая под огород, еще и от корней. Работа была не простая, но все вместе мы это дело одолели. В первое же лето участок под огород папа перекопал и подготовил к следующей весне для посадок.

Основную часть дома — первый этаж, крышу, все коммуникации и отопление успели сделать до зимы. На следующее лето доделывали второй этаж и заканчивали внутреннюю отделку. Строителей, по-видимому, порекомендовал управляющий поселком — Владимир Александрович Давыдов, который был в Мозжинке с самого начала ее существования и знал в округе «всё и всех». Впоследствии он продолжал работать управляющим поселка до 1991 года.

Деревянную часть дома строили мужики из соседней деревни. У них был опыт строительства деревенских бревенчатых домов и столярных работ, поэтому для них не было проблем собрать щитовой домик, даже с переделками. Оттуда же был и печник. Каменную пристройку, в которой размещалась кухня и санузлы, строили учащиеся Звенигородского ремесленного училища, и надо сказать, они так старались, что, несмотря на отсутствие у них опыта, эта пристройка стоит себе прекрасно вот уже более пятидесяти лет. Дом сделали по маминому проекту с мансардой, правда, архитектор, с которым все же предварительно проконсультировались, сказал: «Оно, конечно, так можно сделать, но учтите, что надстраивать такое сооружение ни в коем случае нельзя — рассыплется, как карточный домик».

Свободного времени у папы было очень мало, но, тем не менее, он проводил основные расчеты — рассчитывал кровлю, наклоны крыши, отопление и т.д. Изучив обстановку, папа, несмотря на уговоры строителей и мамы, решил, что подвал делать нельзя — слишком близко грунтовые воды... И оказался прав — действительно, во многих дачах подвалы весной заливало водой. Канализацию и систему отопления в доме делали местные поселковые слесари.

К этому времени в поселке уже было центральное отопление. Но, когда встал вопрос о подсоединении к нему нашей дачи (не знаю, как обстояли дела с дачей Арцимовича), местные академики встали «на дыбы»: «Это невозможно! Система не выдержит такой перегрузки!» Наша дача в поселке была 67-я. Конечно, этот вопрос легко мог быть улажен через Управление делами АН СССР, но папа решил старых академиков «не травмировать»: «Что ж, не хотят — не надо. Сделаем свое». И поставили в даче автономный угольный котел, чему потом очень радовались, потому что могли в любой момент, даже летом в плохую погоду, подтапливать дачу, в то время как во всем поселке, начиная с мая и до середины октября, отопление отключали. Поселковая система отопления работала потом до 2006-го года, а затем весь поселок был переведен на индивидуальное газовое отопление. К этому времени в поселке стало уже около двухсот дач, вместо 67, когда построили нашу дачу.

В первую же зиму, как только сделали наше отопление, оказалось, что работает оно плохо — батареи как следует не нагреваются. Папа проверил все: хорошо ли работает котел, «продул» батареи — ничего не помогало... Тогда он внимательно изучил всю систему отопления. Достал свой толстенный двухтомный «Справочник для инженера» Хюте (Hutte), который приобрел еще в студенческие годы. В этом справочнике было все: подробная информация о двигателях, расчеты диаметров труб, сопротивление воды в трубах и пр. Еще достал книги по гидродинамике и сел за расчеты. В результате он пришел к выводу, что сделано отопление неправильно, и систему нужно переделать — увеличить диаметр труб и их наклоны. Помню, он долго обсуждали эту проблему с нашим поселковым слесарем Андреем Петровичем, подробно объяснял ему, что к чему. Систему переделали, и все прекрасно заработало. К Андрею Петровичу папа относился с очень большим уважением — считал его грамотным специалистом и добросовестным человеком. Папа вообще очень ценил в людях высокий профессионализм, добросовестность и увлеченность своим делом.

Со своим отоплением, конечно, были дополнительные хлопоты: запастись углем, топить, следить за котлом, но со всем этим папа очень легко, и казалось даже с удовольствием, справлялся. Проблема была только зимой, когда мы были в Москве, а надо было подтапливать дом. Но выход из положения был найден — договорились с одним из жителей ближайшей деревни Супонево дядей Ваней, и тот зимой, когда мы были в Москве, приходил один или два раза в неделю, в зависимости от погоды, и протапливал дом. Когда в поселок провели газ, то поставили газовый котел, который работал в автоматическом режиме, и истопник уже стал не нужен. Однако необходимо было как-то контролировать температуру в доме, чтобы в случае, если газовая горелка котла погаснет, и отопление «вырубится», водяные трубы не полопались от мороза. Тогда папа придумал и смастерил из «подручных средств» — сувенира «1-го ИСЗ», который при включении играл какую-то мелодию и подавал позывные, а также металлических уголков и еще чего-то систему «контроля и оповещения». Можно было из Москвы позвонить на дачу и по сигналам отклика определить, достаточно ли тепло в доме — своего рода система телеметрии. В борьбе с неполадками газового котла и водонагревающей газовой колонки папа «напридумывал» множество всяких «хитростей» — разных приспособлений и способов обслуживания этой далеко не совершенной техники.

С камином тоже получилась «осечка». Мама размечталась, что у нас в гостиной будет камин. Попросили сложить его того же печника из соседней деревни, который делал нам кухонную печь. Книг тогда на эту тему не было, да и камины — «пережиток прошлого» — были непопулярны. Родители нарисовали образец камина, какой бы хотели иметь. Печник посмотрел рисунок и с уверенностью заявил: «Нет проблем — сделаю!» — все, мол, знаю и все умею. Сложил он все аккуратно, смастерил два хитрых дымовых хода. Начали топить — весь дым в доме! Стал папа изучать потоки дыма, что с тягой... Пришел к выводу, что изгибы дымоходов, которые соорудил печник, необходимо ликвидировать. Взял инструмент и пробил ход напрямую... — стало тянуть! Затем определил место, где лучше всего располагать дрова, чтобы меньше дымило. Оказалось, что надо их класть в глубине с одного бока, поближе к дымоходу. Так постепенно была отработана технология «бездымной» топки камина. (Много позже, изучив литературу о каминах, поняли, что сделан он был абсолютно безграмотно, и наш печник, очевидно, не только никогда их не делал, но возможно, и вовсе не видел.)

Внешне камин нам очень нравился. Отделали его «метлахской» плиткой, с нашей точки зрения, очень симпатичной — вишнево-коричневой. Мы с удовольствием его топили и очень ему радовались — так было уютно расположиться около него зимой после лыж или просто в сырую погоду. Однажды к маме зашла одна из поселковых дам. Увидев камин, она воскликнула: «Ах, как мило! У меня в туалете такая же плиточка!» Родители потом очень смеялись: «А мы-то счастливы, что у нас такой роскошный камин!» В «стандартных» поселковых дачах каминов не было, а в комнатах стояли печи-голландки, облицованные изразцами.

Наша дача была расположена на полянке в глубине участка, довольно далеко от поселковой дороги. Основной вход был через большую открытую террасу, на которой летом проходила почти вся наша основная жизнь. Там мы завтракали, обедали, ужинали, читали, играли и болтали с друзьями... Жилая часть дома была спланирована так, что комнаты были небольшие — метров около 12-ти. Большой была только гостиная — столовая, в которой как раз и находился камин. У нас с Шуриком впервые появились отдельные комнаты. На первом этаже были Шурикина комната, столовая и папин кабинет. Шурка отвоевывал себе комнату на первом этаже, чтобы летом можно было по ночам удирать через окно «на волю».

Мама всегда очень заботилась о том, чтобы у папы были все условия для работы и отдыха. Это было и на московских квартирах, и когда снимали дачи на лето, и теперь, при строительстве своей дачи. Планировку дома она сделала такую, чтобы у папы был кабинет с выходом на отдельную застекленную террасу, перед которой была вымощенная каменными плитами и окруженная цветами площадка. Все это находилось со стороны, противоположной основному входу, так чтобы никто и ничто не мешало ему работать и отдыхать. Летом в хорошую погоду папа обычно работал на терраске, а на площадке делал утреннюю зарядку и отдыхал в шезлонге — думал, читал и дремал. Зимой он работал в кабинете, а иногда наверху в их с мамой спальне. Там тоже стоял рабочий стол, за которым, как рассказывал папа, в детстве он ел манную кашу. Это было еще в Казани, до Первой мировой войны. Обычно, когда папа работал, будь то на даче или на московской квартире, тут же рядом с ним пристраивались и наши животные. И в зависимости от того, где он находился, собака ложилась либо рядом с письменным столом, либо с креслом, а кошка, соответственно, сворачивалась клубочком на столе или забиралась на кресло, к папе на колени.

ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ

В доме у нас почти всегда были и собаки, и кошки, которых папа очень любил. Они, в свою очередь, платили ему тем же. Первая собака была Пальма, немецкая легавая, потом — Джульбарс, немецкая овчарка. О них уже говорилось в этой книге. Джульбарс прожил свою полную собачью жизнь, 12 лет. Когда его не стало, то мы взяли щенка, опять немецкую овчарку. Только в отличие от Джульбарса, имевшего «чепрачный» окрас — черный со светло-коричневыми «подпалинами», щенок был серым, поэтому мы назвали его Грэм. Прожил он у нас тоже 12 лет. Затем в нашем доме появилась собачка — помесь болонки с терьером. Взять щенка меня уговорили на работе. Когда я притащила его домой, папе и всем домашним он понравился, а мама восстала. Она была категорически против новой собаки, говорила, что ей надоела в доме собачья шерсть и грязь. Щенок же, словно чуя, от кого зависит его судьба, бегал за мамой

следом, ласкался к ней, лизал ноги, и «сердце ее растаяло» — она согласилась. Мама назвали щенка Ласка, это была девочка. Она была очень хорошенькая, как мягкая игрушка. Прожила она у нас всего несколько лет, а потом, когда мы были на даче, куда-то пропала. Ласка любила погулять на улице с поселковыми собаками и, хотя все лазейки в заборе папа старался заделать, она все же находила какую-нибудь подходящую для себя щель, чтобы улизнуть. Возможно, кто-то из проезжающих по поселку ее украл. Уж больно она была хороша собой. После этого мы завели черно-пегого спаниеля. «Черно-пегий» — это официальное название его окраса, в действительности же он был серый, вернее, — серебристый, только его длинные уши, кончики лапок и хвост были черные. На лбу же красовалась опускающаяся к носу белоснежная «стрелка». Из-за такой расцветки мы назвали его Грэм, так же как нашу последнюю овчарку. Грэй был исключительно умным и спортивным псом. Папа, поражаясь его умственным способностям, называл его интеллектуальным псом и большим любителем порядка. Действительно, первое время, как только он у нас появился, мы никак не могли понять, что это у него за странная манера начинать вдруг, ни с того, ни с сего, облаивать какую-нибудь вещь. При этом никакие наши уговоры не помогали — он лаял и лаял. И, наконец, папа понял, что пес шумит не просто так, как какая-нибудь собака-пустобрешка. Он возмущается возникшим беспорядком. Например, если оказывалось, что стул вместо того чтобы, как ему положено стоять, вдруг по какой-то причине лежит, — скандал. Будет лаять, пока стул не поставят как следует. То же с картиной, если она вдруг криво висела, и с другими вещами. В парке он возмущался, если встречающиеся по пути лыжники несли лыжи в руках, а саночники — санки, вместо того чтобы на них ехать, и т.д. Еще Грэй не любил, когда разговаривают очень громко или на повышенных тонах, тем более, когда ругаются. Возмущался он и когда кто-нибудь из домашних слишком долго, по его мнению, болтает в прихожей, вместо того чтобы заниматься каким-либо делом. Папа, смеясь, говорил, что пес считает себя умнее нас и поэтому воспитывает. Грэй был очень спортивным псом. Он очень здорово бегал, прыгал, ходил по спортивному бревну, лазал по лестнице-стремянке, залезал даже на крышу сарая. Но основная его страсть — это футбол. Он был прекрасным футболистом, — очень любил играть в мяч, и на улице, если вдруг видел, что кто-нибудь, подростки или взрослые, играют в футбол, тут же включался в игру. При этом он, как правило, мяч с поля не угонял, а пасовал его другим игрокам и перехватывал при передачах. Он был также заядлым болельщиком — любил смотреть футбол по телевизору. Когда родители ездили на выходные или в отпуск на дачу, они всегда брали с собой Грэя, чтобы он побегал на воле. В обычные дни папа смотрел телевизор очень мало, только вечернюю программу новостей. Он называл телевизор «антирабочим» и лишь на даче, в выходные и в отпуск, изредка смотрел какие-нибудь хорошие спектакли, фильмы, концерты классической музыки и спортивные передачи. Любил папа смотреть соревнования по теннису, хоккею и футбол. Грэй в таких случаях устраивался рядышком с папиным креслом и дремал. Когда же показывали футбольный матч, тут уж не до сна. Он очень внимательно и с большим интересом следил за игрой.

Еще папа рассказывал, что его очень поразило поведение Грэя, когда они с мамой отдыхали на даче, взяв его с собой, в то время как мы с мужем и детьми уехали в Крым. Обычно летом, пока у нас отпуск еще не начался, а дети находились на даче, мы регулярно приезжали туда на субботу и воскресенье,

а тут мы уехали. И вот папа обратил внимание на то, что Грэй в течение недели вел себя спокойно, был в основном около него. Начиная же с вечера пятницы, и всю субботу и воскресенье он становился беспокойным: все время бегал к воротам, бегал по даче, заглядывал в нашу комнату, убежал куда-то с участка. В общем, папа понял, что пес ждал и искал нас. По каким уж признакам он определял, что наступали выходные дни, в которые мы обычно приезжали, было непонятно. Когда мы вернулись из отпуска, наши друзья по поселку рассказали, что каждую субботу и воскресенье к ним неожиданно заявлялся Грэй. Он бегал по участку, заглядывал в дом, словом, явно что-то искал. По-видимому, зная места, где мы бываем в гостях, он проверял, не появились ли мы там. Грэй был долгожитель, прожил он у нас 17 лет. Через какое-то время после того, как Грэй не стало, во время одной из наших с папой «прогулок по кругу» к нам пристал то ли потерявшийся, то ли брошенный щенок — смешной, маленький, пушистый, грязный «комочек шерсти». Шел дождь, и вокруг — ни души, даже некого было спросить, не видел ли кто его хозяев. Мы решили взять его домой, просушить и накормить, а потом вывесить объявление о том, что он находится у нас. Какое-то время мы с папой в напряжении ждали, что объявится хозяин и заберет у нас щенка. Но так никто и не появился, чему мы были очень рады, потому что очень его полюбили. Щенка мы назвали Грант. Он был замечательный. Когда мы его вымыли, он оказался черным, с длинной пушистой шерстью, белоснежным «воротником», белыми лапками и, как у лисы-чернобурки, белоснежной «кисточкой» на конце хвоста. А на лбу и носу, как у нашего спаниеля Грэй, была белоснежная «стрелка». Нос же был ужасно смешным — как длинный острый пинцет. Мой брат Шурик так его и звал «Пинцет». Когда Грант вырос, то превратился в царственного красавца, черно-белого колли. Но прожил он у нас, к сожалению, совсем недолго, чуть больше года, после чего погиб после укуса клеща от страшной смертельной для животных болезни — пироплазмоза. Последняя наша, вернее Маринина, собака была Дельта — эрдельтерьер. Наши же кошки, после первого черно-белого кота Василия, были, в основном, простые полосатые, «камышовой расцветки». Мы их называли «тигры подъездов». Первая из этой «серии» была очень гордая и мудрая, с изумрудными глазами кошка Васёна. Взяли ее еще котеночком. Полагая, что это котик, назвали его Васькой. Когда же он вырос, то к нашему великому изумлению у него вдруг родились котята. Так наш Васька неожиданно превратился в Васёну. После Васёны у нас было еще много разных кошек и котов. Последним же котом при папиной жизни был Бакс (Баксик). Папа считал, что самыми умными, как он их называл, «премудрыми» животными у нас были пес Джильбарс и спаниель Грэй, а из кошек — Васёна и Баксик. Все наши животные очень любили папу, и каждый из них проявлял свою любовь по-своему. Так, например, Васёна, в знак большой любви и уважения к папе приносила и клала ему на кресло и в кровать, на его подушку, пойманных мышей. А в знак большого доверия своих котят рожала в его кресле, считая его самым надежным и безопасным местом.

Свой кабинет папа использовал и как мастерскую. Там у него хранился инструмент, стоял сверлильный станок, хранились токарный станок, электродрель, позже электрорубанок, его фотопринадлежности, теннисное снаряжение и т.д. Здесь он мастерил всякие «деликатные» вещи, например, ремонтировал часы, чинил какие-нибудь приборы, занимался фотографией, проводил с нами всякие физические опыты.

ФИЗИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ

Папа вспоминал опыты, которые проводил в детстве со своим папой, нашим дедушкой Александром Петровичем, и придумывал новые. Например, так же как и он когда-то, мы мастерили Лейденскую банку. Дело в том, что зимой, когда работало отопление, воздух в нашем доме был очень сухой, полы же были покрыты линолеумом, и поскольку мы все ходили в валенках, то очень сильно наэлектризовывались. Стоило лишь дотронуться до металлической дверной ручки или батареи, как проскакивала большущая искра. Папа решил, что такое замечательное явление не должно «пропадать зря» и затеял изготовление Лейденской банки. Причем сам он занимался этим с не меньшим удовольствием и интересом, чем мы с Шуриком. По ходу дела он в деталях рассказывал нам, каким образом они ее мастерили тогда, в далекие довоенные годы (до Первой мировой войны 1914 года).

Потом папа задумал определить скорость пульки пневматического ружья. Откуда у него взялось это ружье, я не помню, купил ли он его сам или ему кто-то подарил. Вообще у него было два ружья — это и еще охотничье, дробовик, которое ему позже подарил на день рождения дядя Сева. Но его папа использовал только для распугивания ворон и соек, которые на нашем огороде «бесчинствовали» — склевывали все ягоды, как только они начинали краснеть. Охотой он, в отличие от дяди Севы, никогда не увлекался. Из принципиальных соображений. По этому поводу он говорил: «Что мы, голодаем, что ли? Зачем же зверей губить?» Так что это ружье большую часть времени пролежало где-то запрятанное. С ним были только одни хлопоты — нужно было иметь охотничий билет, дающий право на обладание таким оружием, регистрировать его в милиции и во избежание какого-нибудь несчастного случая прятать от нас, в основном, — от Шурки.

Пневматическое ружье мы использовали для стрельбы в цель. Папа устраивал соревнования по стрельбе. Лучше всех стрелял он. Похуже — мама, потом Шурик, а хуже всех — я. Потом мама перестала участвовать в наших соревнованиях, и Шурка вышел на 2-е место. Моим же уделом оставалось последнее место. Только когда случались у нас какие-нибудь гости, мне удавалось иногда оставить «позади» кого-нибудь из них.

Для определения скорости пульки папа сделал маятник. Очень точно измерил длину нити. Сделал приспособление, чтобы точнее измерять амплитуду его отклонения. На своих очень точных весах, которые у него были для фотодела, измерил вес пульки и грузика маятника. Сделал держатель для ружья, чтобы можно было точно попасть в небольшой маятник, — словом, приготовлений было много. В результате опыт был проведен, все рассчитано, скорость определена. Папа занимался всем этим с таким интересом и удовольствием, что мы как-то естественным образом, без специального приглашения или уговоров, оказывались вовлеченными в этот процесс. Возможно, именно поэтому мы и участвовали в этой затее с таким энтузиазмом.

Потом мы проводили всякие оптические опыты — наблюдали дифракцию, интерференцию. У папы был стеклянный клинышек, и мы смотрели, как свет разлагается в спектр... Тогда-то я и узнала, что «каждый охотник желает знать, где сидит фазан». Эту замечательную фразу, по первым буквам каждого слова которой очень легко запомнить, в каком порядке располагаются цвета в радуге — красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый.

Как-то летом папа вернулся из командировки и среди других подарков привез всем нам, в том числе и себе, солнцезащитные очки — поляроиды. В нашей стране таких еще не было, во всяком случае, — в широкой продаже. Помню, мы сначала очень удивились — почему очки? Хотя в то время было очень модно носить темные очки, но в нашей семье не было принято «модничать». И вообще мы привыкли, что папины подарки были всегда с «изюминкой».

Так, из своей командировки в Китай, помимо всякой всячины — интересных фигурок, картинок, угощений и украшений, он привез нам детскую китайскую «азбуку» — это были квадратные картонки с написанными на них иероглифами и нарисованными картинками. Потом мы с папой их изучали. Он, правда, очень многие из них уже знал раньше. Еще он подарил нам с Шуриком по птице «перпетуум мобиле». Мне — розовую, а Шурке — голубую. Папе очень понравилась эта «остроумная» игрушка, и он с удовольствием купил каждому из нас по птичке. Устроены они были так, что если их разместить в теплом месте, например, под настольной лампой, а перед ними поставить стаканчик с водой, то через какое-то время они начинали периодически наклоняться и «пить» воду. И делали они это до тех пор, пока в стаканчике не кончится вода. Это было удивительно. Сами мы не смогли догадаться, в чем же там дело. Потом папа нам объяснил, что в туловище птички, «наглухо» запечатанной стеклянной колбочке, на дно налито небольшое количество эфира. Горлышко этой колбочки было длинным, как шея гуся или страуса, и на его конце была прикреплена головка с клювом. Сама колбочка крепилось к подставке, «лапкам», так, что вращаясь вокруг горизонтальной оси, расположенной вблизи ее центра тяжести, могла наклоняться. Когда же слегка подогретый эфир испарялся со дна колбочки, центр тяжести смещался в сторону головки, и птичка наклонялась, опуская клюв в воду, и «пила». В результате этого головка намокала, колбочка охлаждалась, пары эфира конденсировались и собирались на дне. Птичка, «напившись», поднимала головку. А затем начиналось все сначала.

Что же касается очков, то мне они понравились и без «изюминки». Они были очень симпатичные — с белой оправой в голубой горошек, и очень подходили под цвет купальника, который папа мне привез. Но все же это было как-то очень странно, на папу не похоже. Вручая очки, он как-то интригуяюще сказал мне: «А посмотри-ка одновременно через двое очков — свои и Шурикины». Смотрю — все видно, но только темнее немного. Шурик смотрит — то же самое. Мы не можем понять, в чем же папина хитрость. Тогда он взял наши очки и расположил их так, чтобы стекла одних были параллельны стеклам других. Дал нам посмотреть — свет проходит. Потом он стал медленно поворачивать одни очки относительно других вокруг оси, проходящей через стекла, которые находились одно над другим, так, что они, оставаясь в тех же плоскостях, расположились, в конце концов, перпендикулярно друг к другу. И мы наблюдали, как все меньше и меньше проходило сквозь стекла света и, наконец, — полная чернота, свет совсем не проходил. Мы страшно удивились, и давай с Шуркой крутить эти очки и так и сяк — чудо какое-то! Такого мы раньше никогда ни видели. Папа был очень доволен произведенным на нас впечатлением и все ждал, что мы догадаемся, в чем же там дело. Но в школе мы поляризацию света еще не проходили и поэтому дать объяснение этому явлению не смогли. Было видно, что он этим несколько разочарован. Тогда он сам стал нам объяснять суть этого явления.

ФОТО. КИНО

Там же в своем кабинете папа занимался фото. Он был страстным фотолюбителем — фотографировал при каждом удобном случае: дома, на семейных праздниках, во время прогулок, поездок на велосипедах и машине, в командировках. Увлекался фотографией папа с юности. Тогда ему Александр Петрович подарил первый фотоаппарат. Сам Александр Петрович начал заниматься фото еще во время своего первого пребывания в Киеве — с 1898 по 1904 годы. Занимался он этим очень серьезно и основательно, и это увлечение прошло через всю его жизнь. В свои последние годы, когда семья жила уже в Москве, Александр Петрович, являясь членом Дома ученых, перед самой Второй мировой войной даже руководил там фотокружком.

На протяжении многих лет, почти до конца своей жизни, папа выписывал журнал «Фото», который он всегда очень внимательно и с интересом просматривал, находя в нем для себя интересные технические и методологические моменты.

Когда у нас в стране еще не было цветной фотопленки, папа привозил ее из командировок. Разузнав где-то технологию ее проявления, он с увлечением занялся этим. Дело это не простое — надо очень точно соблюдать весь технологический процесс: четко выдерживать все пропорции при составлении проявителя, затем, в процессе проявления, — температурный режим и т.д. Для этого у него были очень точные весы, термометры и всевозможные приспособления. Занимался всем этим он, конечно, в выходные дни и в отпуске на даче.

Был период, когда папа увлекался «стереофотографией». У него появился фотоаппарат с двумя объективами. А смотреть снимки надо было через бинокляр.

А потом наступил период увлечения еще и киносъемками. У папы появилась кинокамера, и он везде и всюду снимал фильмы — детей, внуков, семейные праздники, на прогулках, в поездках. Сначала была обычная «пленочная» камера. Отснятую кинопленку папа отдавал проявлять в мастерскую. Он купил кинопроектор, и мы с удовольствием смотрели фильмы, которые проектировались на белую простыню, натянутую на стене. Позже он купил специальный киноэкран. Просмотр «любительских» фильмов стал традиционным завершением всех наших сборищ и праздников. Наука и техника на месте не стояли, и через какое-то время у папы появилась видеокамера.

Для более «грубых» работ у папы была мастерская в гараже. Там стоял большой верстак и хранился «грубый инструмент» — топоры, пилы, рубанки, фуганки и т.д. В гараже он пилил, строгал и т.д., словом, мастерил всякие крупные вещи.

«АСТРОНОМИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ»

На втором этаже дома была родительская спальня и моя комната. Из родительской спальни был выход на открытый «полукруглый» (шестигранный) балкон, который был задуман папой специально для того, чтобы с него можно было наблюдать звездное небо. Папа ко дню своего рождения купил себе в качестве подарка в комиссионном магазине телескоп. Это был небольшой телескоп-рефлектор, французской фирмы G. Fournier (Paris). В таком телескопе изображение небесного светила получается при помощи объектива — преломляющей и собирающей лучи линзы. Потом папа приобрел себе простенький телескоп-рефрактор системы Ньютона отечественного производства, который

назывался «Алькор». В таком телескопе изображение создается не преломлением, а отражением света от вогнутого зеркала. И вот в теплые ясные вечера мы все устраивались на балконе, чтобы полюбоваться звездным небом. Такая у нас сложилась традиция. Папа устанавливал телескоп, рассказывал нам о звездах, созвездиях, планетах, кометах... Мы старались в телескоп найти на небе какие-нибудь из них. Это было не так уж просто. Больше всего нам нравилось в полнолуние рассматривать в телескоп поверхность Луны — ее горы, кратеры... Это было очень эффектно и увлекательно и, к тому же, гораздо проще, чем отыскивать звезды. При этом возникало ощущение, будто мы по ней путешествуем, как в каком-нибудь научно-фантастическом романе.

А еще мы с папой наблюдали солнечное затмение. К нему мы заранее готовились — коптили стеклышки, чтобы можно было сквозь них смотреть на Солнце и наблюдать это явление.

ОПТИЧЕСКИЕ ПРИБОРЫ

Папа очень любил оптические приборы. У него были подзорные трубы и бинокли различных размеров и увеличения. Когда мы куда-нибудь отправлялись — ехали на машине, на велосипедах или шли пешком, то он обязательно брал с собой какой-нибудь из своих биноклей, и мы разглядывали в него окрестности, диких зверей и птиц, которых тогда было очень много в окрестных лесах и полях. У нас уже сложилась традиция — в начале или в конце прогулки, в зависимости от маршрута, рассматривать Университет (МГУ). В ясную погоду он был хорошо виден даже невооруженным глазом с «Козинского поля», которое примыкало к поселку с его восточной стороны. В бинокль же его можно было разглядывать в деталях. Любимым у папы был небольшой бинокль с хорошей светосилой, который ему подарили на юбилей сотрудники ЛОМО (Ленинградского оптико-механического объединения). Он им очень дорожил и всегда возил с собой. Однажды с этим биноклем произошла «загадочная» история.

КУЛЬТУРНЫЕ ЖУЛИКИ

Как-то, после выходных дней мы вернулись с дачи в Москву. Разбирая свои вещи, папа вдруг обнаружил, что бинокля нет. Мы перерыли все вещи, которые возили с собой. Посмотрели около дома, где выгружались, когда приехали. Папа спросил у водителя, — не находил ли он его в машине — может, бинокль выскользнул из сумки, пока ехали... Бинокля нигде не было. Папа очень расстроился, потому что это означало, что он его забыл на даче.

А поскольку дачу нашу регулярно обкрадывали, то шансов, что бинокль уцелеет до следующих выходных, было немного. Поехать туда на неделе возможности не было, поэтому оставалось надеяться, что повезет, и в эту неделю не обворуют. Но когда мы приехали в следующий раз на дачу, бинокля на его обычном месте не оказалось. Просмотрели все — нигде нет. Значит, все-таки украли. И каково же было наше удивление, когда, приехав еще через неделю, обнаружили бинокль на месте. Единственное объяснение этому загадочному явлению было то, что жулики побоялись посягнуть на этот бинокль, поскольку на нем была выгравирована дарственная надпись. Но они ведь, увидев эту гравировку, могли его просто выбросить где-нибудь. Так нет — вернули и, более того, повесили на место!

Вообще все более или менее ценные вещи приходилось каждый раз увозить с собой в Москву. В первое время жулики в основном воровали инструмент,

причем только отечественный. Инструмент иностранного производства, который папа привозил из командировок, не брали. Наверное, из-за того, что на этом было легко попасться, ведь тогда в нашей стране такой инструмент был редкостью. Было подозрение, что этим занимались ребята из звенигородского ремесленного училища. При этом во время кражи они не разбивали окон, не взламывали дом, а либо влезали через форточку, либо аккуратно снимали «штапики» (планочки, которые держат стекло в оконных рамах) с оконных рам, вынимали стекло и все это аккуратно ставили, прислонив к стене дома неподалеку от окна. Папа все удивлялся: «Надо же, какие культурные жулики!» Но со временем становилось все хуже и хуже. Воры наглели. Они воровали уже все подряд: и импортный инструмент, и разнообразные вещи, и, наконец, дошли до того, что утащили тяжеленные сверлильный станок, токарный станок и культиватор «Крот». Но это уже, конечно, были серьезные воры, с машиной. Так просто эти вещи не утащишь, слишком тяжелые и громоздкие. После краж, конечно, папа заявлял в Звенигородскую милицию, но толку от этого не было. Они приезжали, все осматривали, записывали, но на этом дело и кончалось.

Со временем в Можжинке грабежи дач стали общей бедой поселка. С самого начала его существования дачи академиков охранялись. Академикам была подарена дача в комплекте с гаражом-сторожкой, в которой уже жил сторож. Наши же дачи, Котельникова и Арцимовича, построенные позже и своими силами, были без охраны. У Льва Андреевича, правда, был телохранитель, но он охранял его лично, но не дачу. Позже контингент поселка существенно изменился, многие академики ушли из жизни. Изменилась и ситуация с охраной дач, в которые, так же как и в нашу, стали лазать жулики. Только у нас это происходило гораздо чаще, чем у остальных. По-видимому, это объяснялось тем, что дача находилась на краю поселка, в лесу. Участок с двух сторон граничил с густым лесом. Так что было легко забраться на участок и залезть в дачу, а потом уйти незамеченным со стороны оврага, за которым шла «бетонка». К тому же уже недалеко от нашего участка овраг становился вполне «проходимым», и через него даже шла тропинка, по которой местное население ходило в Звенигород.

В какой-то момент, уже в 1990-х годах, было решено сделать по всему поселку централизованную сигнализацию. Так, что в случае «вскрытия» дачи сигнал подавался в контору. А они уже смотрели, что произошло, и вызывали милицию. Сигнализацию установили, но проработала она совсем недолго и сломалась. Тогда папа решил сделать свою сигнализацию, независимую. Он раздобыл автомобильную сирену и установил ее на крыше дома в незаметном с земли месте. Поскольку разводка сигнализации по дому уже была сделана, то ему оставалось только подсоединить к ней сирену и питание. Питание он сделал автономное, от аккумуляторов, и спрятал так, чтобы найти их и отключить было не очень просто. Стоило разбить окно, открыть дверь или форточку, как сирена начинала реветь так, что жуликам, как говорил папа, становилось «неуютно» залезать в нашу дачу. И действительно, после того как установили эту сирену, сигнализация в наше отсутствие несколько раз срабатывала, о чем нам сообщали местные жители, но пропажи вещей по приезде мы не обнаруживали. Кражи прекратились.

ОГОРОД

Огородом папа периодически занимался на протяжении почти всей своей жизни, начиная с 6-ти лет: во время Первой мировой войны в Казани;

в Гражданскую войну и первые годы после ее окончания — в Киеве; перед самой Второй мировой войной — в Москве; во время войны — в Уфе; в самом конце войны и в первые годы после ее окончания, до 1949 года — в Москве.

И вот теперь, уже на своем участке в Мозжинке, они с мамой с энтузиазмом занялись огородом, садом и разведением цветов. В первую же весну, 1955 г., когда уже можно было жить на даче, они сделали грядки на предварительно расчищенном от кустов и сорняков и перекопанном осенью участке земли. Посадили картошку, чтобы летом можно было есть молоденькую с грядки. Посеяли зелень, морковь, репу, свеклу, горошек, огурцы, кабачки. Посадили клубнику разных сортов, кусты смородины черной и красной, крыжовник, малину, сливу, вишню и несколько яблонь. Папа с мамой регулярно ухаживали за огородом. На нашем лесном участке это было не просто. Не успеешь оглянуться, как все заросло сорняками. По этому поводу мы шутили: «Джунгли наступают!»

Для нас с Шуриком тоже были выделены грядки, за которыми мы должны были следить — полоть, прореживать, поливать. Нельзя сказать, что мы были в восторге от «огородничества», — нам бы побегать. Поэтому мы иногда отлынивали от этой работы, за что от мамы нам попадало. В то же время я не могу вспомнить случая, чтобы папа каким-либо образом принуждал нас работать на огороде или журил за неполитые или непрополотые грядки. В определенный момент он, ничего не говоря, спокойно, без всякого недовольства просто брался за них — пропалывал и поливал. От этого нам становилось очень неудобно, и потом мы уже старались такого не допускать. Когда же папе нужна была наша помощь, он не настаивал, не заставлял, а просто вежливо просил. И этого было достаточно. Мы с удовольствием мчались ему помогать.

Папа работал на огороде очень активно и с удовольствием: копал, рыхлил, поливал, полол, подстригал кусты и деревья, подкармливал их, опрыскивал, обмазывал стволы известью... Внедрял на нашем огороде всякие «новшества». Например, во время своей поездки в Китай он увидел у местных крестьян парники очень простой и оригинальной конструкции, которые ему очень понравились: в землю втыкались дуги из бамбука или еще какого-то растения, а на них накидывалась пленка, края которой придавливались камнями. Раньше такого он не видел. Вернувшись домой, папа тотчас соорудил в нашем огороде такие парники, правда, дуги он сделал из толстой проволоки.

Когда в огородный сезон мы приезжали в выходные на дачу, папа, разгрузив вещи и перетащив их в дом, первым делом отправлялся посмотреть, «что там творится на огороде»: как всходят наши посеы, появились ли листочки на кустах, деревьях, не зацвели ли они. Позже — не появились ли завязи на огурцах и кабачках, что с клубникой и т.д. Он очень радовался первым всходам, распустившимся кустам и деревьям, их цветению, первым завязям, созревающим плодам. А когда летом и осенью к столу подавали зелень, овощи, ягоды или фрукты, всегда интересовался — не с нашего ли огорода.

Поначалу самым главным «вредителем» огорода был наш пес Джульбарс. Когда мы копались на огороде, он, конечно, тоже там присутствовал. Ему было очень интересно, что мы делаем, и он везде совал свой нос, носился, невзирая на грядки, затаптывая наши посадки. Мама на него шумела, прогоняла, а папа — воспитывал. Он терпеливо объяснял ему, показывал, где грядки, куда можно ходить, а куда не следует. Джульбарс был очень умный. Он довольно быстро понял, чего от него хотят, но терпения у него хватало ненадолго. И папа

опять начинал ему объяснять. В конце концов, пес стал вести себя на огороде вполне прилично.

В один из первых огородных сезонов мы неожиданным для нас образом познакомились с коренными обитателями этих мест. Как-то в начале июня мы приехали на дачу и пошли с папой посмотреть наш огород. В последний выходной, когда мы там были, посева начали уже всходить. На дачу мы не ездили две недели и теперь ожидали увидеть уже хорошие всходы. Приходим — все голо. На грядках пусто, ни росточка. Мы ничего понять не могли. Сначала решили, что это птицы повывергали всю зелень. А когда пригляделись, то обнаружили, что побеги не выдернуты а обкусаны под корешок. Потом папа обнаружил на рыхлой земле следы зайцев. Зайцев в тех местах водилось очень много. Мы не раз видели их в лесу, а на участке зимой было полно их следов. Пришлось папе заделывать от непрошенных гостей все щели под забором.

В другой раз произошел еще один забавный случай. Как-то осенью до холодов мы не успели собрать морковку, а потом получилось так, что на дачу мы не приезжали несколько недель. Так морковка и осталась зимовать под снегом. Кто-то из папиных знакомых «огородников» сказал ему, что это, мол, не важно — с ней ничего не случится, она нормально перезимует и весной можно будет собрать «свежую» морковку. И вот весной, когда стаял снег и немного «отошла» земля, папа решил посмотреть, что же там с морковкой, как она перезимовала. Пришли в огород, папа потянул за ботву и — нет морковки. В руках только ее «хвостик». Потянул за вторую, за третью... — все то же самое. Нет морковки. Тогда он чуть копнул поглубже и обнаружил кротовый ход. Он шел как раз по линии, где росла морковка, и кроты за зиму постепенно ее всю съели. Папа очень смеялся: «Вот хитрецы! Повезло им, однако».

Ну, а летом, когда начинали созревать ягоды, основной бедой были птицы, особенно сойки. Крупные, красивые и ужасно нахальные, они успевали сразу после восхода солнца склевывать все созревающие, даже чуть покрасневшие, ягоды. Особенно они любили клубнику. И как только с ними ни боролись! Сначала папа пытался распугивать их с помощью своего охотничьего ружья. В них он, конечно, не стрелял, а просто «палил» мимо. Они, конечно, улетали, но стоило уйти с огорода — опять принимались за свое. Так что толку от такого метода борьбы с ними не было никакого — не будешь же весь день, от зари до зари, сидеть в огороде и караулить, когда они появятся. Тогда папа принялся мастерить огородное пугало. Это было очень веселое занятие. Сначала он сделал «скелет», да не простой, а подвижный — так, чтобы даже при небольшом ветре он начинал качаться и вращаться. Потом мы его наряжали, закрепляли. Чучело получилось очень смешным — в «модной» шляпе, с волосами из пакли, в папином старом плаще и штанах-шароварах. Когда это пугало было готово и на ветру начало качаться и размахивать руками, наш Джульбарс страшно возмутился. С громким лаем он начал носиться вокруг него и кидаться, стараясь допрыгнуть и ухватить за штанину. В общем, началось всеобщее веселье. Сойки же очень быстро смекнули, что пугало для них не представляет никакой опасности. Тогда папа сделал еще и погремушки из консервных банок. Тоже помогло лишь на короткое время. Наконец папа придумал натягивать леску над грядками так, чтобы сойки не могли приземлиться. Это, вроде, помогло. С вишней было еще хуже. С ней птицы разделялись в один миг.

Каждую весну, как только начинало пригревать солнышко, и стаял снег, папа заводил разговоры об огороде. Мама с папой обсуждали, что будем сеять,

сажать, где и какие семена и саженцы доставать. Покупкой семян, рассады и саженцев, в основном, занималась мама. У нее была специальная тетрадь, в которой она все записывала, чертила план огорода, они с папой отмечали, что, где и когда они посадили, когда появились всходы, какой был урожай, какой сорт из посаженных культур оказывался лучше. В общем, целое исследование.

Когда надо было обрабатывать огород, папа придумывал всякие приспособления. Сначала он разрабатывал «модель изделия», рассчитывал, делал чертеж. Потом садился на машину и ехал в Звенигород, в «скобяную лавку» — был такой магазин. В нем продавали керосин, гвозди, шурупы, проволоку, петли для дверей, замки, лопаты, грабли, черенки для лопат и еще многое другое. Покупал там то, что могло пригодиться для его изобретения, и начинал мастерить. Так, когда понадобилось пропалывать колючий крыжовник, он соорудил такую «закорючку», которая с легкостью засовывалась под куст, зацепляла сорняки и выдирала их, когда ее оттуда вытягивали, не повреждая при этом крыжовник. Для этого папа сначала надпилил лопату особым образом, а потом ее части изогнул «по-хитрому».

Потом папа придумал и сделал особую лопату, которой можно было с легкостью копать, не перегружая поясницу. У этой лопаты вместо обычного черенка была целая конструкция — система рычагов. Лопату было достаточно воткнуть в землю, нажать на педаль и без особых усилий она выкапывала из земли ком и отбрасывала его вперед. Конструкцию папа соорудил из выпиленных и обработанных им деревянных брусков, соединенных в систему рычагов. По-моему, папа взялся ее изобретать, когда мама повредила себе спину, и у нее потом был радикулит. Даже она, поправившись, могла копать этой лопатой.

Однажды родители были на торжественном приеме то ли по случаю Дня космонавтики, то ли — Дня Победы. Словом, — весной. На приеме папа разговаривал с Генеральным конструктором одного из космических предприятий. Обсуждали дела космические, потом перешли на общую ситуацию в стране. А в то время началась так называемая «конверсия», — от предприятий Военно-промышленного комплекса (ВПК) стали требовать, чтобы они параллельно со своей основной продукцией выпускали предметы «ширпотреба» (широкого потребления). Так кто-то из них стал выпускать кухонные комбайны, кто-то кастрюли-скороварки, в общем, кто — что. Потом заговорили про весну. Оказалось, что Генеральный — заядлый огородник. И тут мама возьми да скажи про папину лопату. Собеседник живо заинтересовался, стал расспрашивать, что да как. Папа рассказал ему. А мама пошутила: «Вот Вам и “конверсионная” продукция». «А что? Можно попробовать, — отреагировал Генеральный. — Владимир Александрович, чертежи дадите?» Папа, смеясь, согласился. Оказалось, Генеральный конструктор все принял всерьез, и по его просьбе папа потом передал в эту организацию свои чертежи.

Через какое-то время ему принесли изготовленную на предприятии лопату. Она была из металлических трубок, очень аккуратненькая, не то что его система из деревянных брусков. Папа взглянул на нее и сразу определил: «Вот в этом месте она сломается». Сотрудник предприятия возразил: «Что Вы, Владимир Александрович! Все рассчитано, над ней конструкторы поработали». Владимир Александрович спорить не стал и, поблагодарив, взял лопату на испытания. Приехав в выходные на дачу, он пошел в огород ее испытывать. Только копнул — лопата сломалась. Забрали ее на доработку. Через какое-то время принесли «доработанное изделие». Стал папа копать — лопата не ломается, но другая

беда — выкопанные комья земли она швыряет прямо на голову копающему. Наконец, третий «вариант изделия» стал копать нормально.

Так что у нас после этого стало две лопаты: ЛК-1 (Лопата Котельникова № 1 — авторский экземпляр, деревянная) и ЛК-4, последний вариант лопаты промышленного изготовления.

Что потом было с его «изобретением» — неизвестно. Папе потом было не до этого.

Потом я как-то спросила папу, пустили ли они его изобретение в производство, на что он ответил, шутя: «Не знаю, в продаже не видел».

Через какое-то время у папы появился бензиновый культиватор «Крот», которым он по весне вспахивал огород. «Крот» был тяжелый, мощный и когда его заводили, то удержать его было очень трудно. Ни я, ни мама с ним справиться не могли — он вырывался из рук как «необъезженный мустанг». Конструкция этого культиватора была несовершенная, и папа то и дело возился с ним, стараясь починить, отладить, усовершенствовать. Через какое-то время, во время очередного налета на нашу дачу, «Крот» украли. Папе к тому времени был уже далеко за 80, и он решил, что надо иметь что-то полегче. В стране у нас тогда уже продавался иностранный инструмент и техника, и папа приобрел японский культиватор «Ямаха». Он был гораздо легче «Крота», маневреннее, правда, не такой мощный и не так глубоко копал. Но этого было вполне достаточно. Заводился он с полоборота, работал исправно, и папа с его помощью с большим удовольствием обрабатывал грядки и клумбы для цветов. Но даже у такой совершенной техники как «Ямаха» папа нашел, что усовершенствовать. У японцев, наверное, не было такого жуткого количества сорняков, как у нас, и поэтому они не предусмотрели того, что сорняки могут забивать «ножи». А в наших «джунглях» такая проблема возникла. Вот папа придумал и сделал к этому культиватору специальное приспособление, чтобы этого не происходило.

Еще мама с папой выращивали цветы. Разводили их около дома, с южной и восточной сторон. Это было единственное солнечное место, кроме огорода. У нас росли замечательные примулы, крокусы, тюльпаны, нарциссы, ирисы, гладиолусы, пионы... В основном цветами занималась мама. Папа, конечно, тоже помогал, но в этом деле у него была «узкая специализация», он очень любил и выращивал розы. Возможно, это было навеяно воспоминаниями о том, как его отец, Александр Петрович, разводил розы на даче под Казанью. Однако у нас на участке они хорошо росли только в первые годы, пока окружающие деревья еще не очень выросли, и розам хватало солнечного света. А потом лес «поднялся», и им стало темно.

Такая же ситуация, собственно, была и с огородом.

Много позже, когда папе перевалило за 90 и ему стало трудно пропалывать грядки нагнувшись, он смастерил себе специальный ящик-скамеечку. Сделал ее оптимальной для себя высоты так, чтобы было удобно пропалывать и рыхлить сидя. Садовый инструмент был «под рукой», он складывал его в ящик, отверстие в который было в передней боковой стенке. А чтобы не вставать каждый раз, когда надо передвинуться вдоль грядки на другое место, к скамеечке была привязана веревка так, что, чуть привстав и потянув за нее, скамеечку можно немного подвинуть, а самому легко пересесть. Таким образом, он по мере необходимости продвигался вдоль всей грядки.

ПЕРВЫЙ НОВЫЙ ГОД В МОЗЖИНКЕ

Родители очень любили дачу, и мы ездили туда почти каждую неделю на все выходные и на наши каникулы. Мама, может, иногда предпочла бы остаться с семьей в Москве, сходить на выставку, на концерт или в театр, но папино и наше здоровье было для нее превыше всего. Поэтому проведение «культурных мероприятий» она планировала на неделю. Папа старался взять часть своего отпуска зимой, в школьные каникулы, а часть — летом. Регулярно приезжать туда мы начали с осени 1954 года, когда дом был уже в таком состоянии, что в нем стало возможно жить. Первый этаж уже был готов, вода, канализация и отопление работали, и родители начали обустраивать жилище.

Готовила мама первое время, до того как провели в поселок газ, на дровяной печи и на керосинках. На кухне строители соорудили «встроенную мебель» — длинный кухонный стол со шкафами под столешницей и стеной шкаф. Теплая вода для душа подогревалась от отопительного угольного котла в сооруженном над ним большом баке.

В комнатах из мебели сначала были только раскладушки, два стола, сделанных тоже строителями, табуретки и длинная скамья.

Новый 1955 год мы встречали на даче. С елкой проблем никаких не было. Вокруг были такие густые заросли ельника, что их требовалось прореживать. Папа подобрал подходящую елочку — пушистую, высокую до потолка, и установил ее в большой комнате-гостиной. Весь дом сразу наполнился ароматом хвои. Папа ее укрепил по своей системе, проверил и развесил гирлянды, и мы все вместе стали ее наряжать. Елочных украшений у нас оказалось очень много — были и наши старые московские игрушки и новые, недавно купленные. Мы очень любили перед Новым годом ходить с мамой на елочный базар и там, среди множества сверкающих, переливающихся золотом и серебром украшений, покупать новые разноцветные блестящие шарики, всякие красивые фигурки, снежинки, гирлянды, бусы, мишуру... Елка получилась у нас очень нарядная. Простояла она у нас до конца марта. У нее даже светло-зеленые росточки появились.

На Новый год у родителей собралась МЭИвская компания (преподаватели из МЭИ). Как всегда были: Евтяновы, Кагановы, Бабиковы и еще какие-то незнакомые мне люди. Приехали они на поезде, в то время мало у кого были автомобили, и папа на своей «Победе» ездил встречать их на станцию Звенигород. Гостей было много, и ему пришлось сделать несколько рейсов, пока всех не привез.

В дороге они промерзли и с большим удовольствием отогревались в теплой гостиной у елки и камина. Оба наших стола были сдвинуты и накрыты, а вокруг них соорудили «импровизированные» скамьи из положенных на табуретки досок.

Мы с Шуриком были уже достаточно взрослые, в Деда Мороза не верили, поэтому веселились вместе со всеми, провожали Старый и встречали Новый год. Только бедный наш Джульбарс томился взаперти. Его закрыли в маленькой комнате, потому что мама боялась, что он может кого-нибудь покусать. Папа придерживался другого мнения. Он верил в «своего воспитанника» Джульбарса и считал, что он никого не тронет, но, поскольку мама так переживала, решил, что правильнее будет не портить ей настроение.

Вообще Джульбарс просто так на людей не кидался. Но мама считала, что в праздничной суматохе гости, не зная логики его поведения, могли спровоци-

ровать нападение. У Джульбарса были свои собачьи «критерии дозволенного». Например, он не разрешал посторонним, если уж они оказались в доме, ничего брать из вещей. Кроме того, было совершенно недопустимо не только здороваться с хозяевами за руку, но и даже просто прикасаться к ним и повышать на них голос. И не дай Бог, если кто-то из чужих попытается его чем-нибудь угостить, — сразу кинется. А еще, как близкий потомок волка, он очень настороженно относился к «открытому» огню. Нам с Шуркой он долгое время не разрешал зажигать даже спички — сразу кидался и хватал за руку. Если же мы успевали зажечь, то тушил их своей пастью. Но на взрослых это не распространялось, им зажигать спички он разрешал. Оказалось, что он был еще и противником курения. В нашем доме никто не курил, и мы об этом не знали до тех пор, пока не произошел один курьезный случай. В Москве с Джульбарсом по утрам и вечерам гулял обычно папа. Выводили собаку всегда в наморднике. В то время намордники были такие, что они стягивали собачью морду так, что бедной собаке было ни зевнуть, ни облизаться, ни гавкнуть, словом — одно мучение. И папа привез Джульбарсу из зарубежной командировки подарок — новый замечательный намордник. Он был сделан из кожаных ремешков в виде корзиночки с очень редким плетением, с большими отверстиями, так что собака могла свободно дышать и в свое удовольствие зевать, облизываться и лаять. Однажды папа, надев на Джульбарса новый намордник, повел его гулять. А у нас, когда мы жили на ул. Казакова, гулять с собакой можно было только во дворе. Чтобы в него попасть, выйдя из подъезда, нужно было пройти немного по тротуару улицы и войти в арку, расположенную посередине дома. И вот папа, выйдя из подъезда, направился к арке. Джульбарс, как и положено, на коротком поводке шел спокойно рядом. Навстречу им шел прохожий, который, видимо, собак не боялся и поэтому, поравнявшись, проходил мимо них почти «вприценку». И вдруг, когда прохожий подошел к ним почти вплотную, Джульбарс моментально встал на задние лапы и молча в одно мгновение выкусил у него изо рта зажженную сигарету, которая свободно «пролезла» в одно из отверстий намордника. В первый момент все оторопели, а потом прохожий очень испугался и, хотя никаких повреждений ему нанесено не было, устроил страшный скандал. Кричал, что собака, наверное, бешеная, раз на ходу выкусывает у прохожих сигареты. Папа, конечно, очень извинялся, успокаивал его, заверяя, что пес здоров. Но тот не унимался, говорил, что, может, какая-нибудь капля собачей слюны попала ему в рот, после чего он заболит. В общем, папа договорился с ним, что после того как отведет собаку домой, представит ему справку о том, что Джульбарс имеет прививку от бешенства, а его самого отвезет на всякий случай в поликлинику. Так и сделали. В поликлинике посмеялись над происшедшим и поскольку ни царапин, ни ушибов обнаружено не было, успокоили пострадавшего, что его здоровью никакой угрозы нет. Не знаю, пришлось ли папе заплатить этому прохожему «за моральный ущерб», но инцидент был исчерпан. Джульбарса же папа называл после всего этого ДПП — добровольным помощником пожарным. В то время было много добровольных обществ содействия чему-нибудь, например ДОСААФ (Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту) и др.

Нам с Шуриком было жаль сидящего взаперти Джульбарса и мы периодически таскали со стола что-нибудь вкусненькое и приносили ему, чтобы не тосковал. У него ведь тоже Новый год! Потом нам надоело пировать с взрослыми,

мы забрали из-под елки свои подарки, прихватили с собой побольше лакомств и втроем — мы и Джульбарс, устроили в комнатке свой праздник. А взрослые продолжали веселиться в гостиной. Через какое-то время папа решил повести всю компанию на лыжную горку кататься на санках. Было уже очень поздно и родители категорически отказались брать с собой нас, мотивирую это тем, что Джульбарсу одному будет очень скучно. Это было абсолютной правдой, так как пес действительно очень тосковал, когда оставался один. Папа прогулял собаку, после чего мы втроем улеглись в маленькой комнате спать.

Еще до Нового Года мы с родителями пешком и на лыжах успели разведать ближайшие окрестности поселка, хорошие лыжные места. На равнинных лыжах мы ходили в леса, которые начинались сразу за дачей Арцимовичей, а на горных — к Москве-реке. Мозжинка находится на крутом берегу реки. Склоны, которые начинались вскоре за поселком, были обрывистые и заросшие лесом, поэтому с них кататься на лыжах было невозможно. Выше же по течению, на другом берегу большого Мозжинского оврага, который проходил за нашим участком, были очень хорошие лыжные склоны. Они были высокие, но более пологие, и деревьев на них было меньше. Туда папа и повел гостей. Они взяли с собой наши с Шуркой металлические санки и большие деревянные сани — дровни, которые родители купили на рынке в Звенигороде. На них папа возил дрова и ведра с каменным углем для отопительного котла. Дровни были тяжеленные, полозья у них обиты металлом. Идти до горок надо было по лесу приблизительно километра два, поскольку пройти туда можно было только выйдя из поселка за основные ворота к бетонке, и там, перейдя овраг в месте, где он становился совсем мелким, идти через лес к реке. На лыжах-то это — «пара пустяков», а вот ночью пешком по глубокому снегу, да еще с санями — не так-то просто. Но охота пуше неволи, и компания весело добралась до горок.

Судя по веселью, которое царило, когда мы проснулись на следующее утро, все были в восторге от прогулки и катания с гор. При этом они шутили: «Вожделение саней в нетрезвом виде очень опасно и может привести к несчастному случаю!» И случай такой у них произошел. Профессор Бабилов, съезжая на санях с горки, врезался в дерево. Скорость, к счастью, была не очень большая, так что отделался он только шишкой на лбу да синяком под глазом. Судя по его веселому настроению, он не слишком пострадал. Вся компания, включая и его самого, покатывалась со смеху, представляя себе, как он в таком виде будет на следующий день принимать у студентов экзамен и что они при этом подумают о своем профессоре. Вид у него был, действительно, устрашающий. Мама периодически меняла ему холодный компресс, чтобы шишка не слишком разрасталась, и переживала, что их замечательная прогулка закончилась таким образом. Но, несмотря на это, все были очень довольны праздником и после обеда веселые и отдохнувшие отправились в Москву.

С той встречи Нового года в 1955 году в нашей семье сложилась традиция встречать каждый Новый год на даче. И, за редким исключением, это продолжалось в течение 50 лет. Последний свой Новый год, 2005-й, папа встретил, как обычно, на даче. И так же как во все предыдущие годы, 31 декабря 2004 года наряжал срубленную на участке елку, развешивал новогодние украшения. В полночь под бой кремлевских курантов пил шампанское, поздравляя своих близких с Новым годом. 11 января 2005 г., попрощавшись с елкой, он уехал в Москву. Утром 11 февраля 2005 года его не стало.

ЛЫЖНЫЕ ПРОГУЛКИ

В зимнее время, когда мы приезжали на дачу на выходные дни или на школьные каникулы, то обязательно катались с папой на лыжах. Он очень любил и хорошо катался как на равнинных, так и на горных лыжах. Места в окрестностях Звенигорода были замечательные, не даром их называли «русской Швейцарией». На равнинных лыжах можно было бродить по живописным полям и лесам, простирающимся вокруг на десятки километров. Для горных лыж были очень хорошие склоны оврагов и берега Москвы-реки разной высоты и крутизны. Самой большой популярностью у нас и у местного населения пользовались достаточно высокие и не слишком заросшие лесом склоны берега Москвы-реки, которые находились недалеко от поселка, выше по течению реки. В настоящее время на этой горе находится пансионат «Звенигородский» Российской академии наук. Теперь на этих склонах установлен подъемник, а тогда там была дикая природа — лес, поляны, овраги, пойма реки...

Лыжного сезона мы всегда ждали с большим нетерпением и очень радовались, когда выпадал первый снег. Старались не прозевать момента, когда его покров будет достаточен для того, чтобы прокатиться «по первому снежку». Это доставляло особое удовольствие. Снег, конечно, потом стаивал, сразу на всю зиму первый снег никогда не ложился. По папиному утверждению, «раньше 1-го декабря снег не ложится». К сожалению, все чаще и чаще случается, что это происходит еще позже.

Недавно, просматривая папины архивы, я листала его записную книжку, в которой были расписаны по датам намеченные им важные дела, встречи, командировки и др., и вдруг наткнулась на запись: «23.01.83. наконец, начался лыжный сезон». Дальше опять шли деловые записи. Оказывается, начало лыжного сезона для папы было тоже очень важным событием.

На лыжную прогулку мы отправлялись всей семьей, включая Джульбарса. Он был большим любителем дальних прогулок. Часто к нам присоединялся папин брат, дядя Сева, который приезжал с семьей — женой и дочерью Ириной, и наши друзья. Уходили мы надолго, часа на три–четыре. В те годы прогулки на лыжах были более популярны, чем сейчас, лыжников было значительно больше, чем потом, после 90-х годов. Накатанных лыжней в лесу, соответственно, тоже было значительно больше.

В прежние времена лесники работали очень активно. Они чистили лес — пилили и убирали засохшие и больные деревья, расчищали от завалов упавших деревьев и больших веток просеки и лесные дороги, по которым, видимо, ездили на заготовку дров и по другим своим лесничим делам. Следили, чтобы не губили лес, не охотились без лицензии и в неположенное для этого время. К тому времени сформировались уже устоявшиеся лыжни. Так, например, была хорошо раскатанная лыжня, по которой из года в год по лесу ходили лыжники из нашего поселка, дома отдыха в п. Ершово, а много позже, когда построили пансионат «Звенигородский», и его отдыхающие. Мы называли ее Генеральная лыжня. Лесники даже ее расчищали, если вдруг на нее падало большое дерево.

Первое время мы разведывали местность. У папы всегда был с собой компас, чтобы ориентироваться в случае непогоды, и предварительно просмотрев карту, мы отправлялись в путь. Когда намечался дальний маршрут, мы запасались провизией — мама делала какие-нибудь бутерброды и еще что-нибудь нехитрое. Папа брал котелок и кружки для чая. Всегда при себе у него были большой

«многофункциональный» перочинный нож, спички, и еще он брал маленький топорик. Все это имущество укладывалось в его небольшой рюкзачок. Приблизительно в середине маршрута мы устраивали привал. Папа разводил костер, мы набивали котелок снегом и кипятили чай. Экологическая обстановка в те времена была гораздо лучше, чем сейчас, и лесной снежок был белый-белый, иногда только попадались хвойные иголки, от чего чай получался еще вкуснее. Нашим любимым лакомством были ломтики колбасы и хлеба, как «шашлык» нанизанные на веточки и поджаренные на костре. Папа больше всего любил «шашлык из Одесской колбасы». В ней были кусочки сала, которое на костре начинало «таять», пропитывая хлеб, капельки жира с шипением капали в огонь, и вокруг разносился дразнящий, очень аппетитный запах. Джульбарс, конечно, тоже принимал участие в нашей трапезе.

Когда мы шли по лыжне, предводителем обычно был папа. Он определял маршрут, а Джульбарс носился взад-вперед. Папа объяснял нам, что Джульбарс, как и следует овчарке, собирал нас, как «стадо», всех вместе и смотрел, чтобы никто не отстал. Если кто-нибудь сильно задерживался, он начинал лаять, подгонять его. Периодически папа осматривал его лапы и вычищал налипшие между пальцев комочки снега. При этом он объяснял нам, чем отличаются следы волка от собачьих и почему у волка не забивается снег между пальцами. На обратном пути, когда силы уже начинали нас покидать, папа привязывал к ошейнику Джульбарса длинную веревку и мы с Шуркой, по очереди, уцепившись за веревку, шикарно катили за ним следом. Единственной опасностью была встреча с зайцем или белкой. Леса в окрестностях Звенигорода еще с давних пор являются заповедной зоной, и там водилось много диких зверей и птиц. Во время своих прогулок мы видели очень много следов зайцев, лис, кабанов, лосей, не говоря уж о белках. Белок и зайцев мы встречали очень часто. Пес, почуяв зверя, делал такой рывок, что мы летели кубарем в снег, а он, вырвав веревку из наших рук, мчался по следу. Тут уж никакие крики, команды и уговоры, даже папины, не помогали. К счастью, Джульбарс был не таким уж заядлым охотником и преследовал «дичь» не слишком долго, после чего все же возвращался к нам.

Иногда папа с дядей Севой совершали прогулки по местам своей юности — в деревню Дютюково и по ее окрестностям.

На горках снежный покров, достаточный для катания на лыжах, ложился позже. В первые годы пребывания в Мозжинке мы очень часто катались с гор. Нам с Шуриком это казалось тогда гораздо интереснее, чем бродить на прогулочных лыжах по лесам и полям. Родители с удовольствием поддерживали нашу инициативу. Джульбарса с собой на горки мы брали редко, потому что он начинал носиться с нами «наперегонки», забегать вперед, хватать за ноги и своим видом, несмотря на намордник, распугивать окружающих лыжников.

К Новому году папа подарил нам с Шуриком настоящие горные лыжи с жесткими креплениями «Кандахары» (мне так запомнилось их название) и горнолыжными ботинками. Это были лыжи «Олимпус», шикарные по тем временам — с пластиковым покрытием скользящей поверхности, с металлическими «подрезами» (окантовкой). У папы тоже, конечно, были горные лыжи, а мама каталась на прогулочных. На горки мы отправлялись прямо на лыжах. Тогда и горные лыжи, и ботинки были не такие, как сейчас. Тросик креплений, которые были у нас, можно было отстегнуть так, что пятка ботинка «освобождалась». В результате этого становилось возможным, хотя и не очень

удобным, передвижение на этих лыжах по равнине. В те времена еще не было пансионата и, соответственно, мостика через овраг, по которому можно пройти прямо из нашего поселка на территорию пансионата. Тогда же к лыжным горкам можно было добраться либо низом — по берегу реки, либо верхом, по лыжне, которая шла через лес. Нам был удобнее второй вариант, поскольку наша дача была расположена близко к въезду в поселок, откуда и начиналась эта лыжня. Там, неподалеку, она перебиралась через верховья Можинского оврага, где он был уже мелким, и дальше шла по его противоположному берегу в сторону Москвы-реки через чудесный хвойный лес. Затем она пересекала красивую большую поляну, на которой много позже был выстроен пансионат «Звенигородский», а далее через небольшую полоску леса попадала уже на огромную поляну, с противоположного края которой и начинался склон горы, спускающийся в пойму реки. Эта поляна называлась у нас «Пионерская», поскольку летом там обычно располагался палаточный пионерский лагерь. Жили ребята и их вожатые в палатках. Для кухни и столовой у них были сооружены навесы, и недалеко от них — умывальники. Звуки горна, когда горнист трубил подъем, сбор и отбой, долетали до нашего поселка и были хорошо слышны даже на нашем участке, расположенном в самой удаленной от лагеря части. Папа шутил по этому поводу: «Надо же, как нам здорово повезло — и часы не нужны. И разбудят вовремя, и на обед позовут, и спать отправят. Очень удобно».

От Пионерской поляны начинались два лыжных спуска — Сосновая горка и Скоростной спуск. Разделены они были узкой полоской густого леса.

Сосновая горка была более пологая, «просторная», покрытая довольно редким сосновым лесом. Для спуска было много различных вариантов, так что годилась она для лыжников с разной степенью подготовки. Там устраивали и «слалом», расставляя лыжные палки, и просто съезжали. Некоторые катались на санках. Народу было не так много, как сейчас, так что можно было спокойно съезжать, не особенно мешая друг другу. Мама предпочитала кататься с этой горы. Здесь же папа обучал нас с Шуриком технике слалом. Мы разучивали разные способы поворотов, торможения... Это у нас была практика. Теорию же мы изучали по имеющимся у папы книгам по горнолыжному спорту.

Другой спуск, «скоростной», был прямой и крутой, верхняя часть которого шла по узкой лесной просеке, а потом, выйдя на более открытое место, он становился еще круче и у подножья горы резко переходил в горизонтальную плоскость. На верхнем «изгибе» мальчишки обычно сооружали трамплин из снега.

Папа, дядя Сева, Шурик, а позже и я предпочитали кататься со «скоростного» спуска. Мужчины прыгали с трамплина, или, разогнавшись с самого верха и промчавшись мимо него, выходили на слаломную трассу, расставив предварительно на нижней части склона лыжные палки. Мне с трамплина прыгать не разрешалось.

Особенно замечательно было кататься с этих гор весной, когда уже как следует пригревало солнышко, а снег еще не сошел. Окружающий лес прикрывал склон от ветра, и было так тепло, что мы катались в футболках. Внизу, у подножья горы, образовывалась большущая лужа с ледяным дном. Папа с дядей Севой придумали «аттракцион» — «смертельный номер»: надо было, скатившись с горы, проскочить через эту лужу. Зрелище при этом было замечательное — лыжник «вихрем» пролетал через лужу, и по обе стороны от него, сияя на солнце, разлетались фонтаны брызг. А потом важно было еще успеть вовремя затормозить, потому что лыжи по обледеневшему насту скользили так,

что выносило к самому обрыву к реке. Папа и дядя Сева очень весело и ловко все это проделывали. Так они катались лет до 60-ти.

У меня же, когда я обычно съезжала с этой горы, у ее подножья, даже без всякой лужи, замирало сердце, поскольку там был такой резкий «переход», что очень сильно прижимало к земле, и, чтобы удержаться на лыжах и не свалиться, надо было успеть вовремя как следует сгруппироваться. Возможность же плюхнуться в «ледяную» воду придавала ощущениям еще большую остроту.

Подъемников, конечно, на этих горках тогда не было, и в процессе катания нам приходилось многократно взбираться в гору на своих лыжах «елочкой» или «лесенкой». Теперешним лыжникам — красота! На Сосновой горке установили подъемник.

Через овраг от Сосновой горки, со стороны, противоположной «скоростному спуску», была еще одна гора — «Лысая». На ней совсем не было деревьев, только мелкие кусты и какие-то коряги. Когда все это засыпало снегом, то получалась довольно высокая и достаточно пологая Лысая гора. На ней очень хорошо было кататься начинающим — кати в любую сторону! Единственный недостаток — там было очень ветренно. Мы там не очень любили кататься — неинтересно, слишком просто. В настоящее время от этой горы мало что осталось. Большую ее часть уже срыли и продолжают дальше копать «на песок» для выстроенного рядом асфальтового завода.

Домой мы возвращались страшно усталые, но полные впечатлений и очень довольные. Мама начинала хлопотать с обедом, папа заниматься всякими делами: надо было разобрать вещи, привезти уголь и дрова, «раскочегарить» отопительный котел, чтобы в доме было теплее и как следует нагрелась вода для душа, растопить камин. А мы валились с ног. Собрав свои последние силы, мы переодевались, вешали свои вещи в «сушку», специально сделанный чуланчик, в котором были батареи и вешалки для одежды, а потом пристраивались около камина. Джульбарс растягивался «на просушку» у батареи в гостиной и засыпал, как говорится, «без задних ног». Немного отдохнув, мы присоединялись к родителям. Я помогала маме накрывать стол для обеда, а Шурик — папе, в его делах. Потом — душ, обед и отдых. Папа никогда не отдыхал лежа. Он минут 20 или 30 дремал, сидя в кресле, а потом садился заниматься. А вечером, после программы новостей «Время», которую папа всегда смотрел, мы отправлялись «гулять по кругу». У нас сложилась традиция каждый вечер в любое время года и при любой погоде перед сном гулять по поселковой дороге, которая, замыкаясь в «кольцо», охватывала весь поселок. Ее длина приблизительно 2,3 километра.

Каждый год мы катались на лыжах до самого последнего момента, пока еще оставался снег. На склонах гор он стаивал раньше, и тогда мы ходили по лесам и полям, где в тени деревьев и на некоторых опушках леса снег оставался очень долго, иногда до апреля.

Когда же лыжный сезон заканчивался, мы меняли лыжи на резиновые сапоги и бродили по талому снегу и проталинам в окрестных лесах, собирали первые грибы — строчки и сморчки, любовались ледоходом на Москве-реке.

ЛЕВ АНДРЕЕВИЧ АРЦИМОВИЧ

Из поселковых академиков папа больше всего дружил с Львом Андреевичем Арцимовичем. Они очень симпатизировали друг другу, и к тому же у них было много общих дел. Были они почти ровесниками — папа родился в сентябре 1908 года, а Лев Андреевич — в феврале 1909 года, и когда их избрали в ака-

демики, обоим было около 45 лет. Избраны они были по одному и тому же отделению Академии наук, дачи наши были расположены друг напротив друга, через дорогу, и строились одновременно. Лев Андреевич часто заходил к папе по делам или просто побеседовать. Он был очень живым, веселым и остроумным человеком. При встрече они с папой все время перешучивались и с интересом обсуждали всякие проблемы. Папа рассказывал о своей работе, а Лев Андреевич — о своей. Обсуждали они и какие-то общие проблемы, и было видно, что им очень интересно и приятно друг с другом.

Иногда мы всей семьей ходили к Арцимовичам в гости, а они приходили к нам.

Летом мы часто все вместе — папа с мамой, я, Лев Андреевич со своей женой Марией Андреевной и их младшей дочкой Оленькой — ходили купаться на речку.

Приходил к нам Лев Андреевич играть в «городки». Иногда один, иногда с семьей. В те годы эта игра была очень популярна. Возможно потому, что для нее не требовалось ни больших средств, ни специально подготовленного большого пространства. «Городки» представляли собой просто точеные деревянные короткие чурбачки и такие же, только длиннее — биты. Для игры было достаточно иметь небольшую ровную площадку, на которой сооружались из этих чурбачков «фигуры», и некоторое свободное пространство, чтобы с расстояния швырять биты по этим «фигурам». Когда мы жили на съемных дачах, где не было ни волейбольных площадок, ни теннисных кортов, взрослые — папа с мамой, дядя Сева — папин брат и их друзья с большим удовольствием и азартом играли в «городки». Мы с братом Шуриком тоже включились в эту игру, когда немного подросли. В период нашей мозжинской жизни в «городки» играли только в самые первые годы. Потом их полностью вытеснил теннис. А тогда, поскольку наш участок был сплошь заросший лесом, родители нашли для игры очень хорошее местечко за участком — на просеке, которая шла вдоль оврага. Деревья вокруг были еще не очень высокие, и вечером там было замечательно, солнечно. Игра всегда проходила очень весело — с шутками, смехом, переживаниями, подбадриванием, похвалами... Лев Андреевич был азартным игроком — он очень радовался победе и страшно досадовал, когда его удар оказывался неудачным.

Старшая дочь Льва Андреевича Милочка и наш Шурик обычно в таких мероприятиях не участвовали, они были уже взрослые и у них были свои дела и свои компании: Милочка в то время поступала, а затем была студенткой физфака МГУ, а Шурик на год позже нее поступил в МЭИ.

Играли папа с Львом Андреевичем и в теннис. Теннисный корт находился в центре поселка за только недавно выстроенным клубом.

Льва Андреевича, где бы он ни был, что бы ни делал, с кем бы ни встречался, — всегда и везде сопровождал охранник. Мы его называли «Тень». Это был незаметный, на вид вполне приятный «человек в штатском». Постоянное присутствие постороннего человека, видимо, очень раздражало Льва Андреевича, и как-то при охраннике он сказал папе: «Под неусыпным взором! Только в сортире могу побыть наедине. Хорошо еще пока не предписано забираться третьим в мою постель». Когда охранник отошел немного в сторону, папа очень тихо сказал Льву Андреевичу: «Так все же, наверное, не стоит при нем. Он, возможно, не по своей воле на этой работе». Лев Андреевич согласился: «Вы правы, конечно, но очень уж это надоело».

Лев Андреевич был очень добрый, веселый и обаятельный, но при этом иногда у него бывала очень для меня непривычная и неприятная манера общения с некоторыми людьми. В его общении с папой я такого не замечала, но меня в первые дни нашего знакомства он все время поддразнивал и «цеплял». Однажды в ходе нашего с ним разговора оказалось, что какую-то из названных им книжек я не читала. Он буквально «прицепился» ко мне: что да как, а почему я эту книжку не читала и читаю ли вообще что-нибудь... Девочкой я была начитанной. Читала много книг из нашей домашней, очень хорошей библиотеки, брала в районной библиотеке, обменивалась с подружками. Но тогда я так потерялась от непривычного для меня «напора и въедливости», и стало мне так обидно от ужасной несправедливости, что захотелось сказать ему что-нибудь такое «ошарашивающее», чтобы отстал. Сама не знаю почему, у меня вдруг вырвалось: «Я читаю книжки про классовую борьбу!» До сих пор удивляюсь, как такое взбрело мне в голову? Лев Андреевич на мгновение оторопел, а потом страшно расхохотался. Человек он был очень остроумный. Больше он ко мне не «цеплялся», и мы подружились. После того случая он всегда разговаривал со мной очень спокойно, дружелюбно и даже, похоже, с уважением. При этом он улыбался, а в глазах его играли лукавые искорки.

Во всей красе его «задиристость» я наблюдала однажды, когда мы все вместе отправились купаться на речку. На берегу Льву Андреевичу встретился какой-то человек, судя по всему, знакомый, но, как я тогда решила, очень ему неприятный. Разговор их был какой-то напряженный — они «кидались» друг на друга, каждый из них старался «поддеть» своего собеседника. Я тогда решила, что собеседник Льва Андреевича, должно быть, человек нехороший, или, по крайней мере, что-то плохое сделал. Сам разговор я, конечно, не слушала, а просто наблюдала со стороны.

Теперь-то я понимаю, что это была просто такая манера общения, с которой тогда мне еще не приходилось сталкиваться. А собеседник Льва Андреевича, скорее всего, был достойным и хорошим человеком.

Какое-то время спустя у Льва Андреевича появилась другая семья. После чего в Мозжинке он стал появляться редко, только когда приезжал навестить Милочку и Оленьку, которых очень любил. К нам с тех пор он заходил всего несколько раз, — видимо, не было у него ни времени, ни настроения.

Когда папа впервые узнал от мамы о том, что Лев Андреевич ушел из семьи, он только сокрушенно покачал головой и с грустью произнес: «Как же это он оставил своих девочек?»

Семья для папы значила очень много. Помню, как-то у нас зашел разговор о его очень давнем знакомом, еще довоенном сотруднике, и папа, вспоминая о нем, сказал: «Он был очень грамотным инженером и хорошим человеком, только каким-то странным. Представляешь, вдруг оставил жену с четырьмя детьми! Не понимаю, как так возможно?»

ТЕННИС

Папа очень любил теннис и играл в него замечательно. Впервые он взял в руки ракетку в Киеве, в школьные годы. Это было в конце Гражданской войны. Семья Котельниковых тогда жила в профессорском доме на территории Политехнического института, в котором к тому времени уже начал работать Александр Петрович. Там же неподалеку, между домами, в которых жили сотрудники института, были теннисные корты, и местные ребята с увлечением

«гоняли» на них в теннис. Александр Петрович купил своим детям на «барахолке» теннисные ракетки и книгу «Лаун-теннис» — руководство по технике игры в теннис, издания 1914 года. В этой книге был дан краткий исторический очерк возникновения и развития лаун-тенниса, первые советы начинающим, техника, тактика, правила игры, правила для устройства состязаний, правила по устройству площадки. (Книга и ракетка сохранились до сих пор среди вещей и архивов Владимира Александровича.) Володя, Таня и Сева очень быстро освоили эту игру и с азартом «сражались» с местными старожилами. Играть приходилось самодельными мячами, поскольку с настоящими была проблема. Достать, да и то с большим трудом, можно было только простые резиновые мячики, которые очень быстро рвались. Под руководством Володи ребята исхитрялись мастерить из тряпок и веревок какое-то подобие теннисных мячей, используя старинную французскую и итальянскую технологию 15-го века, о которой Володя прочитал в своей книжке по теннису.

В 1924 году Котельниковы переехали в Москву, и Владимир играл в теннис с Таней, Севой и своими друзьями по МВТУ, где он учился, а когда поступил работать в НИИС НКС — и с сотрудниками института. Там тоже была хорошая теннисная компания. Теннисные корты были недалеко от дома и работы — на улице Радио, рядом с Педагогическим институтом и на территории Института физкультуры. Кроме того, они ездили на корты в Лужники, где в то время был стадион, правда, не такой большой, как сейчас. А потом началась война, и стало не до тенниса.

После войны возможность снова взяться за теннис появилась у Владимира Александровича только после 1954 года, когда он уже работал в Академии наук СССР. Эпизодически он играл на кортах МЭИ, Дома ученых и в Лужниках. Но регулярно играть в Москве в течение рабочей недели ему не удавалось, не хватало времени. Так что играл он в теннис, в основном, в выходные дни и в отпуск, который, как правило, проводил на даче в Мозжинке. В поселке был теннисный корт. Он располагался за Домом культуры на большой поляне, окруженной лесом, недалеко от «делового центра» поселка, — конторы и магазина.

Как только построили дачу, в первое же лето папа соорудил на участке «теннисную стенку» для тренировок. Он выбрал более или менее ровную площадку около двух не очень далеко растущих друг от друга елок и закрепил между ними сколоченный им деревянный щит, доски которого были тщательно подогнаны друг к другу, чтобы отскок мяча был «правильный». Затем этот щит мы выкрасили в темно-зеленый цвет и нарисовали линию сетки. Папа купил всем по теннисной ракетке, мячи и современную книгу по теннису, после чего началось обучение. Тренировал он нас и у стенки, и на корте — показывал, как правильно держать ракетку, как замахиваться, бить по мячу, как должны работать ноги, как ориентироваться на корте. Делал он это очень ненавязчиво, только если мы сами изъявляли на то желание. Сам он, когда бывал на даче, почти каждое утро отрабатывал у стенки удары и подачу. У нас это называлось «стучать у стенки». Шурке это довольно быстро надоело, у него с друзьями были другие увлечения. В теннис они играли, но немного. Мама тоже предпочитала просто играть как играется, без этих нудных тренировок. Так что, в конце концов, «стучали у стенки», в основном, мы с папой. Для того чтобы поиграть с папой один на один, мы приходили на корт рано утром, пока он был еще свободен. Все начиналось с уборки корта — вместе с папой мы его подметали, выщипывали сорняки, прокатывали катком, который стоял тут же на корте,

наводили линии и только потом, натянув, наконец, сетку, приступали к игре. Позже набегала молодежь. Мы с Шуриком тоже присоединялись к ним и носились на корте до вечера, пока не придут «старики», — взрослые игроки. Они на правах старших, выставляли нас с корта, причем некоторые делали это довольно бесцеремонно. Папа, в свою очередь, никогда никого не прогонял. Он решал вопрос «по справедливости». Совсем слабых игроков он очень вежливо просил уступить на какое-то время корт, объясняя, что они менее заняты, чем взрослые, и смогут еще поиграть в другое время. Более сильным предлагал включиться в игру «на равных», то есть играть, как и все, — по очереди, со счетом, на вылет. «Серьезные» игроки, с которыми папа играл уже по-настоящему, собирались обычно к вечеру, когда спадет жара. Среди самых сильных поселковых теннисистов были папа, Виктор Сергеевич Вавилов, Николай Федорович Нелипа (зять академика М.М. Дубинина), Александр Александрович Николаев (муж А.А. Сперанской — дочери академика А.Д. Сперанского). Когда построили пансионат «Звенигородский», то среди его отдыхающих встречались очень сильные игроки, которые тоже приходили на Можинский корт. Играли они всегда «на счет». Когда я стала играть прилично, мы с папой стали играть в паре, и это было одно удовольствие. Играл он всегда с удовольствием, весело, азартно и без тени нервозности и раздражения. Радовался хорошему удару, как своему, так и противника. Если видел, что противник проигрывает и этим очень расстроен, то подбадривал его. На меня он никогда «не давил», не командовал, не попрекал, если я вдруг промахивалась. Папа спокойно, как бы советуя, вовремя подсказывал, что лучше предпринять, например, — «можно к сетке» или «лучше оттянуться к задней линии». А если я ошибалась, то, подбодрив, тихонечко указывал на ошибку: «поздно замахнулась», «не смотришь на мяч» или «не согнула колени»... В случае же успеха всегда восторгался удачей.

Но больше всего мне нравилось, когда в игре участвовал папин друг юности — Александр Иванович Моисеев (Сашка Масёв). Тогда игра проходила не только интересно, но и весело. Он, как и папа, был теннисистом «со стажем», играли они вместе еще со студенческих лет. А тут через какое-то время, после того как мы стали отдыхать в Можинке, вдруг оказалось, что Александр Иванович вот уже в который год снимает на лето дачу недалеко от Звенигорода, в деревне Саввинская слобода. Место там замечательное — природа красивая, на берегу Москвы-реки. И одной из веских причин, почему он выбрал именно это место, было то, что неподалеку, в санатории Министерства обороны, находились хорошие теннисные корты. Папа с Александр Ивановичем узнали о том, что отдыхают неподалеку друг от друга, во время одной из встреч их студенческой группы, которые регулярно организовывала их одногруппница «заводила» Нинка Дрейер (Нина Львовна Дрейер). После этого Александр Иванович стал приезжать к нам на велосипеде, и они с папой играли в теннис на поселковом корте. Обычно в игру брали и меня. Иногда мы на папиной машине ездили на корты санатория Министерства обороны. Обычно это бывало ранним утром, поскольку у Александра Ивановича была договоренность со сторожем, который давал ему с вечера ключ от корта с условием, что он утром поиграет и приведет корт в порядок до того, как начнут приходить отдыхающие после завтрака. Александр Иванович приезжал либо один, либо с сыном Олегом, и мы перво-наперво дружно принимались убирать корт. Во время игры к нам иногда присоединялись другие теннисисты, по-видимому, постоянные партнеры Александра Ивановича и отдыхающие санатория. Игроки были сильные, так

что играть было очень интересно. По ходу матча папа с Александром Ивановичем все время перешучивались, комментировали удары: «Ага, сильный слева..., а я — вот так!» Когда у противника бывал какой-нибудь неожиданный хороший удар, папа восторгался: «Хитро!» (произносил он это слово с ударением на «о»). Несмотря на то что я была, пожалуй, самым слабым игроком, мы с папой часто выигрывали даже у сильных пар. Это объяснялось отличной слаженностью нашей игры, которая складывалась благодаря папиному спокойствию, чуткости и доброжелательному отношению к партнеру.

Нередко приходилось наблюдать, как некоторые играли напряженно, нервозно, досадуя и даже злясь, когда пропускали мяч или «смазывали» удар. А при игре «в паре» попрекали партнера, ворчали. В случае же своего проигрыша страшно переживали.

Как-то я спросила папу, участвовал ли он когда-нибудь в настоящих соревнованиях. Он засмеялся и сказал, что участвовал, но ни разу не удавалось стать чемпионом, каждый раз игра кончалось ничьей. Первый раз это было еще до Великой Отечественной войны, когда он работал в НИИС. Как-то проводились Московские городские соревнования по теннису, в которых участвовал и их институт. Папа занял первое место по институту, и ему по жеребьевке предстояла встреча с победителем команды «Метростроя». Началась игра, которая продолжалась очень долго — несколько часов. Игроки шли все время вровень: гейм за геймом, наконец, сет за сетом у них была «ничья». Игра закончилась только тогда, когда полопались все мячи и играть стало нечем. В то время мячи были плохие, очень «слабые». А потом завершать игру было почему-то некогда, так все и осталось на «ничьей». Второй раз он соревновался, когда уже работал в ИРЭ, после 1953 года. Соревнования были на кортах Дома ученых. Как и в первый раз, он представлял институт и играл с победителем какой-то другой команды. И опять повторилась та же история — несколько часов упорной «битвы» и постоянная «ничья». С мячами на этот раз было все в порядке, а подвела погода, — пошел сильный дождь, и игру пришлось прекратить. Погода же так испортилась, что дождь зарядил на все лето, а потом и осень. Продолжить соревнования в тот сезон так и не удалось. Опять все закончилось «ничьей».

Ремонтировал наши ракетки папа сам — подтягивал струны, когда они «спускали», или натягивал, когда лопались. Для этих целей у него были специальные приспособления.

Когда много позже, начиная с середины 1960-х годов, папа с мамой и какое-то время с младшей дочерью Мариной стали ездить отдыхать на море в пансионаты и в санатории, он каждый раз обязательно брал с собой ракетку и там регулярно играл в теннис.

Закончил папа играть в теннис где-то к 80-ти годам. Когда у него украли хранившуюся на даче ракетку, он решил, что «значит — хватит, с теннисом пора заканчивать».

ЛЕТНИЙ ОТПУСК

Отпуск папа любил проводить на даче с семьей, и для всех нас это были незабываемые счастливые моменты жизни. Он брал с собой книги для работы, компьютер (когда он у него появился), художественную литературу, журналы, свои дорожные шахматы, фото- и кинокамеры, новые теннисные мячи и набор наиболее ценных инструментов. Основная часть более простых инструментов переправлялась на дачу в начале лета, когда вывозили туда нас на каникулы.

Во время отпуска режим дня у папы оставался такой же, как и всегда в рабочие дни. Вставал он очень рано, умывался, приводил себя в порядок, приблизительно в течение 40 минут делал зарядку, потом бегал, «стучал у стенки», принимал душ или в хорошую погоду бежал на речку поплавать. Около 8-ми часов, не дожидаясь пока проснутся остальные члены семьи, он завтракал. На протяжении многих лет у папы сложилось неизменное меню на завтрак, которое нарушалось только в командировках: гречневая каша с творогом и молоком или кефиром, а потом — чай с бутербродами. Если намечалась на утро игра в теннис, то график немного изменялся. В зависимости от того, где должна была состояться встреча, он ехал либо на велосипеде на поселковый корт, либо на машине к Саввино-Сторожевскому монастырю в санаторий Министерства обороны.

После завтрака папа, как правило, садился «заниматься» — что-то писал, читал, проводил какие-то вычисления. Иногда это было непосредственно связано с его работой, а иногда у него возникали какие-то иные идеи. Как-то, приблизительно в конце 1960-х, начале 1970-х годов я обратила внимание на то, что он «прорабатывает» весь курс теоретической физики Л.Д. Ландау и Е.М. Лифшица. Меня это немного удивило, и я поинтересовалась, для чего это ему понадобилось. На что он ответил: «Для удовольствия. Очень хорошие книги. К тому же никогда не вредно лишний раз что-то из основных разделов физики освежить в памяти, а в чем-то и разобраться».

КВАНТОВАЯ ЭЛЕКТРОНИКА

Физику Владимир Александрович знал очень хорошо и прекрасно ориентировался в последних достижениях широкого круга научных направлений. Обладая даром быстро проникать в суть проблемы, он моментально улавливал взаимосвязь различных явлений.

Одним из наглядных примеров тому может служить его реакция на первые работы по квантовым генераторам, доложенные будущим лауреатом Нобелевской премии по физике Н.Г. Басовым в 1952 и 1954 гг. Об этом потом неоднократно вспоминали многие радиоинженеры и радиофизики, которым довелось тогда присутствовать на этих докладах.

Как вспоминает вдова Н.Г. Басова — Ксения Тихоновна Басова (К.Т. Басова — кандидат физико-математических наук, преподаватель курсов общей и атомной физики Московского инженерно-физического института в течение 30 лет), самым первым публичным выступлением на эту тему, «первым звончком», был доклад Николая Геннадиевича на Всесоюзной конференции по радиоспектроскопии, которая проходила в Москве в мае 1952 года в Политехническом музее. Именно тогда им впервые была высказана идея о принципиальной возможности создания молекулярного генератора. Естественно, Ксения Тихоновна, тоже физик, присутствовала на докладе мужа, в котором он впервые излагал свои новые идеи перед такой широкой аудиторией. Зная, как он волновался перед своим выступлением, она с замиранием сердца очень внимательно следила за его докладом и за реакцией аудитории. По всему было видно, что очень мало кто из присутствовавших понял суть изложенного. Понял доклад В.А. Котельников, который вел это заседание. Ксения Тихоновна говорила, что ей врезалось в память, как после обсуждения доклада Владимир Александрович встал и, подытоживая дискуссию, сказал: «Сегодня мы присутствуем при рождении новой науки — квантовой электроники!» Так это направление науки «получило крещение». Впоследствии оно так и стало называться — «квантовая электроника».

Несколько позже, в октябре 1954 года на Сессии Всесоюзного научного общества радиотехники и электросвязи имени А.С. Попова, которая также проходила в Политехническом музее и вел ее председатель Общества — академик В.А. Котельников, Н.Г. Басов докладывал о молекулярных генераторах на парах аммиака. Эта работа была сделана им совместно с А.М. Прохоровым. По реакции аудитории было видно, что большинство из присутствовавших доклада не поняли. Тогда Владимир Александрович, мгновенно уловивший суть проблемы, «перевел» доклад на доступный для большинства слушателей «язык». Заметив, что это — «та же электроника, только квантовая» (по воспоминаниям доктора физико-математических наук, заслуженного деятеля науки Н.А. Ирисовой), он очень просто и понятно разъяснил аудитории суть явления, введя «для наглядности» понятие среды с отрицательным поглощением СВЧ-энергии, заполняющей пространство между обкладками конденсатора колебательного контура лазера-генератора. Эта остроумная трактовка вскоре стала общепринятой, и именно она легла в основу дальнейших изысканий по лазерам-усилителям [73].

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

В перерывах между работой и другими делами папа читал художественную литературу. Он очень любил перечитывать российскую и зарубежную классику, как прозу, так и поэзию, читать историческую литературу, книги о путешествиях, о животных и природе, мемуары и воспоминания о жизни и творчестве выдающихся людей — деятелей науки, искусства, политики, путешественников. Самыми любимыми поэтами у папы были А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов, стихи, поэмы и прозу которых он хорошо знал. Он с удовольствием перечитывал Толстого, Тургенева, Бунина, Пришвина, Чехова, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Вересаева, Короленко, Достоевского, Булгакова, Пастернака и др. Из зарубежной классики — Шиллера, Шекспира, Гете, Гейне, Байрона, Э. Золя, Стендаля, Флобера, Голсуорси, Диккенса, Драйзера, Лондона, Твена, Фейхтвангера, Ремарка, Хемингуэя и многих других. Знакомился с современной прозой и поэзией. Родители выписывали для себя и для нас много газет и журналов. Папа с интересом просматривал и любил читать такие издания, как «Знание — сила», «Техника — молодежи», «Огонек», «Наука и жизнь», «Химия и жизнь», «Природа», «Вокруг света», «Фото», «Новый мир», «Юность», «Иностранная литература», «Литературная газета», «Коммерсант», «Аргументы и факты» и др. Просматривал «Правду» и «Известия».

ШАХМАТЫ

Еще папа любил шахматы и очень хорошо в них играл. У него была литература по шахматам, и он во время отдыха часто с удовольствием разбирал разные партии, разыгрывал дебюты. Шахматы у него были всегда при себе дома, в отпуске, в командировках и, если случалось попасть в больницу, то и там. Специально для поездок у него были маленькие «дорожные» шахматы. Их фигурки не ставились на доску, а втыкались в специально проделанные в каждом квадратике доски отверстия, для чего у них имелись снизу «штырьки». И таким образом они, при наклоне или тряске, с доски не соскальзывали. Играл он и с нами, а позже и с внуками. Папа, собственно, и научил нас с Шуриком игре в шахматы. Сначала он рассказал и показал, как расставляются на поле фигуры, как они ходят и какие правила игры, а потом мы начали с ним играть.

Происходило это обычно так — он делал свой ход и, пока мы обдумывали свой, что-нибудь читал, периодически поглядывая, как идут наши дела. Если замечал, что «противник» намеревается сделать неверный ход, предостерегал, объяснив, что за ним может последовать, и предлагал подумать еще. Конечно, в конце концов, он всегда выигрывал. Но в любой игре — будь то шахматы, теннис или еще что-нибудь, независимо от мастерства «противника», папе был важен не столько выигрыш, сколько сама игра. Конечно, он стремился к победе и в большинстве случаев ее завоевывал, но того, что называется «спортивной злостью», у него не было. Он получал удовольствие от самого процесса игры, «азарта сражения», от логики и красоты комбинаций. Папа рассказывал, что его занимал вопрос — существует ли какая-нибудь связь между математическими способностями человека и его успехами в шахматном спорте. Однажды у него появилась возможность обсудить этот вопрос с Анатолием Карповым, чемпионом мира по шахматам. Случилось так, что когда папа летел в одну из своих командировок, в самолете их места оказались рядом. Всю дорогу они оживленно беседовали и рассуждали, чем отличается мышление и логика шахматиста от математика, и есть ли между ними какая-нибудь взаимосвязь. Папу тогда очень удивило, что, в отличие от его собственного представления, по мнению Карпова, одно с другим однозначно не связано, и что сам он, когда учился в школе, вовсе не преуспевал в математике.

АВТОМОБИЛЬ

Позанимавшись часа два или три, папа брался за другие дела. В зависимости от погоды либо мы все вместе куда-нибудь отправлялись, например, на речку, на водохранилище, в лес или еще куда-нибудь, либо он какое-то время занимался огородом, принимался что-нибудь чинить, мастерить или делать еще что-нибудь. Отпуск у папы обычно начинался с того, что в первый же «погожий денек» он выгонял свою машину из гаража, расстилал рядом с ней большую клеенку и начинал «технический осмотр» — «Т.О.». С удовольствием перебирал двигатель, что-то прочищал, промывал, смазывал, отлаживал. Детали аккуратненько складывал на клеенку, чтобы они не растерялись и не перепачкались в земле и песке. Рядом, конечно, «кружили» мы с Шуриком, пытаюсь ему помогать. В основном, конечно, это было интересно Шурику. Позже на смену нам пришло следующее поколение, и папе стал «помогать» его старший внук Алеша. По ходу дела папа популярно объяснял, что к чему и для чего, при этом каждый раз очень просил без разрешения ничего не трогать и ни в коем случае не брать детали с клеенки. Иначе, говорил он, в случае если что-нибудь сломается или потеряется, машину собрать не удастся. Такого предупреждения бывало достаточно, поскольку все мы с нетерпением ждали, когда же наступит долгожданный момент «испытаний», после которых мы отправимся кататься на машине.

Папа не просто любил, хорошо знал и разбирался во всех тонкостях машины, он ее «чувствовал». Было очень интересно слушать его беседы с Петром Алексеевичем Анисимовым, который очень долгое время был его «персональным» водителем на служебной машине АН СССР и возил папу на работу, с работы, по служебным делам и на дачу. Петр Алексеевич был шофером с очень большим, еще довоенным стажем работы. Он воевал на фронтах Финской и Великой Отечественной войн за рулем автомобиля. Шофером он был классным и к тому же еще и замечательным рассказчиком. Во время поездок папа всегда садился

на переднее сидение рядом с водителем, и у них начиналась беседа, от которой оба они получали удовольствие. Петр Алексеевич часто рассказывал о своих военных приключениях, потом разговор переходил на автомобильные темы. Начиналось часто с того, что папа замечал «постукивание», «посвистывание» или еще какой-нибудь звук, не свойственный нормальной работе автомобиля. «Что-то у Вас стучат клапаны...» или «У Вас посвистывает...» — и они оба со знанием дела с увлечением пускались в обсуждение возможных неполадок. Служебные машины периодически проходили технический осмотр — «Т.О.», который проводился в гараже АН СССР. После каждого осмотра папа подробно расспрашивал, как он прошел, какие неполадки удалось устранить, а с какими возникли проблемы. Интересовался и общими вопросами — системой работы гаража, его техническими возможностями, оборудованием. Обсуждали они с Петром Алексеевичем, у которого был дачный участок в Домодедово, и «огородные» дела и всякие другие проблемы. Иногда, по каким-нибудь причинам, папе приходилось пользоваться не закрепленной за ним машиной «с конвейера». Водители встречались разные, кто-то разговорчивый, кто-то молчаливый. Папа потом вспоминал некоторые эпизоды: «Представляешь, попался мне однажды какой-то очень странный водитель. Он вез меня после работы на дачу. Ехали мы себе и ехали, почти всю дорогу он молчал, а когда уже подъезжали к поселку, вдруг так задумчиво и говорит: “Представляете, как интересно получается: стоит мне отвезти какого-нибудь академика на дачу, как его вскоре арестовывают. Странно”. От неожиданности я даже слегка оторопел, а потом заметил: “Да-а-а, роковые совпадения. Остается только надеяться, что в данном случае этого не произойдет”». Был еще один «интересный» водитель, — симпатичный и очень разговорчивый молодой человек, недавно демобилизовавшийся из армии, который какое-то время работал «сменщиком» Петра Алексеевича. Его постоянно «обуревали» какие-то идеи, и он с юношеской непосредственностью обсуждал каждый раз их с папой. То он придумал, как усовершенствовать автомобиль — «изобрел» двигатель с использованием потоков воздуха вместо топлива, которые крутили бы ветряки, установленные на крыше автомобиля. То предложил свою конструкцию обогревателя теплиц или еще что-нибудь в этом же роде. Папа терпеливо его выслушивал и объяснял, что в соответствии с тем или иным законам физики его изобретение работать не будет. Молодой человек бывал в таких случаях очень разочарован и как-то, несколько смущаясь, признался, что в школе занимался плохо и, к сожалению, физику с математикой не учил. Потом он попросил папиного совета, стоит ли ему разводиться кроликов и ондатр, выгодно ли это. Папа ответил, что он, конечно, не животновод и не экономист, но, наверное, надо прежде посмотреть то-то и то-то... Я не помню, чтобы папа хоть раз его «оборвал», ответил ему пренебрежительно или как-нибудь резко указал на безграмотность. Как-то в разговоре с нами он заметил с улыбкой: «Парень он хороший, и ум у него живой. Ему бы поучиться».

С 1951-го и по 1959-й годы у папы была машина «Победа». Покупал он ее без «очереди», тогда еще мало кто хотел и мог приобрести автомобиль. Через какое-то время появилось уже много желающих купить машину, и поскольку их выпускалось очень мало, то образовалась «очередь». Будущие автомобилисты записывались в очередь на машину и ждали ее по нескольку лет. Поэтому в 1954 году папа записался на следующую «Победу», в расчете на то, что пока подойдет его очередь, ресурс его машины будет уже в значительной степени исчерпан. Очередь его подошла в 1959 году. Однако, когда папа приехал в Горький

на завод покупать машину, с «Победами» возникла какая-то проблема — на них был очень большой спрос, а «Волгу», ГАЗ-21, которую к этому времени Горьковский автомобильный завод стал выпускать, можно было купить. Что папа и сделал. Ездил папа за машиной во время отпуска, летом 1959 года. Пригнал он ее сразу на дачу. Мы были очень удивлены, когда вместо ожидаемой «Победы» вдруг появилась новенькая красавица «Волга». Она была светло-бежевого цвета, а на ее капоте красовался «мчащийся» хромированный олень. Его, правда, довольно скоро пришлось снять, поскольку пошли разговоры, что он очень опасен в случае каких-либо аварий. Олень имел такие заостренные формы, что даже в случае, если бы машина только задевала пешехода, ему могли быть нанесены очень сильные, даже смертельные травмы. «Победу» же папа недорого продал управляющему нашего дачного поселка Владимиру Александровичу Давыдову. Она была у папы в очень хорошем состоянии и исправно служила еще долгие годы. Папа очень радовался, когда видел ее, «бегающую» по дорогам Можинки и Звенигорода, а также в Москве, около здания Президиума АН СССР. А «Волга» прослужила папе 39 лет. Он регулярно за ней ухаживал, и машина была в очень хорошем состоянии. Но последние годы ездили на ней уже совсем редко, а хлопот было достаточно много, поскольку регулярно проходить техосмотр «такой старушке» было не так уж просто. К этому времени появились машины и у Шурика, и в моей семье, и в Марининой. Отдавать же свою машину «абы кому» да еще и за бесценок папе было жалко. Когда же с просьбой продать ему машину обратился сантехник нашего дома в Москве, мастер на все руки Виктор Сложеникин, папа с радостью согласился. Он знал, что пристраивает свою любимую «Волгу» надежному хозяину, и за символическую цену отдал ее Виктору. Машина обычно стояла в нашем дворе, и папа, проходя мимо, с удовольствием отмечал ее хорошее состояние и иногда выслушивал рассказы, какая она замечательная в эксплуатации. Виктор же на нее не мог нарадоваться. Ему приходилось ездить с семьей к родителям в деревню по бездорожью, и «Волга» с легкостью преодолевала даже самые «гиблые» места, которые были непроходимы для других легковых автомобилей. Виктор заботливо следит за папиной «Волгой» и поддерживает ее в рабочем состоянии. В 2009 году ей исполнилось 50 лет, и по возрасту она уже входит в разряд автомобильных раритетов.

ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ОКРЕСТНОСТЯМ

После того как папа приводил свою машину в порядок, он ее «испытывал» — обкатывал по близлежащим дорогам, и когда убеждался, что все в порядке, мы «открывали сезон» — все вместе отправлялись путешествовать по окрестностям. На «Победе», а потом на новой «Волге» мы ездили в какие-нибудь исторические либо в неизведанные еще места: купаться на Москву-реку, на водохранилища, в лес за ягодами, грибами и просто полюбоваться природой.

Больше всего мы путешествовали по окрестностям Звенигорода, которые необычайно живописны. В 19 веке они стали популярным дачным местом. Саввинская слобода, расположенная неподалеку от Саввино-Сторожевского монастыря, слыла своего рода русским Барбизоном. От папы мы узнали, что сюда приезжали на этюды и здесь жили многие художники и писатели: А.К. Саврасов, И.И. Левитан, братья С.А. и К.А. Коровины, И.Е. Репин и др. Пейзажи Звенигорода запечатлены Левитаном (под впечатлением — «Саввинская слобода», «Вечерний звон», «Мостик»), В.А. Серовым, И.Э. Грабарем. Привлекали художников и исторические памятники, которых в окрестностях

Звенигорода было очень много. Сюда в Саввино-Сторожевский монастырь приезжал В.И. Суриков, когда работал над картиной «Крестный ход».

А.И. Герцен проводил летние каникулы в имении отца в Васильевском, позже Покровском. Теперь там санаторий им. Герцена. В Звенигороде до сих пор существует небольшое здание бывшей земской больницы, в которой в 1884–1886 годах работал А.П. Чехов. Очарованный красотой местной природы, в деревне Дунино, которая находится несколько ниже по течению Москвы-реки, чем Звенигород и Мозжинка, провел последние годы своей жизни писатель М.М. Пришвин. В деревне Дютьково, в которой в 1928 году отдыхал папа друзьями, около 10 лет жил и работал композитор С.И. Танеев, в доме которого впоследствии был организован музей.

Папа всегда интересовался историей и архитектурой и хорошо в них разбирался. Он читал много литературы по этим вопросам. Они с мамой любили ездить по историческим местам, осматривать архитектурные памятники или то, что от них осталось, и знакомиться с экспозицией музеев, если таковые там имелись. Мы часто посещали всякие исторические места Москвы, Подмосковья и близлежащих городов — старинные вотчины, поместья, усадьбы, храмы, монастыри и другие места, где происходили какие-нибудь исторические события. Так, например, — Коломенское, Царицыно, Кусково, Архангельское, Абрамцево, Новый Иерусалим и т.д. Ездили мы и в Бородино, где проходило историческое Бородинское сражение Русско-Французской войны 1812 года. Часто к нам присоединялся папин брат дядя Сева со своим семейством. Приглашали и наших с Шуриком друзей. Во время всех этих поездок папа рассказывал нам об истории посещаемых нами мест, событиях, которые там происходили и о живших или просто бывавших там людях.

По историческим местам Звенигорода и его окрестностей мы ездили не только на машине, но и на велосипедах, а также много ходили пешком.

Помню, однажды мы поехали в деревню Захарово. Маме очень хотелось побывать там и вспомнить свое детство, когда вся их семья отдыхала там летом вместе с детским домом, которым заведовал ее отец — Богацкий Иван Матвеевич. Но известно это место, конечно, не этим. В Захарово в течение нескольких лет жил А.С. Пушкин. С шести лет и до своего отъезда в лицей (1811 г.) с весны и до поздней осени он гостил там в имении своей бабушки по материнской линии, Марии Александровны Ганнибал. Когда мы там гуляли, папа вдруг продекламировал нам стихотворение А.С. Пушкина, написанное им в 1815 г. и посвященное полюбившемуся ему Захарову:

Мне видится мое селенье,
Мое Захарово: оно
С заборами в реке волнистой,
С мостом и рощею тенистой

Зерцалом вод отражено.
На холме домик мой; с балкона
Могу сойти в веселый сад,
Где вместе Флора и Помона

Цветы с плодами мне дарят,
Где старых кленов темный ряд
Возносятся до небосклона,
И глухо тополя шумят.

Потом папа рассказал, что Пушкины всей семьей ездили в воскресные и праздничные дни в церковь, построенную еще при Борисе Годунове. Бывали,

очевидно, и в гостях у владельца Вязем, одного из образованнейших и пресвященных людей того времени князя Б.В. Голицына. Его мать, княгиня Наталья Петровна, послужила Пушкину прообразом старой графини в «Пиковой даме».

Очень много интересного папа узнавал от историка и археолога академика Бориса Александровича Рыбакова. Они с папой были ровесниками и избраны в АН СССР были одновременно, в 1953 году, только Борис Александрович — членом-корреспондентом, а папа — академиком. Тогда они и познакомились. А в 1958 году Рыбаков был избран академиком. Позже мы жили с ним в одном доме № 13 на Ленинском проспекте. У Бориса Александровича была очень красивая большая собака породы чау-чау, с которой он выходил во двор гулять. Папа рассказывал, что он жаловался на то, что она бестолковая — не очень-то его слушалась, поэтому приходилось на всякий случай брать с собой палку, чтобы в случае чего ее усмирить. В беседах с папой Борис Александрович рассказывал много интересного о своей работе, в том числе и об археологических раскопках под Звенигородом, которыми ему приходилось заниматься еще с довоенных лет, а затем и после войны. Кроме того, папа слушал его доклады, читал его статьи. Помню, в конце 1950-х годов было много разговоров о самых древних поселениях людей, живших на этих землях 4–5 тысяч лет назад. О них стало известно лишь в 1954–1957 гг. Одним из руководителей этих раскопок был Рыбаков. Тогда были найдены две неолитические стоянки на территории Звенигорода. Одна на южной окраине города, на склоне левой берега Москвы-реки, а другая — на верхнем посаде. Папа приносил домой какие-то статьи, которые с большим интересом изучала мама.

ПУТЕШЕСТВИЕ В КРЫМ НА АВТОМОБИЛЕ

Папа обучал нас всех вождению автомобиля. Летом 1956 года мы с Шуркой стали уговаривать родителей отправиться всем вместе на машине в какое-нибудь дальнее путешествие. К нашему удивлению, мама, очень любившая подобные мероприятия, вдруг отказалась, сказав, что далеко ехать не может, поскольку неважно себя чувствует. Выглядела она совершенно здоровой и веселой, и мы продолжали приставать. Наконец, они не выдержали, и тогда был найден компромисс. Решили следующим образом. Поскольку у Шурика следующее лето будет очень напряженное — он оканчивает школу и ему предстоят выпускные экзамены, а затем вступительные в институт, то для того чтобы все это успешно преодолеть, ему надо в это лето как следует отдохнуть и набраться сил. Поэтому они с папой съезжают ненадолго попутешествовать на машине по Крыму. Я же останусь с мамой и Натальей Михайловной на даче. Мне, конечно, было очень обидно, но пришлось смириться, — должен же кто-то остаться с большой мамой и старенькой Натальей Михайловной. Папа с Шуриком собрали походное снаряжение: палатку, спальные мешки, котелки, миски, кружки и прочие принадлежности, а мама приготовила им в дорогу еду. Чтобы было веселее, папа предложил Шурику пригласить в компанию кого-нибудь из его друзей. Выбор пал на Шурикина одноклассника Леню Бриля и Андрея Молоцова, товарища по Мозжинке. Ребята с радостью согласились и уладили этот вопрос со своими родителями. К тому же, оказалось, что Андрей умел водить машину, и у него были водительские права. Для поездки это было очень кстати, могло пригодиться в дороге. Итак, папа с тремя молодыми людьми, «мужской компанией», отправились путешествовать. Приблизительно за две недели они объездили весь Крым, накупались, порыбачили, налазились по горам, налюбо-

вались природой и достопримечательностями и загоревшие и жизнерадостные вернулись домой. Шурка, конечно, очень важничал передо мной — как же, ведь он на правах взрослого путешествовал с папой на машине и даже рулил! Мне же «в утешение» они привезли с моря подарок — очень красивую ракушку, которую Шурик сам выловил, и симпатичные гладенькие морские камушки. Чему я была очень рада. Мамино же «недомогание», из-за которого мы с ней не поехали путешествовать, осенью благополучно разрешилось тем, что у родителей появился третий ребенок, наша маленькая сестренка Маришка.

Когда папа купил «Волгу», он первым делом оборудовал ее для будущих дальних поездок. Соорудил закрывающиеся ящики для багажа, специально «подогнав» их по размеру и по форме салона и багажника машины. Выкрасил их серебряной краской и на открывающиеся крышки приделал петли для замков, на которые можно было запираить ящики. Это было сделано для того, чтобы в случае, если во время остановки придется ненадолго куда-нибудь отойти от машины, жуликам, вздумавшим ее обчистить, сделать это будет «очень хлопотно». Ящики получились очень удобные, в них можно было компактно укладывать большое количество вещей и путешествовать с комфортом.

КУПАНИЕ И ПЛАВАНИЕ НА ЛОДКАХ ПО МОСКВЕ-РЕКЕ И НА ВОДОХРАНИЛИЩАХ

Во время летнего отдыха в Мозжинке, в хорошую погоду мы ходили или ездили на велосипедах купаться на Москву-реку, которая находится в нескольких минутах ходьбы от поселка. От нашей дачи, расположенной в самой дальней от реки части поселка, идти до речки минут 15. Места для купания там замечательные. Есть на реке и глубокие места и мели — на любой вкус. Течение довольно сильное, так что плыть против него довольно трудно. Мы с папой и мамой по берегу заходили далеко вверх по течению, до «лыжных горок», где теперь стоит пансионат «Звенигородский», и оттуда спускались вплавь до нашего поселкового «пляжа», а порой и еще ниже, до деревни Козино. Папа не любил постоянно «толкаться» на одном и том же месте, поэтому мы часто ездили либо на велосипедах, либо на машине, в зависимости от расстояния, «разведывать» новые места для купания.

Вскоре после того как мы стали отдыхать в Мозжинке, на берегу реки около поселка была открыта лодочная станция. Там соорудили причал, сторожку лодочника, где он хранил весла и устраивался сам во время дежурства, и приобрели несколько весельных лодок. Так что мы с папой и мамой иногда катались на лодках. «Поднимались» против течения, пока хватит сил — обычно добирались до автомобильного моста через реку. Выше забирались редко, так как под мостом была большая мель, и лодки надо было довольно долго тащить волоком. Обратное же, вниз по течению, сплавляться было одно удовольствие.

Нам, конечно, больше нравилось плавать на нашей байдарке «Луч», но с ней было слишком много мороки — каждый раз надо было мешки с разобранной байдаркой тащить на речку, там ее собирать, а покатавшись, снова разбирать, упаковывать и тащить обратно. Все удовольствие от плавания сходило на «нет». Тогда папа из двух старых велосипедных колес и дощечек соорудил для «Луча» тачанку, на которой стало очень удобно и легко перевозить к реке и обратно уже раз собранную байдарку. Для этого надо было только погрузить ее корму на тачанку и, держа за нос, везти. Ход у тачанки был легкий, так что справиться с этим не представляло особого труда.

Позже, наверное, после 1956 года, папа приобрел лодку «Дельфин». В каких-то воспоминаниях о В.А. Котельникове было написано, что у него была яхта. «Яхта» — это, конечно, «звучит гордо» и безумно дорого! Особенно для нашего «Дельфина», который на самом деле представлял собой разборную лодку, по типу байдарки, только шире и, может, немного длиннее. Так же собирался ее каркас из деревянных деталей, на который натягивалась «оболочка» из толстой непромокаемой ткани. На лодку можно было поставить парус, который входил в комплект, и еще были шверты. Собирать ее было, конечно, более хлопотно, чем байдарку, так как каркас состоял из гораздо большего количества деталей. По размеру, по длине и по ширине, она была приблизительно как машина «Волга». Поскольку наша команда была «маломощная», папа сделал специальные приспособления, чтобы он мог один как погрузить собранного «Дельфина» на багажник машины (прикрепленный на крыше), так и снять его. Для «Дельфина» была тоже сделана тачанка, но более сложная, с поворотным механизмом. Хранился он под потолком гаража в подвешенном состоянии. Папой была сделана такая система блоков, что он мог прямо с крыши машины подцепить лодку и поднять под потолок гаража, где она надежно крепилась. Так она там и хранилась. Когда было необходимо, ее опускали прямо на багажник машины, там закрепляли, и можно было отправляться в путь. Папа приобрел книгу по парусному спорту, и мы изучали «морское дело»: заучивали названия деталей лодки, паруса, а также манипуляции, которые необходимо проделывать с парусом во время плавания и т.д. Для плавания под парусом требовались, конечно, водные просторы, и мы ездили на водохранилища: Истринское, Рузское (Озернинское), Клязьминское, Пироговское, «Московское море». Часто к нам присоединялся и дядя Сева, один или с семьей.

После первого же плавания папа принялся усовершенствовать лодку. Он, в частности, обнаружил, что шверты, которые входили в комплект лодки, слишком малы, в результате чего лодку сносило вбок. После соответствующих расчетов он сделал другие, большего размера. Самым трудным в этом деле оказалось для папы найти подходящий материал — достаточно легкий, прочный и нужного размера. В конце концов он остановился на «рояльной фанере» (очень толстая фанера, около 2 см), которую удалось купить в строительном магазине. После того как в соответствии со своими расчетами папа вычертил, выпилил и обработал шверты, он покрыл их несколькими слоями какого-то «специального» прочного водостойкого лака, чтобы фанера не размокла. Первые же испытания показали, что недостаток был устранен.

Для того чтобы выводить лодку подальше от поросшего лесом берега, на «простор», где ветер достаточно сильный и можно идти под парусом, а в случае штиля, наоборот, была возможность вернуться к берегу, на лодке были весла. Но ходовые качества у лодки были таковы, что плыть на веслах на ней было почти невозможно, поэтому вскоре же папа приобрел лодочный мотор. С этим мотором у папы были постоянные проблемы — то он заводился, то не заводился, и его приходилось то и дело чистить, разбирать и отлаживать. Ну, а само плавание на «яхте» было замечательное. Папа был у нас капитаном, а мы с Шуриком матросами. Мама же предпочитала оставаться на берегу.

Потом возникла идея использовать эту лодку в качестве катера для катания на водных лыжах. Тогда этот вид спорта «вошел в моду». Папа подарил Шурику на день рождения водные лыжи, и мы начали тренироваться. Но оказалось, что мощности нашего мотора для этого не хватает. Через какое-то время был

куплен значительно более мощный мотор «Москва». Но даже он, поставленный на эту лодку, мог едва тянуть только «стройного» молодого человека, такого как Шурка или я. Взрослых же — ни папу, ни маму он «не тянул». Зато когда лодка «шла» без лыжника, то разгонялась так, что начинала выходить на глиссирование, почти взлетала. В момент же, когда в результате этого винт мотора высовывался из воды, «Дельфин» неуклюже плюхался обратно, и все начиналось сначала. Получалось очень смешно — он скакал как лягушка. Папа смеялся — «превращение дельфина в лягушку».

ПРОГУЛКИ ПЕШКОМ И НА ВЕЛОСИПЕДАХ

В прохладную погоду мы отправлялись пешком или на велосипедах за ягодами, за грибами или просто погулять. Сначала мы ездили на наших старых обычных дорожных велосипедах. Потом папа подарили нам с Шуриком появившиеся тогда в продаже «шоссейно-гоночные» велосипеды «Турист». Немного позже папа купил такие же велосипеды и им с мамой. По тем временам они были, как теперь выражается молодежь, — «супер». У них были два ручных тормоза и несколько скоростей. Дороги тогда были свободные, машин мало, и мы «гоняли» на них по бетонке и проселочным дорогам. Мама же к «Туристу» так и не привыкла. Она потом очень жалела, что поддалась на уговоры местного маляра Коли, красившего нашу дачу, продать для его жены свой старый велосипед. Но Коля так уговаривал, объяснял, что жена его — женщина «дородная», и выдержать ее сможет только такой «мощный» велосипед, как у мамы, что она не смогла отказать ему в этой просьбе.

В поселковом клубе по вечерам регулярно «крутили кино». Молодежь смотрела почти все, что показывали. Изредка на какие-нибудь очень хорошие или новые фильмы приходили в клуб и папа с мамой.

«КЛУБ» В МОЗЖИНКЕ

Поселковый Дом культуры, а по-простому — клуб, был открыт в 1956 году. Когда летом 1955-го года мы уже основательно поселились на даче, он уже достраивался. Жители поселка относились к затее его строительства с некоторым скептицизмом. Внутренней потребности в подобном заведении тогда почти ни у кого не было. Строительство его было «навязано извне». По одной из версий, рассказанной родителями, случилось это следующим образом. Вскоре после того как выстроили поселок и академики поселились в своих дачах, к академику Г.М. Кржижановскому приехала в гости племянница его жены — Валерия Алексеевна Голубцова (директор МЭИ и жена Г.М. Маленкова, Председателя Совета Министров СССР в 1953–1955 гг.). Навестив родственников и познакомившись с тем, в каких условиях отдыхают академики, она решила, что живут они скучно. Валерия Алексеевна поинтересовалась, имеется ли в поселке место, где они могут вместе собираться, и проводятся ли для академиков и их семей какие-нибудь культурные мероприятия. Узнав, что такого места нет, она очень удивилась и решила, что так не годится и с этим что-то надо делать. Женщина она была деловая и решительная, и через короткий промежуток времени началось строительство Дома культуры.

По другой версии это произошло так. Однажды летом 1954 года академик П.Ф. Юдин устроил по какому-то случаю у себя на даче прием, на который были приглашены лица «высшего эшелона власти»: Г.М. Маленков (Председатель Совета Министров СССР), В.М. Молотов (1-й Заместитель председателя

Совета Министров СССР и министр иностранных дел СССР), К.Е. Ворошилов (Председатель Президиума Верховного Совета СССР, член ЦК КПСС, член Политбюро ЦК КПСС), Н.А. Булганин (член Политбюро ЦК КПСС). Столы были накрыты на улице, и все шло прекрасно, пока не пошел дождь. Пришлось срочно эвакуироваться в дом. Вот тут-то, якобы, Молотов и спросил Павла Федоровича, есть ли в поселке помещение, где академики могут проводить подобные мероприятия. Ну, а дальше последовало то же, что и в первой версии этой истории.

В августе 1954 года вышло постановление Совета Министров СССР о строительстве Дома культуры в поселке АН СССР Мозжинка, и стройка началась. Срок сдачи объекта был определен 1 мая 1955 года. По воспоминаниям бывшего в то время управляющим поселка, а впоследствии и директором клуба В.А. Давыдова, на строительство были брошены огромные силы, и здание Дома культуры было возведено в рекордные сроки — за 6 месяцев с момента подписания постановления. Потом были внутренние отделочные работы, и летом 1956 года он был открыт. Дому культуры присвоили официальный статус филиала Московского дома ученых. Это было двухэтажное белое каменное здание с колоннами в лучших традициях того времени. На первом этаже Клуба располагалась большая гостиная, кинозал со сценой приблизительно на 200 мест, бильярдная, комната в которой стояли два стола для настольного тенниса. На втором этаже — холл, библиотека и большой зал столовой с оборудованной кухней. С самого начала туда был приглашен на работу замечательный шеф-повар Иосиф Матвеевич Бекаури, грузин по национальности, который очень вкусно готовил. Почти одновременно в поселке был организован Пансионат АН СССР. Отдыхающие, сотрудники Академии наук, жили в четырех дачах, которые почему-то были «недодарены» академикам, и питались в столовой клуба.

В Клубе проводились общие собрания жителей поселка и заседания Совета поселка, бессменным председателем которого был долгие годы академик Л.И. Седов. Мама была человеком очень энергичным и активным, и вскоре после нашего появления в поселке ее избрали членом Совета. Она возглавляла Ревизионную комиссию. Папе нравилась мамина активность, но сам он в дела Совета не вмешивался. Иногда только, когда мама обращалась к нему с какой-нибудь проблемой, советовал, как правильнее поступить. Однако ему как первому вице-президенту АН СССР, в соответствии с кругом его обязанностей, приходилось решать многие вопросы, связанные с поселком.

На протяжении довольно длительного периода времени в летний сезон и в зимние каникулы как школьные, так и студенческие жизнь в клубе «бурлила». Посещали его не только жители поселка, но и отдыхающие пансионата. Регулярно демонстрировались фильмы, как правило, хорошие и новые, и зрительный зал бывал почти полон. Взрослые играли на бильярде, а подростки и ребята постарше — в настольный теннис, как тогда мы называли его — «пинг-понг». Столовая тоже пользовалась большой популярностью, в ней обычно обедало много народа — и жители поселка, и отдыхающие пансионата. Активисты поселка — мама и Агния Александровна Майская — организовали в Клубе детскую группу и кружок художественной самодеятельности. Кружком руководила Агния Александровна. Устраивались концерты детской группы и «кружка», на которых собирался почти полный зал зрителей — родителей, родственников и друзей. Однажды был организован концерт, в котором участвовали школьники старших классов. Ставили пьесу А.П. Чехова «Медведь», были музыкальные и другие

номера. В концерте участвовало много ребят, и среди них были учащиеся Центральной музыкальной школы при Московской государственной консерватории. Некоторые из них впоследствии стали известными музыкантами, например, пианист Тигран Алиханов (народный артист РФ) и альтист Александр Бобровский (заслуженный артист РФ). А тогда будущий ректор Московской государственной консерватории Тигран Алиханов исполнял главную роль пьесе, играл на фортепьяно и великолепно читал рассказы Зошенко. Спустя почти сорок лет в 1992 году он организовал в клубе фестиваль камерной музыки — «Музыкальные вечера в Мозжинке», который ежегодно проводится в августе месяце. В 2010 году состоялся очередной, 18-й фестиваль. Программа концертов фестиваля всегда замечательная, а исполнители — высочайшего уровня. Папа с огромным интересом и удовольствием посещал почти все концерты фестиваля.

В те же времена папа бывал в клубе лишь изредка, когда они с мамой ходили в кино или когда он для игры в теннис брал ключ от корта и теннисную сетку, которые хранились у дежурного вахтера. Мы же с Шуркой и со своими друзьями проводили там довольно много времени. Играли в настольный теннис, а Шурка с ребятами еще и на бильярде. Когда же приближалось обеденное время, по всему зданию Клуба, на теннисном корте и его окрестностям разносился потрясающе вкусный запах готовящейся на кухне еды, такой, что «слюнки текли». Отдыхающие оживлялись и постепенно «подтягивались» к столовой, собирались там группками, беседовали, рассаживались за столики, смотрели меню, ждали, когда их обслужат. Нам с Шуркой было завидно и тоже очень хотелось там пообедать. Но папа не любил суматохи и всяких, как теперь выражаются, «тусовок», поэтому мы всегда обедали дома. Но однажды нам все-таки удалось уговорить родителей отобедать в Клубе. Все было очень интересно. Мама с папой были оживленные, веселые. Названия блюд в меню были для нас незнакомые, какие-то загадочные. Папа объяснял нам, что они означают. Постепенно, пока мы ждали заказа, нам стало понемногу все это надоедать. В зале было жарко, шумно, народу много, а ждать пришлось довольно долго. Когда же принесли еду, она оказалась вкусной, но, вопреки нашим с Шуриком ожиданиям, вполне обычной. Так что нам хватило одного посещения этой столовой, чтобы больше туда не стремиться. Папа же потом иногда подтрунивал над нами. Когда намечалось у нас какое-нибудь интересное мероприятие, он, вдруг, предлагал шутя: «А может, лучше сходим в клуб пообедать?» Мы, смеялись и наотрез отказывались, — было жаль попусту тратить там свое время. Для меня единственным достоинством этого мероприятия было то, что не надо потом мыть посуду. Обеды в этой столовой можно было брать на дом. Изредка мама, когда ей было очень некогда или становилось лень готовить, «для разнообразия» отправляла нас с «судками» в столовую за обедом.

В 1958 году мама вместе с другими активистами поселка затеяли встречу Нового года в клубе. Директор клуба, В.А. Давыдов, человек очень энергичный, с энтузиазмом подхватил эту идею и взялся за организацию праздника. Желающих принять участие в этом мероприятии оказалось очень много. Они приглашали своих друзей, заказывали столики в столовой клуба, обсуждали меню, — как в ресторане. Родители заказали столики на нашу семью и на свою МЭИвскую компанию.

Оформлено все было очень хорошо, красиво. В гостиной клуба и на втором этаже, в холле перед столовой, были установлены большие нарядные елки. В столовой очень красиво были накрыты столы. Все сияло, сверкало, играла музыка, создавая праздничное настроение.

Народу собралось очень много. Все были нарядные, веселые, пили шампанское, шутили. Вскоре после того как пробило «12», и наступил Новый 1959 год, гости начали танцевать. Нам тоже было весело, потому что на празднике были и некоторые из наших мозжинских друзей. В самый разгар веселья Шурикины друзья, уже студенты, — Андрей Скрыбин, Андрей Молоствов и еще какие-то ребята поставили свои магнитофонные записи и стали лихо отплясывать, как тогда было принято говорить, «стиляжки танцы», буги-вуги, рок-н-рол, изумляя этим окружающую публику. Большинство из присутствовавших реагировало на это довольно спокойно, некоторые — снисходительно. Представители старшего поколения и младшего, вроде меня, так танцевать не умели, поэтому им оставалось только смотреть, как резвилась молодежь. И вдруг жена одного профессора из родительской компании, преподавательница МЭИ, не выдержала и бросилась «разгонять» танцующих, возмущенно выговаривая им: «Как не стыдно! “Студенты” называются! Стиляги! Прекратите это безобразие!» Ребята смутились, танец прекратился. Когда возмущенная преподавательница вернулась к столу, папа начал ее успокаивать: «Л.И., ну зачем же так волноваться. Они же ничего плохого не делали. Танец как танец, только непривычный. Он ничем не хуже, чем всякие акробатически этюды и “пирамиды”, которые демонстрируются на концертах. Ребятам только зря обидели». Потом папа отозвал в сторонку Шурика и тихо сказал: «Шурик, видишь, окружающим не нравятся ваши танцы. Зачем же раздражать людей и портить им праздник. Здание большое, и, если вам уж так хочется, пойдите и потанцуйте в другом месте». Ребята побежали танцевать вниз, и праздник продолжился. Веселились до утра. Расходились все уже усталые, но очень довольные.

Однако, несмотря на то что праздник всем понравился, это была единственная встреча Нового года в клубе. По-видимому, многие решили, что в Клубе хорошо, а дома лучше.

В 1972 году вместо Мозжинского пансионата был выстроен и «пущен в эксплуатацию» большой пансионат АН СССР «Звенигородский». Находился он через овраг от поселка, на поляне, рядом с лыжными горками, что около Москвы-реки. Отапливался пансионат от котельной нашего поселка, и через овраг были проложены толстенные трубы отопления, над которыми соорудили мостик, соединяющий его территорию с Мозжинкой. Дачи, занятые до этого под пансионат, освободились, и управление делами Академии наук продало их потом по себестоимости академикам Н.Г. Басову, Л.А. Мелентьеву, Ю.А. Овчинникову и Б.Н. Петрову. Жизнь в клубе стала постепенно «угасать». Столовая была закрыта, поскольку не стало постоянных посетителей, а работать только для дачников в каникулы и в летний период было нерентабельно.

Вторая молодость

Так получилось, что в 1956 году у родителей «завелся» еще один ребенок. Мы с Шуриком ничего не подозревали, потому что мама была как всегда бодрая, веселая и, судя по всему, чувствовала себя прекрасно. Узнали мы об этом только осенью, когда до родов маме оставалось совсем немного, чуть больше месяца. До этого по ее внешнему виду догадаться было трудно. Как потом я узнала из разговора мамы с одной из ее приятельниц, — «ее организм был прекрасно приспособлен для продолжения рода». Во время беременности она только хорошела и чувствовала себя прекрасно, а роды проходили так, что она

не успевала даже «ахнуть». Но все это было в молодости, а тут возраст приближался к 40-ка годам, и в данном случае она сначала какое-то время сомневалась — «как быть?» Ей было уже 39 лет, а по тем временам роды в таком возрасте считались очень поздними. Им с папой очень хотелось иметь еще маленького, но сразу решиться на такого позднего ребенка маме было трудно. К тому же она заканчивала готовить кандидатскую диссертацию. Врачи сказали маме, что с точки зрения здоровья у нее никаких проблем нет, и добавили: «Родите — помолодеете лет на десять, а избавитесь — постареете на столько же». Как рассказывала мама, «ее инстинкт материнства одержал верх над честолюбием», и, подумав немного, они с папой решили, что все складывается замечательно: Бог с ней, с этой диссертацией, а что касается возраста, то в случае чего ребенка «поднимут» старшие дети. К появлению малыша готовилась вся семья, и вот в конце ноября, за неделю до маминого 40-летия, произошло радостное событие — родилась очаровательная девочка. Какое-то время мама была еще в роддоме, а дома мы готовились как следует встретить ее вместе с малышкой. К выбору имени подошли очень серьезно. Папе кто-то из его знакомых дал книжку, где объяснялось значение каждого имени, и по вечерам, когда папа возвращался с работы, мы все вместе начинали горячо обсуждать разные имена, «примерять», какое из них лучше подойдет нашей сестренке. Шурка, конечно, валял дурака и выискивал самые, с нашей точки зрения, смешные и несурзные имена. По этому поводу мы веселились, но, когда Шурик начинал уже слишком «зашкаливать», папа подбирал для него тоже какое-нибудь неблагозвучное имя и предлагал переименовать его. Шурка успокаивался, и в конце концов, мы все же подбирали какое-нибудь имя, которое нам действительно нравилось. На следующий день папа вместе с передачей и письмом передавал его маме на рассмотрение. Наконец, выбор остановился на имени Марина, что означает «морская». Всем оно очень понравилось. Вскоре маму выписали из роддома, и она вернулась домой уже с Мариночкой.

Позже мама со смехом рассказывала следующую забавную историю. Когда до МЭИ, где на РТФ все очень хорошо знали папу и маму, донесся слух, что у Котельникова родился ребенок, возникло некоторое смятение. «Как ребенок? А как же Нюсенька?» — все знали о папином отношении к маме, и для них было совершенно невозможно, чтобы у папы появилась другая женщина. Маму видели незадолго до родов, и никому в голову не пришло, что она ждет ребенка. К тому же никто не мог тогда предположить, что мама решится родить в 40 лет. Сейчас такие случаи сплошь и рядом, а тогда это была редкость. По-видимому, не позволял уровень медицины. Волнения на факультете успокоились только когда выяснилась реальная ситуация. Мама же, когда заходил разговор о том, в каком возрасте она родила Маринку, всегда поправляла шутя: «Родила я не в 40, а в 39 лет. До моего дня рождения была еще целая неделя».

Итак, у нас появилась сестренка — всеми любимая Маришка.

Диссертацию мама забросила и полностью переключилась на «счастливое материнство». Она говорила, что при таких условиях жизни семьи, как были тогда, можно заводить хоть 10 детей, только вот возраст уже не позволяет. Какое-то время после родов она не работала. Позже материалы ее диссертации были утверждены Ученым советом института в качестве учебного пособия и были опубликованы [А.И. Богацкая. «Резонансные усилители на туннельных диодах». Москва 1967. Министерство связи СССР. Московский электротехнический институт связи, 105 с.]

Мы, как и прежде, жили в своей квартире на улице Казакова, только к нам теперь уже совсем переселилась Наталья Михайловна. Ей стало негде жить, поскольку ее невестка — мамина сестра тетя Леля вышла замуж и ее новый муж поселился в их малюсенькой комнатке в коммунальной квартире. Мы Наталью Михайловну очень любили и ее переезду были рады. Она расположилась в столовой, мы с Шуриком оставались жить в своей комнате, а мама с папой и Маришкой — в своей теперь уже кабинете-спальне-детской комнате. Когда мы приходили из школы, то помогали маме управляться с Маринкой — гуляли, кормили, играли и просто следили за ней, когда она спала, чтобы мама успевала сделать другие дела. Папа, придя с работы, тоже старался помочь чем-нибудь, хотя мама, понимая, какая большая нагрузка у него на работе, максимально ограждала его от домашних забот. Папа же, когда Маринка начинала ночью капризничать, часто вставал к ней и успокаивал ее, чтобы мама могла как следует отдохнуть.

Как у нас было уже заведено, каждую неделю мы всей семьей ездили на дачу. Теперь уже с Маринкой. К смене обстановки она привыкала очень трудно — капризничала и плохо спала. Потом она стала часто болеть. Родители никак не могли понять, в чем дело, и старались разобраться в причине ее недомоганий.

Мама очень беспокоилась по поводу нашей квартиры. Дело в том, что когда шло строительство ИРЭ, там возникли большие проблемы с ртутью. Комиссия, которая принимала здание к эксплуатации, жестко контролировала наличие паров ртути в помещениях. Она очень придиралась и многократно брала пробы. Будучи в курсе этих проблем, мама очень насторожилась по поводу нашей квартиры, поскольку она была переделана из вакуумной лаборатории. Когда ее строили, к ртути относились спокойно — не считали ее очень опасной, поэтому тогда и в голову не приходило отбивать прежнюю штукатурку со стен и с потолка, а просто ограничились тем, что собрали ртуть из «колен» сливов раковин и из-под паркета. Теперь же, осознав, что пары ртути очень вредны, мама взялась проверять на их наличие нашу квартиру, тем более что мы были чахлые, а у папы после перенесенной им в 1953 году тяжелой болезни были проблемы с легкими. Результаты проверки оказались «неблагоприятными», концентрация значительно превышала допустимые нормы. А тут еще и Маринка начала болеть. Мама забила тревогу.

Врачи посоветовали маме держать Маринку на даче. И действительно, когда мы на летние каникулы переехали на дачу, она болеть перестала. Летом 1957 г. мама договорилась с очень симпатичной женщиной из соседней с нашим дачным поселком деревни Супонево, тетей Шурой (Александрой Трофимовной Тарасовой), что она будет у нас работать няней. Маринка к няне очень быстро привыкла и спокойно с ней оставалась, когда маме надо было заняться другими делами или поехать в Москву.

Когда в конце лета пришло время переезжать в Москву, родители рассудили, что для Маринки было бы лучше остаться на даче подольше. Они решили попробовать какое-то время пожить следующим образом: папа, Наталья Михайловна и мы с Шуриком будем жить в Москве, Маринка с тетей Шурой и Джульбарсом — на даче, а мама — на два дома. В выходные мы будем собираться все вместе на даче, а на неделе мама, в зависимости от ситуации, будет приезжать дня на два или три в Москву. Через какое-то время мама вернулась на свою работу в МЭИС. Поскольку она была преподавателем, то у нее была возможность договориться в деканате, где к ней очень хорошо относились,

спланировать свои «часы» так, что загружена она была не полную неделю. Это позволяло ей достаточно много времени бывать с Маришкой в Мозжинке.

В самом начале 1958 года, в школьные зимние каникулы, мы переехали на новую квартиру в дом № 3 (Дом научных работников АН СССР, ДНР-3) по ул. Дмитрия Ульянова. Основными хлопотами по переезду занималась мама. Она как-то исхитрилась все это проделать, пока мы с папой, Маринкой и тетей Шурой были на даче. У папы появился, наконец, отдельный кабинет, у нас с Шуриком, хотя и маленькие, но отдельные комнаты, Наталья Михайловна жила в столовой, а Маринкина кровать стояла в родительской спальне.

Итак, в основном, в Москве мы жили вчетвером — папа, Наталья Михайловна и мы с Шуриком. Приезжая в Москву, мама обеспечивала нас «базовым пропитанием», остальное же под руководством Натальи Михайловны готовила я. Мы с Шушкой поочередно убирали квартиру, относили собранное мамой грязное белье в прачечную, ходили за «ходовыми» продуктами в магазин, в общем, вполне справлялись.

После работы папа чаще всего возвращался из ИРЭ на метро до станции Университет, а оттуда до дома шел пешком. По пути он заходил в магазины и покупал что-нибудь вкусенькое. Папа вообще любил осваивать все новое, это касалось и пищи, поэтому он старался найти что-нибудь «диковинное». Так, в магазине «Сыр» на Университетском проспекте он покупал специальный зеленый сыр для макарон, а в магазине «Олень» на Ленинском проспекте — мясо оленя, медвежатину, перепелиные яйца и еще всякую всячину. Для нас в то время все это было в новинку. Наталья Михайловна учила меня, как эти продукты можно приготовить, и потом мы все вместе дегустировали приготовленные мной новые блюда. Обычно мы старались устроить «диковинный» ужин к маминому приезду.

Когда мы жили на улице Дмитрия Ульянова, с папой однажды произошел очень неприятный случай, кончившийся, к счастью, вполне благополучно. Как-то зимой папа довольно поздно возвращался с работы, идя, как часто он делал, пешком от станции метро Университет. Когда он подходил уже к нашей улице, его остановили два изрядно выпивших человека и попросили закурить. Папа спокойно ответил им, что не курит. «Ах, ты...!» — возмутился один из них и наотмашь «врезал» кулаком папе по голове. Мостовая была скользкая и папа, не удержавшись на ногах, упал. При этом с него слетела его меховая шапка-ушанка. И тут один из нападавших, разглядев его, с удивлением произнес: «Так это же не тот, не Губкинский!», — после чего они, о чем-то споря, стали торопливо удирать. По-видимому, они думали, что встретили какого-то знакомого им жителя улицы Губкина, с которым намеревались «разобраться». Нападавшие были настроены очень воинственно, и папе, видимо, крупно повезло, что он был в меховой шапке, которая «погасила» удар, и что потом она сразу с него соскочила, в результате чего мужики смогли в самом начале «разборки» разглядеть, что бьют не того. Ушиб оказался несильным, и папа, когда пришел домой, весело рассказал эту историю. Мама же страшно переживала, представляя себе, чем все это могло кончиться. Ходить с работы пешком, даже в позднее время, папа не прекратил.

Для жизни в Мозжинке продукты, в основном, привозили из Москвы. В поселке был небольшой магазинчик, в который привозили хлеб, соль, сахар, какие-то простейшие консервы и конфеты. Два раза в неделю привозили молочные продукты. Вообще с продуктами в нашей стране в те времена было плохо. Позже в клубе был организован «стол заказов», где бывало мясо, куры, рыба

и некоторые другие основные продукты. Так что летом, в папин отпуск, мы «отоваривались» в этом «столе заказов». Кроме того, папа с мамой на машине ездили за продуктами в Звенигород.

Насущную проблему молока решили, договорившись с молочником из деревни Супонево. Условились, что он через день будет приносить по 3 литра. Молочник или его жена приходили очень рано, и чтобы не быть связанными с ними по времени и не караулить их по утрам, папа придумал следующее. Поскольку с дороги до нас не докричишься, а калитка из-за нашего свирепого Джульбарса была всегда заперта, чтобы он не искушал случайно зашедшего на участок постороннего человека, папа смастерил «молочный ящик». Он выпилил в граничащем с лесом заборе прямоугольное отверстие и встроил в него ящик такого размера, чтобы в него помещалась трехлитровая банка. В ящике сделал две дверки, одну — со стороны участка, а другую — наружу, по другую сторону забора. Наружная дверка закрывалась на замок, ключ от которого был у молочника. Таким образом, с вечера ставили в ящик банку, под которую клали деньги, а утром молочник менял его содержимое на такую же банку, полную молока.

Летом, в папин отпуск, когда мы ездили куда-нибудь на машине — на водохранилище или на речку, то брали с собой и Маришку. Когда же она немного подросла, то для наших велосипедных прогулок папа смастерил для нее специальное сидение и подставку под ноги, которые закрепил на раме своего велосипеда. Зимой же, когда она уже могла уверенно стоять на ногах, ее брали с собой на лыжные прогулки. У нее были маленькие лыжи, которые надевались на валеночки, и папа, обвязав себя вокруг пояса веревкой, давал Маринке ее конец, на котором была прикреплена удобная для нее «ручка». Так папа и возил ее за собой. Она же все это мужественно переносила, несмотря на то, что нередко ей случалось падать.

Летом 1957 года Шурик поступил в институт, а еще через два года я поступила на физфак МГУ. У нас началась обычная студенческая жизнь — занятия, зачеты, экзамены, тренировки, сборы, концерты, выставки, летние работы, походы. На дачу мы стали ездить не так регулярно, как раньше, да и на общение с родителями оставалось гораздо меньше времени.

Мама, смеясь, говорила: «Бегайте, бегайте, пока не обзавелись своими детьми. А мы с папой “молодые родители”. У нас — “вторая молодость”».

Когда Маринке исполнилось 5 лет и с ней стало можно ездить в длительные поездки и устраиваться в кемпинги, на туристические базы и в дома отдыха, папа с мамой и Мариной очень много путешествовали на машине: по Крыму, Кавказу, Прибалтике, по «Золотому кольцу». Ездили в Киргизию, Таджикистан, Узбекистан и другие республики СССР.

Потом наша семья разрослась, у нас с Шуриком появились свои семьи, Маринка пошла в школу, и мы все вместе переехали в большую квартиру в доме № 13 на Ленинском проспекте. В этой квартире у папы появилось два внука — Алеша и Володя. Семья наша состояла тогда из 11-ти человек. Тетя Шура прожила у нас около 20-ти лет, а потом ее родственники настояли на том, чтобы она занялась своими внучатыми племянниками. Расставаться с ней было очень грустно, потому что она уже давно стала членом семьи. Летом, когда мы жили на даче, она порой заходила к нам в гости. Наталья Михайловна прожила до 80 лет.

Когда у нас с Шуриком появились свои дети, мы опять стали регулярно ездить на дачу. Все вернулось «на круги своя».

Дом на Звенигородской улице

В 1976 году мы неожиданно-негаданно переехали на другую квартиру, на улицу Звенигородскую в дом № 14.

А получилось это следующим образом.

В 1974 году, в течение почти года, Владимир Александрович Котельников был исполняющим обязанности Президента Академии наук СССР, и в круг его обязанностей входило также решение жилищных проблем Академии. Как-то на одной из встреч с Председателем Мосгорисполкома В.Ф. Промысловым он обратился к нему с ходатайством о выделении Академии наук жилых площадей для ее сотрудников. В процессе обсуждения нужд Академии наук и возможностей Москвы Промыслов вдруг сказал:

— Владимир Александрович, вот тут у нас есть один дом, очень хороший, только мы не знаем, что с ним делать. Может, вы его возьмете себе?

— А что за дом? — поинтересовался Котельников. Промыслов показал ему на карте Москвы дом, о котором шла речь, и рассказал, что это шестиэтажный кирпичный 10-квартирный элитный дом.

— Нет, — категорически возразил Владимир Александрович, — У нас большие проблемы с жильем, и нам нужны нормальные жилые многоквартирные дома, чтобы селить наших ученых.

— Это, Владимир Александрович, другой вопрос, и мы его решим, а этот дом мы отдадим Академии наук дополнительно, скажем, подарим Академии к ее юбилею — 250-летию. Возьмете?

— Ну, если не в ущерб жилья, которое мы просим... И что, просто так и подарите?

— Да, только с условием, что территорию вокруг дома Вы благоустроите силами Академии наук. У Вас ведь есть ботанический сад.

— Ну, что ж, тогда возьмем, — согласился Котельников.

Ходатайство АН СССР о выделении жилых площадей для ее сотрудников было удовлетворено, и дополнительно, «в связи с 250-летием Академии наук», для членов Президиума АН СССР был передан дом № 14 на Звенигородской улице в 10-ти минутах ходьбы от станции метро «Кунцевская».

К весне 1976 года силами Академии наук территория вокруг дома была обустроена — разбит замечательный сквер, посажены деревья, кустарник, цветы. Квартиры в доме были предоставлены 11-ти членам Президиума АН СССР — академикам Н.Г. Басову, Л.М. Бреховских, Н.Н. Иноземцеву, В.А. Котельникову, А.А. Логунову, Ю.А. Овчинникову, Б.Н. Петрову, А.М. Прохорову, Б.С. Соколову и Н.П. Федоренко. Позже одну из служебных квартир на 1-м этаже передали академику А.Л. Яншину.

Папа переезжать на новую квартиру не хотел, считал, что нам и так хорошо, а переезд слишком хлопотное дело. Мама же его убедила, что это нужно для семьи и для их с папой здоровья. И хотя к этому моменту Шурик со своей семьей жил уже отдельно от нас, тетя Шура была у своих родственников и, к великому сожалению, уже не стало Натальи Михайловны, семья наша должна была увеличиться. У меня тогда намечался второй ребенок, а Марина училась уже на старших курсах Московского государственного университета и была, как говорится, «на выданье». Мама очень заботилась о папином здоровье. Зная, какая чудовищная нагрузка у него на работе, она организовала все так, чтобы этот переезд прошел для него наиболее безболезненно, — в его отсутствие, за время, пока он находился в командировке. Вскоре после нашего переселения

и в этой квартире у нас стало опять много народа — 10 человек. У меня родился второй сын, а Марина вышла замуж, и у нее родилась дочь и потом еще двое детей — сын и дочь.

Условия в этом доме для жизни, работы и отдыха академиков были действительно замечательные. До работы папе, что до Президиума, что до ИРЭ добираться было очень просто. На дорогах таких пробок, как сейчас, тогда не было, и на машине весь путь занимал около 20 минут. Квартира была просторная, места хватало всем. Дом окружен великолепным сквером, территория которого примыкала к большому парку, простирающемуся по берегу Москвы-реки от завода им. Хруничева (станция метро «Багратионовская») и вверх по течению до Рублево. Жилые массивы в Крылатском и вдоль Рублевского шоссе вплоть до железнодорожной станции Кунцево еще не были выстроены, и лесной массив, перемежающийся с деревушками, тянулся до самого Рублево. После работы и в выходные дни, когда по какой-либо причине мы не ехали на дачу, папа с мамой ходили гулять в парк или, если было уже совсем поздно, то в сквер около дома. Прогулки по парку и около дома любили и другие жители дома. Регулярно по вечерам вдвоем или с женами выходили на прогулку Александр Михайлович Прохоров и Леонид Максимович Бреховских, которые дружили еще со студенческих лет.

Обстановка в доме была очень приятная и доброжелательная — все друг друга хорошо знали и уважали.

Не помню точно, по какой причине Новый 1978 год мы встречали в Москве. Скорее всего, потому что в моей семье был годовалый ребенок, а Марина должна была скоро родить, в феврале месяце. Декабрь же 1977 года выдался очень суровым. В новогоднюю ночь стоял трескучий мороз, градусов за 30. У нас дома, через окна, выходящие в сторону парка, был слышен «треск» — на таком морозе лопались стволы деревьев.

Старшее поколение — папа с мамой и другие академики с женами решили встречать Новый год «по всему дому». Сначала они собрались в одной из квартир, а потом всей гурьбой начали переходить из квартиры в квартиру. К нам с мужем приехали встречать Новый год наши друзья-физики с женами. Старший сын, тринадцатилетний Алеша сначала посидел с нами, а потом побежал с приятелями Димой Басовым и Леной Овчинниковым играть и веселиться по очереди то у нас, то в квартирах Басовых и Овчинниковых, а то и просто на лестничной площадке. Когда же у компании «академиков» дошла очередь до нашей квартиры, то они веселой гурьбой явились к нам и на какое-то время «влились» в нашу компанию. Начались поздравления с Новым годом — чокались, пили шампанское, пробовали разные угощения и испеченный мной новогодний торт, шутили, смеялись. Наш пес, очень спокойный и покладистый спаниель Грэй, настолько «очумел» от такого беспорядка и суматохи, что единственный раз в жизни укусил человека — цапнул за палец Ирину Анатольевну, жену Бориса Николаевича Петрова. Рана, к счастью, оказалась несерьезной, ее смазали йодом, палец перевязали, и веселье продолжилось. В процессе этого «пиршества» и праздничной суматохи завязалась оживленная беседа «корифеев науки» с молодыми физиками. На наших друзей тогда произвело большое впечатление неожиданное появление такого созвездия известных ученых и возможность с ними побеседовать.

Но так уж устроена жизнь, что наряду со счастливыми и радостными событиями обрушиваются вдруг горе и утраты. Для папы были тяжелым потря-

сением уход из жизни его старшей сестры — Тани (Татьяны Александровны Цыплихиной, в девичестве Котельниковой), а потом и младшего брата — Севы (Всеволода Александровича Котельникова). Тетя Таня умерла после тяжелой болезни в 1976 г. на 71-м году жизни. Через 9 лет, в 1985 году, на 74-м году жизни скорострительно скончался дядя Сева.

Судьба распорядилась так, что из всей их семьи Котельниковых остался один он, Владимир Александрович, когда-то самый болезненный ребенок, которому суждено было прожить почти 97 лет.

Воспитание

Папа всегда был очень занят — нагрузка на работе у него была чудовищная. На работу он уходил рано, возвращался обычно поздно, часто уезжал в командировки. Но вся эта часть его жизни была вплетена в тонкую и прочную канву большой любви, взаимопонимания и уважения друг к другу, заботы, тепла, радостей и переживаний нашей семьи. И даже во время его довольно длительных командировок всегда оставалось ощущение его постоянного присутствия.

Специально нашим воспитанием папа не занимался, да и не считал нужными и эффективными постоянные наставления и нравоучения. Однако его влияние на формирование наших личностей огромно! И как я теперь понимаю, маминей личности — тоже. Хотя она, конечно, и сама по себе была очень ярким, талантливым и энергичным человеком.

Человека воспитывает, в основном, среда, в которой он живет: его окружение, дела и поступки близких, уважаемых и любимых людей, их реакция на происходящие события. Перед нашими глазами всегда был пример родителей. Поскольку этот очерк посвящен папе, то я в основном буду говорить о нем — его отношении к людям, к делу, к работе, к быту и т.д. Словом — к жизни.

В вопросах нашего воспитания у родителей всегда была полная солидарность. Во всяком случае, при нас у них не возникало никаких разногласий. И всякие наши с Шуриком попытки обойти запрет на что-нибудь одного из родителей и «в обход» добыть разрешение у другого, каждый раз кончались неудачей. На каждую просьбу следовал вопрос: «А ты с мамой (или папой) согласовал?»

«Могу все сделать сама». Погружаясь в воспоминания своего детства, я старалась проанализировать свои впечатления и ощущения тех лет, понять причину, почему они были именно такими.

Сколько я себя помню, с самого раннего детства у меня было ощущение стойкой внутренней уверенности, что я сама могу сделать все. Со временем, по мере того как я выросла и умнела, пришло понимание, что все в жизни гораздо сложнее, и это ощущение трансформировалось. Слово «все» перешло в слово «многое». Впервые об этом ощущении и о том, откуда же оно у меня возникло, я задумалась только уже во взрослом состоянии, когда, окончив МГУ, начала работать в Научно-исследовательском институте АН СССР. Как-то по пути на работу я забежала в наш «придворный магазин» — универмаг «Москва», который находился почти напротив института, через Ленинский проспект. Там в сувенирном отделе я вдруг увидела маленькие сувенирные галоши. Те самые «Галоши настоящие, красивые, блестящие», которые заставляли нас надевать в детстве в сырую погоду, чего мы очень не любили. Такие же черные, блестящие, упругие и эластичные с красной подкладкой из пушистой байки. Только совсем маленькие. Я тогда не удержалась и купила их себе на память. А воскресили они

мой воспоминания далекого, далекого детства и то ощущение, что «я сама могу сделать все, только для этого надо как следует повнимательнее рассмотреть этот предмет, понять, как он сделан, и очень, очень постараться». А возникло оно, конечно, потому, что я часто видела, как на моих глазах папа брался за решение различных проблем и, приговаривая: «Что тут у нас такое? Сейчас разберемся», — немного поразмыслив, ловко с ними справлялся. Это были и домашние дела, и наши детские проблемы. Например — наши совместные починки игрушек — моих кукол, Шурикиных машинок и т.д. Так, когда мы с папой чинили мою целлулоидную куклу, мне стало понятно ее устройство — крепление ее рук, ног, головы и даже закрывающихся глаз. То же было и с другими игрушками. Оказывалось, что все просто и понятно и что чинить их совсем нетрудно. Поэтому с более простыми вещами, как например кукольной одеждой, обувью и другими, я старалась разобраться сама и по примеру папы уверенно бралась за их починку или изготовление, и многое, действительно, получалось. Мама у нас тоже, почти как папа, то ли им воспитанная, то ли сама по себе, «все могла». Она часто повторяла: «Все делают руки человеческие!»

Впервые моя уверенность поколебалась, когда я почему-то задумалась, как же сделаны галоши. Как я их ни рассматривала, как ни думала — сама сообразить не смогла. Технологии «литья резины» я, конечно, не знала, а папу почему-то не спросила. Возможно, он был в какой-нибудь командировке, а потом мое внимание переключилось на что-то другое, и я про них забыла. Так они тогда для меня и остались загадкой, вещью, которую я «сама сделать не могла».

Вспомнила я и задумалась о том своем ощущении только через много-много лет.

«Прочитай повнимательнее». Обычно я никогда не обращалась к родителям за помощью при выполнении уроков. Необходимости в этом не было. Но однажды, судя по тому, что папа был дома, в один из выходных дней мы с подружками договорились пойти в кино. Мне хотелось поскорее разделаться с уроками и, не особенно вникая в написанное, я наспех просмотрела заданные параграфы и — ничего не поняла. Времени до встречи оставалось мало. Тогда, чтобы не терять его на повторное, уже более внимательное чтение материала, я решила «схалтурить». Подружки мне рассказывали, как родители помогали им делать уроки, и я решила тоже попробовать «поэксплуатировать» папу — пойти к нему, чтобы он быстренько мне все объяснил, и я буду свободна. И — отправилась. Папа сидел в своем кабинете в кресле и что-то читал. Он внимательно меня выслушал и спросил, а есть ли у меня учебник.

— Конечно, — ответила я.

— Ну-ка принеси его.

Я быстренько притащила учебник, и он стал его внимательно просматривать. Время шло. Тут я уже начала жалеть, что ввязалась в эту историю.

— Хороший учебник, — заметил папа, — тут все очень толково объяснено. А ты его читала?

— Да.

Папа внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Прочитай-ка еще раз.

Я помчалась, быстро просмотрела параграфы и вернулась к нему в надежде, что тут-то он мне, наконец, быстро все объяснит и я наверстаю упущенное время.

— Прочитала? — спросил папа, оторвавшись от своей книги.

— Да.

— Ну и как? Поняла?

— Нет.

— Прочитай еще раз, только повнимательнее. — Спокойно сказал он, и я поплелась к себе.

Пришлось как следует прочитать материал. После этого, конечно, все сразу стало понятно. В кино, разумеется, я опоздала. Мне тогда было очень досадно, что я потеряла во много раз больше времени, чем если бы сразу выполнила урок как следует. И ужасно стыдно за свою авантюру. Так папа приучил меня внимательно читать материал и разбираться во всем самостоятельно. Для себя же я тогда сформулировала: «халтурщик выполняет двойную работу» (по аналогии со «скупой платит дважды»).

После концерта. Когда мы жили в доме Энергетического института на ул. Казакова, из «домашних» подружек я больше всего дружила с моей одноклассницей Машей Поливановой, дочерью профессора МЭИ Константина Михайловича Поливанова. Жили они в нашем подъезде, этажом ниже. В семье Поливановых очень любили музыку и часто ходили на концерты (как у них было принято говорить — «в концерт») в Большой зал Государственной консерватории. Иногда они приглашали с собой и меня. Я, конечно, с радостью присоединялась к их компании. И вот однажды отправились мы на симфонический концерт. Программу его я уже забыла, помню только, что концерт мне очень понравился. На обратном пути взрослые живо обсуждали исполнявшиеся произведения и игру исполнителей, и вдруг кто-то из них отметил, что какой-то скрипач в одном месте «смазал». Меня это поразило! Во-первых, как может профессиональный исполнитель, который выступает в Консерватории, «смазать»? Он ведь должен был очень хорошо подготовиться! Но самое главное, как это взрослые смогли в таком обилии звуков оркестра услышать ошибку?

Когда я пришла домой, папа поинтересовался, понравился ли мне концерт.

И тут я решила, как выразался папа, «блеснуть»:

— Да, очень, — сказала я, — но только один скрипач что-то «смазал» в одном месте.

Улыбаясь, папа очень внимательно на меня посмотрел и спросил:

— Да?! А ты это сама заметила?

Смутившись, я призналась, что так говорили Машины родители. Тогда папа спокойно объяснил мне:

— Никогда не надо рассуждать о том, в чем не разбираешься или разбираешься плохо, с чужих слов. Тебе музыка понравилась, и это самое главное. Вот когда ты достигнешь в музыке или в каком-либо другом деле такого уровня, что сможешь сама оценить мастерство исполнителя, тогда и будешь рассуждать и высказывать свое мнение. Только — *свое!* А не повторять чужие слова.

Машина. После поездки с папой и ребятами на машине в Крым в 1956 году Шурик «загорелся» научиться как следует водить машину и получить водительские права. Сделать это в то время не составляло особого труда, поскольку в стране поощрялось автолюбительство, организовывались «кружки» по линии ДОСААФ (Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту) и во многих школах был введен предмет «автодело». На этих занятиях изучалось устройство автомобиля, его характеристики, правила эксплуатации, техника вождения и правила дорожного движения, что, собственно, и требовалось для сдачи экзаменов на получение водительских прав. Учитывая то, что Шурик

до этого помогал папе возиться с машиной и папа обучал его вождению, экзамены он преодолел с легкостью.

Получив права, Шурик с гордостью садился за руль папиного автомобиля, и они с папой ехали по делам, или мы все вместе отправлялись «путешествовать».

В то время автомобилей в нашей стране было немного, тем более частных, и контингент водителей-автолюбителей в основном был — люди среднего возраста и старше. Уровень автомобильного производства и уровень жизни в нашей стране были таковы, что иметь свою машину могли позволить себе очень немногие. Поэтому когда Шурик стал приставать к папе с просьбой дать ему машину, чтобы покататься с ребятами, тот ответил следующим образом: «Понимаешь, машины мне не жалко, только вот как ты будешь чувствовать себя перед своими друзьями, у родителей которых машины нет? Тебе не будет неловко? Ведь ты ничем не лучше них. Сам ты машину не заработал, так на каком же основании будешь “шиковать”?» На этом вопрос был исчерпан.

Отношение к людям. К людям, будь то простой чернорабочий или глава государства, папа относился с огромным уважением и, я бы сказала, бережно. Он ни с кем не был запанибрата, к собеседнику, независимо от его возраста и положения, непременно обращался по имени и отчеству. Приветствовал всех папа обычно крепким рукопожатием.

При общении с самыми простыми людьми: слесарями дома, в котором мы жили, рабочими, которые строили дачу или работали в нашем дачном поселке и т.д., папа разговаривал с уважением, без какой-либо тени высокомерия или пренебрежения, никогда не демонстрируя своего превосходства. И это было абсолютно искренне. Он очень ценил добросовестных людей, хороших специалистов в своем деле. И даже если оказывалось, что кем-то из них что-нибудь было сделано неправильно или «халтурно», он никогда не позволял себе кричать или ругаться. И это не только потому, что он был человеком воспитанным, умел держать себя в руках и не выплескивать свой гнев на других, — просто внутри у него не было злобы. Недобросовестных людей он не любил, и в случаях откровенной халтуры или обмана свое возмущение он выражал тем, что довольно жестко и сухо говорил собеседнику: «Послушайте, уважаемый, так же не годится!» — и объяснял, как то-то и то-то должно быть сделано. Это «уважаемый» и было признаком его недовольства.

Не любил папа и людей заносчивых, с высоким самомнением, ставящих себя выше окружающих. Он считал, что это недопустимо ни для кого, независимо от заслуг и регалий, и что таким поведением человек сам себя «принижает». По этому поводу он вспоминал слова А.П. Чехова, что человек как дробь: в числителе — его достоинства, а в знаменателе — самомнение. Чем выше самомнение, тем меньше дробь. Жизнь, говорил папа, многообразна, люди все разные, и у каждого есть свои достоинства и свой талант.

Сам он никогда не допускал даже шуток, оскорбляющих или унижающих человека. Он говорил, что в жизни и без того много горя и неприятностей, поэтому не следует обижать людей понапрасну.

И ему отвечали таким же добрым отношением. Я вспоминаю один очень трогательный случай. В 1990-е годы мне по работе довольно часто приходилось бывать в главном здании Президиума АН СССР (Ленинский пр., д. 14). Там в гардеробе в то время работали посменно две очень милые пожилые женщины. И вот однажды, пока я снимала свое пальто, одна из этих женщин подошла к какому-то пальто, висевшему с краю у стены, и ласково поглаживая его,

с большим теплом говорит мне: «А Вы знаете чье это пальто? Это — Владимира Александровича!» И сказано это было с такой любовью и уважением, что у меня даже сердце сжалось.

Папино уважение к людям проявлялось и в том, что он никогда не опаздывал. Редким исключением были только те случаи, когда неожиданно возникали очень веские причины. Он считал, что заставлять себя ждать — это неуважение к людям, которые вынуждены терять понапрасну свое время. Иногда мне случалось «присоседиться» к папе, чтобы по пути проехать с ним на машине часть дороги до моей работы. И если я вдруг немного, минут на 5, задерживалась, он спокойно ждал меня в прихожей, просматривая газету. Когда я наконец выбегала, папа говорил: «Ну, нельзя же так, ведь я могу опоздать. Так просто не опаздывать, — надо только поставить будильник минут на 10 пораньше». Сам папа был исключительно пунктуальным человеком. Утром можно было проверять время по тому, в каком месте квартиры слышались его шаги,

С людьми «высокого ранга» и стоящими «выше по служебной лестнице» папа всегда вел себя уважительно, с достоинством, независимо, без заискивания и подобиострастия, отстаивая свое мнение. Он никогда не искал дружбы или приятельских отношений с ними, не стремился завоевать их расположение к себе или «особое положение» для себя.

Я как-то спросила папу, какие у него были взаимоотношения с членами правительства, ведь ему приходилось с ними иметь дело и по Верховному Совету и по другим делам. На что он ответил: «Да, приходилось решать с ними всякие вопросы. А так, — что я к ним полезу. Зачем?»

Во время работы над «Комплексной программой научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий» папе приходилось очень много работать с Госпланом СССР и у него сложились очень хорошие отношения с его председателем — Николаем Константиновичем Байбаковым. Обычно, когда он туда приходил, в приемной Байбакова было полно народу, и прежде чем попасть к нему в кабинет приходилось ждать своей очереди. Однажды, когда папа был уже в кабинете, Николай Константинович и говорит ему: «Владимир Александрович, а Вы приходите ко мне прямо в кабинет через другую дверь, не ждите в очереди». В кабинет было два входа, один — через приемную, а второй — «потайной», прямо из коридора. Папа поблагодарил его за предложение, но сам им так никогда не воспользовался: «Что же я полезу без очереди. Людей надо уважать. У других тоже много дел, все люди занятые. Есть помощник, которая докладывает ему, кто пришел. Пусть они сами и разбираются, что действительно нужно решать в первую очередь».

Папа никогда не использовал свои привилегии дважды Героя Социалистического Труда или депутата Верховного Совета для того, чтобы пройти куда-нибудь без очереди. Даже в свои 95 лет, во время жуткой эпопеи обмена паспортов, которая проходила тогда в нашей стране (2003 г.), он отказался пройти без очереди, представив свои документы, удостоверяющие, что он имеет на это право. При этом он сказал, что «это неудобно — ведь ждут же все остальные». В нашем отделении милиции тогда творилось что-то страшное — люди часами ждали своей очереди, в коридорах перед кабинетами было битком набито народу, дышать нечем, сесть не на что. Мы боялись, что папа просто физически не выдержит этого мероприятия. Поэтому пришлось нам самим пробиваться в кабинет и договариваться с сотрудниками милиции, чтобы они, учитывая все обстоятельства, папу вызвали.

По воспоминаниям Антонины Васильевны Зайцевой, папиной помощницы по работе в Президиуме, он никогда не стремился предстать «перед светлы очи» высокого начальства и по возможности старался поручить это кому-нибудь другому.

Как-то во время папиного летнего отпуска (в 1977 году), когда он был на даче, ему вдруг позвонили из президиума АН СССР и сообщили, что в Кремле срочно должно состояться вручение Л.И. Брежневу высокой награды Академии наук — Золотой медали им. Карла Маркса, и для того чтобы это мероприятие прошло на должном уровне, надо, чтобы вручал ее папа. Медаль эту присудили Брежневу еще в декабре 1976 года, в связи с его 70-летием, но по каким-то причинам вручение тогда так и не состоялось. В то время папа был первым вице-президентом. Президент по какой-то причине сделать этого не мог. В отсутствие президента папа, если даже и уходил в отпуск, то проводил его на даче и периодически, когда считал, что на работе накопились важные дела, ездил туда разбираться с ними. Это же событие он не считал достаточно важным, чтобы ехать ради него в Москву. Сославшись на то, что он в отпуске, сам вручать награду отказался, сказав, что с этой задачей вполне может справиться академик Ю.А. Овчинников, который на период папиного отпуска замещал его.

В случае же вручения научных наград уважаемым им людям он считал для себя необходимым участвовать в этих мероприятиях. Я была свидетелем того, как он старался перенести свои дела на другое время для того, чтобы иметь возможность присутствовать на вручении престижной премии IEEE академику Б.Е. Чертоку. И хотя почти сразу после вручения награды и поздравлений Бориса Евсеевича папе пришлось, извинившись, уехать на какое-то совещание у Президента РАН, и в торжестве по поводу награждения он участвовать не смог, главное, как он считал, все же удалось выполнить.

Свои отношения с людьми папа строил исходя из принципа, который я бы сформулировала как «презумпция порядочности». Он не раз говорил: «Лучше подумать о человеке хорошо и ошибиться, чем незаслуженно оскорбить его недоверием». Уже в самом конце своей жизни, на своем 95-летнем юбилее папа сказал: «Я старался максимально исключить возможность незаслуженного обвинения человека. Вот это тоже, конечно, помогало существованию».

Помню, как мама, обсуждая какую-то ситуацию, говорила о ком-то, что он-де очень нехороший человек, поступает непорядочно и т.д. На что папа вдруг спросил ее: «Он тебе лично сделал что-то плохое?» И, услышав отрицательный ответ, продолжил: «Никогда не суди о людях с чужих слов». Спустя много лет он повторил мне то же самое, когда я в разговоре как-то высказала сомнение по поводу порядочности одного человека.

От папы я почти никогда не слышала плохих слов о людях, даже о тех, которые, по рассказам его сослуживцев, не очень порядочно поступали по отношению к нему. Но это не означает, что он «смотрел на жизнь сквозь розовые очки» и не замечал ложь, неуважительное, пренебрежительное, грубое и непорядочное отношение к другим людям, которые он не выносил.

Когда мама еще работала в МЭИСе, я часто слышала, как она со своими коллегами обсуждала всевозможные институтские дела. В разговорах часто упоминался какой-то их сотрудник по фамилии Ч<...>, который, судя по всему, был не очень хорошим человеком. Папа никогда в таких беседах не участвовал, и вообще, в нашем доме было не принято обсуждать всякие склоки, дразги, «политические и кадровые» моменты служебной жизни. Но как-то я все

же спросила папу, что же это такое у мамы на работе с этим Ч<...>, и что он за человек. На что он мне ответил: «Я не знаю, там у них на работе какие-то проблемы с ним. Но вообще-то, он, судя по всему, не очень порядочный человек. Еще до войны, будучи тогда еще совсем молодым человеком, он работал в моей лаборатории и однажды поступил очень nepядочно. Был он в группе Д. В<...>, и их коллектив работал над одной проблемой. И вдруг мы узнаем, что он «втихаря» за своей подписью опубликовал сделанную их коллективом работу. Мы все тогда были очень возмущены его поступком». В другой раз, уже в нашем с папой разговоре, обсуждая какую-то ситуацию, я сказала об одном очень известном и вроде бы всеми уважаемом человеке: «Как же так! Он же такой великий ученый, это просто невозможно, чтобы он так поступил!» На что папа, к моему великому удивлению, вдруг спокойно заметил: «Ты напрасно его идеализируешь». Никаких комментариев за этим не последовало.

Папа не мог выносить, когда люди льстили, возвеличивали его личность, унижались и пресмыкались перед ним. Он никогда не льстил и не унижался сам и не терпел этого ни со стороны домашних, ни со стороны посторонних людей. Когда его начинали «поливать елеем», он как-то внутренне напрягался и старался тактично перевести разговор на другую тему. Поэтому-то он, несмотря на все мамины уговоры, по возможности отказывался от проведения всяких банкетов в его честь, говоря при этом: «Что же мучить людей. Они вынуждены будут придумывать всякие хвалебные тосты в мою честь». Но если его приглашали коллеги и друзья на свое чествование и он знал, что его присутствие там будет приятно виновнику торжества, он всегда старался принять участие в этом мероприятии и с удовольствием его поздравлял. Как-то по нелепой случайности получилось так, что до папы не дошло приглашение на юбилей его бывшего заместителя по ИРЭ Андрея Владимировича Соколова. И когда уже по прошествии торжества он узнал, что был на него приглашен и его там ждали, то страшно расстроился. «Ну, как же так, ведь я очень хотел поздравить Андрея Владимировича! А получилось, что я вроде проигнорировал это событие», — сокрушался он.

Мама относилась к папе «с пиететом», но никогда это не демонстрировала. Папа этого не выносил. Она, радиоинженер по специальности, учившаяся и работавшая у него, хорошо знала многие его работы и прекрасно понимала их уровень. Осознавала его величие. Их отношения строились на огромной любви друг к другу, внимании, заботе, «партнерстве», дружбе «на равных». Нам же, когда мы стали уже взрослыми, она говорила, что папа, занимаясь научно-организационной деятельностью, зря губит свой талант ученого. Папиного культа в доме не было. Мы знали, что он профессор, потом — академик, директор института, но относились к этому спокойно — работа у него такая. Это было в порядке вещей. Кому-то об этом рассказывать, «хвастать», «кичиться» считалось неприличным. Для нас он был просто любящим, добрым, справедливым, надежным и мудрым папой, который очень много знает и все умеет. Нам объяснялось, что важно не то, кто твои родители, а что ты сам из себя представляешь. Люди будут судить о тебе по твоим делам и поступкам. О вручении папе награды сам он никогда не говорил, относился к этому очень спокойно. Рассказывала обычно мама, или мы узнавали из прессы. В семье эти события никогда не праздновались. Конечно, когда мы узнавали, то обязательно его поздравляли, и он в ответ благодарил. Как-то папу спросили, что он ощущает, когда ему присуждают награду? На что он ответил: «Приятно, конечно, когда твою работу положительно оценивают, но работаешь ведь не ради этого».

Папа всегда старался помочь людям. При этом он придерживался следующего принципа: «Никогда не обещай того, чего по какой-либо причине заведомо не можешь сделать. Лучше приложить максимум усилий и выполнить просьбу, не пообещав заранее, чем пообещать и не выполнить, обманув тем самым ожидания просившего».

Родители постоянно помогали материально, морально и делом родственникам, друзьям и просто знакомым людям. По этим вопросам у них было полное согласие. Обсуждали их они только между собой, «не распространяясь» и не афишируя свою помощь.

Когда папе случалось получать значительные денежные премии, то часть их всегда передавалась тем людям, которых, он считал, надо поддержать. Помню, когда он получил в 1999 году премию Фонда имени Эдуарда Рейна, он вдруг сказал мне: «Думаю, вы не обидитесь, что часть денег я отдам, по своему усмотрению, некоторым людям».

Хочет привести случай, который произошел в моем далеком детстве, но значение тех событий стали понятны мне значительно позже, когда я была уже взрослой, в стране наступила «оттепель» и стали свободно говорить о страшных годах сталинских репрессий. Случайно услышанная в детстве информация, на которую тогда я не обращала внимания и не понимала ее значение, но которая «осела» в моей памяти, вдруг словно «проявилась» в моем сознании. События, о которых пойдет речь, относятся к периоду 1947–1953 гг. Времена тогда были, как мы теперь знаем, далеко не простые во всех отношениях.

Мой брат Шурик тогда учился в начальной школе и у него появился школьный товарищ, его одноклассник. Как это часто бывает, мамы обоих мальчиков подружились. Судя по всему, жили эта женщина с сыном очень трудно, и мама все время старалась ей помогать. Отец мальчика был где-то далеко, у самой этой женщины, которая работала машинисткой, на службе были какие-то проблемы. Да и у мальчика в школе были неприятности — учительница почему-то все время к нему придиралась. Из разговоров двух мам получалось, что это все каким-то образом было связано с его отцом. Много позже я узнала, что отец мальчика, журналист по профессии, был репрессирован и находился в заключении. Наш папа, конечно, был в курсе всей этой ситуации. В то время общаться с семьей репрессированного было очень опасно, тем более такому «очень засекреченному» человеку, как папа. Однако, несмотря на это, папа не только не возражал против дружбы сына с этим мальчиком и против того, что мама дружит с женой «врага народа» и помогает ей, но и нашел еще способ, каким образом можно ей помочь. Папа тогда готовил к печати какие-то материалы. Теперь я знаю, что это была его «Теория потенциальной помехоустойчивости», издание которой по каким-то причинам отложилось, и первый том учебника «Основы радиотехники». И вот, когда ему надо было уже перепечатывать рукописи «начисто», он вместо того чтобы обратиться к официальной машинистке, отдал эту работу маме Шурикиного товарища. А чтобы она могла работать дома, предоставил ей свою пишущую машинку. Стоит напомнить, что к пишущим машинкам отношение тогда было очень серьезное, их рассматривали как возможное средство распространения (тиражирования) нежелательной информации, и поэтому они подлежали обязательной регистрации в милиции. Папа же отдал ее жене «врага народа». А потом родители несколько лет (до 1953 г.) снимали у нее на лето часть дачи. Мотивировали они это тем, что так удобнее работать — рукопись отвозить не надо, и она может сразу перепечатывать уже подготовленный материал.

Об этой истории родители никогда специально не рассказывали, даже тогда, когда стало модно показывать, что хоть ты сам и не был репрессирован, этого не боялся и пострадавшим сочувствовал.

Помню, как после торжественного заседания Ученого совета ИРЭ по случаю папиного 90-летия члены Ученого совета и старейшие сотрудники института собрались для «неформальной беседы» в кабинете директора, бывшем папином кабинете. Один из присутствовавших там сотрудников, обращаясь ко мне, сказал: «Вы не представляете себе, скольких людей спас Владимир Александрович!» На что услышавший эти слова папа возразил: «Ничего особенного я не делал. Просто разъяснял этим “начальникам”, как все было на самом деле, что те сотрудники, к которым у них “претензии”, люди порядочные, замечательные специалисты. Ну, а они почему-то к моему мнению прислушивались».

По поводу отношения папы к «национальному вопросу». Мне врезался в память случай из моего детства. Когда мы жили еще на Сретенском бульваре (до 1951 г.), в нашем доме жила семья татар. По-моему, глава этой семьи был истопником или дворником нашего дома. А может, и то и другое одновременно. И вот однажды Шурик, рассказывая что-то, вдруг очень неуважительно отозвался об этих людях, с пренебрежением и презрением назвав их «этими татарами». На что папа очень возмутился и строго сказал: «Шурик, это недопустимо, — так могут говорить только очень невоспитанные и некультурные люди. На Земле живет очень много людей разной национальности, и никто из этих народов не лучше и не хуже других. У каждого из них свои обычаи, свой язык. Для того, чтобы всем хорошо жилось, необходимо их уважать. Когда же начинают выделять свою национальность, считать, что она лучше и выше других, не уважать обычаи других, это приводит к вражде, от которой становится плохо всем. Это приводит к фашизму». Позже на мою реплику о ком-то: «Так он же упрямый хохол!», папа, посмеиваясь, заметил: «А сама-то ты кто? Твоя мама и ее родители с Кубани. Мой папа наполовину русский, наполовину немец, а моя мама украинка, из Киева. Вот так-то!»

Значительно позже мои коллеги по работе как-то сказали: «В Академии говорят, будто Котельников, конечно, еврей, потому, что у него в институте, в ИРЭ, работает много сотрудников еврейской национальности». И однажды в нашем разговоре с папой, когда пришлось «к слову», я ему рассказала об этом. Папа сначала рассмеялся: «Да-а-а?» — Это «да» прозвучало не столько вопросительно, сколько удивленно. — «А у нас в семье, сколько я себя помню, даже никто и не догадывался об этом. Ну что ж, всякое бывает!» А потом очень серьезно сказал: «А в ИРЭ работают не русские, евреи, татары, армяне и т.д., а порядочные люди и хорошие специалисты».

В последние годы папиной жизни, оберегая его ставшее хрупким здоровье, Антонина Васильевна и я взяли на свои души грех. Мы не торопились сразу сообщать папе печальные вести о кончине уважаемых им людей, которых он хорошо знал, а также и о других произошедших несчастьях.

Когда же он узнал об этом, то очень рассердился и сокрушенно сказал: «Ну, как же так можно! Что же, я маленький, что ли. Вы лишили меня возможности проститься с людьми, с которыми я так долго работал, которых я любил и уважал. Я бы обязательно постарался проводить их в последний путь».

Узнав с большим запозданием об ужасной трагедии, которая произошла с сотрудниками ИРЭ во время террористического акта у «Метрополя», он с горечью сказал: «Как же можно скрывать такие события! Может, я смог бы чем-нибудь помочь людям или хотя бы поддержать их».

Отношение к делу. Папа с готовностью брался за любые дела, если возникала необходимость или просто желание их сделать. И даже те, которые, казалось бы, не могли доставить никакой радости, делал как-то легко, вроде даже с удовольствием.

Никогда не «перекладывал» на других трудную, даже самую неквалифицированную или грязную работу, чтобы самому заняться более приятным или интересным делом. Он всегда придерживался принципа: «Кто-то же должен это делать. Почему же не я?»

И если он брался за какое-нибудь дело, то всегда выполнял его очень добросовестно, основательно, вникая в суть проблемы, и обязательно доводил его до конца.

Это проявлялось во всем, даже в бытовых мелочах, которые он тоже никогда не делал кое-как, на скорую руку.

Все, что выходило из-под его рук, было сделано очень тщательно, надежно, удобно и красиво. Будь то вскопанные на огороде грядки, отремонтированная сантехника, изготовленные им различные приспособления, усовершенствования и изобретения или какие-то самые тонкие изделия, например, отремонтированные ручные часы, какие-то украшения или еще что-нибудь.

Например, когда папа усовершенствовал газовый отопительный котел на даче, то отградуировал его и сделал удобную регулировку температуры. То же самое было и с газовым нагревателем воды. Он любил работать с деревом и, если занимался какими-нибудь плотницкими или столярными работами, — делал топчан, ремонтировал мебель или мастерил еще что-нибудь, у него получалось все крепко, аккуратно подогнано, отшлифовано, словом, — «без сучка и задоринки».

Папа прекрасно владел любыми инструментами от простой лопаты, топора и пилы, паяльника и кончая самыми тонкими, которые используются для всяких ювелирных работ. Как-то, уже в последние годы своей жизни, он ремонтировал часы, и оказалось, что у какой-то их шестеренки был сломан зубчик. Так он нашел подходящий материал, выточил из него новую шестеренку и — часы заработали. Папа был очень доволен, что ему это удалось сделать.

Сам он к инструменту относился очень бережно, и нас приучал к тому же. Он очень расстраивался, когда даже самые простые огородные принадлежности — лопаты, грабли, тяпки и др. бросались на улице и не убирались от дождя под навес.

Такой же подход был у него и ко всем другим делам.

Просматривая, например, найденные в архивах чертежи, схемы и расчеты кровли, отопления и т.д., которые папа сделал во время строительства дачи, можно только удивляться, до какой степени все они были основательные, четкие, аккуратные и подробные.

Когда мама обдумывала, как будут освещены комнаты в новой квартире, в которую мы должны были переехать, папа быстренько рассчитал и вычертил ей диаграммы освещенности всех помещений в зависимости от времени суток и года (при условии ясной погоды).

То же самое им было сделано и при строительстве дачи, когда они с мамой прикидывали, каким образом сориентировать ее по сторонам света.

И таких примеров можно привести множество.

Что же касается работы, то мне самой работать непосредственно с папой не приходилось. Какой-то довольно продолжительный период времени мне довелось заниматься выставочными делами Академии наук СССР (РАН).

В связи с этим я довольно часто бывала во многих академических институтах, в Президиуме АН СССР (РАН) и других ведомствах, и иногда, волей-неволей, мне приходилось слышать мнение окружающих о директоре ИРЭ и первом вице-президенте АН СССР академике В.А. Котельникове, а также со стороны наблюдать некоторые моменты его деятельности.

«Подпись В.А. Котельникова — это гарантия надежности документа». Мне запомнились рассуждения каких-то сотрудников академии наук о том, у кого лучше подписывать документы: «Если хочешь, чтобы вышел добротный работающий документ, — иди к Котельникову. Только при этом готовься к тому, что он будет “въедаться” во все детали вопроса. “На бегу” или “с ходу” у него подписать не удастся».

И однажды я была тому свидетелем. Как-то на даче мы с папой гуляли по поселку («по кругу») и к нам подошел какой-то человек. Представившись, он начал быстро излагать папе какой-то вопрос и «совать» на подпись какой-то документ. Папа его выслушал и попросил прийти к нему с этим вопросом на работу, в Президиум. Тот продолжал настаивать, уговаривать. На что папа, потеряв, в конце концов, терпение, довольно жестко сказал: «Слушайте, уважаемый < ... >, серьезные вопросы так не решаются. Мне надо разобраться, что к чему и почему. Так что, если это действительно Вам нужно, то уж будьте любезны, приходите ко мне на работу, и там мы с этой проблемой разберемся как следует».

О таком подходе Котельникова к делу было известно не только в Академии наук, но и в других ведомствах и в вышестоящих инстанциях, и к подписанным им документам отношение было соответствующее. Как-то в ГКНТ (Государственный комитет по науке и технике) мне сказали: «Подпись В.А. Котельникова — это гарантия надежности документа».

Выставки. Несколько раз у меня была возможность наблюдать со стороны, как папа относился даже к такому не столь уж важному вопросу, как осмотр выставки.

Как-то проходила одна из выставок достижений АН СССР. Сразу после ее открытия на осмотр экспозиции повели руководство Академии наук. Я со стороны наблюдала, как осматривал выставку папа. В отличие от большинства членов делегации, папа сам, без сопровождающего, прошел всю экспозицию от начала до конца. Остановливаясь почти у каждого стенда и беседуя со специалистами, вникая во все детали представленных работ, он очень внимательно ознакомился практически со всеми экспонатами. Спектр научных направлений, представленных в экспозиции, был очень широк, он охватывал почти все основные научные направления, которыми занимались в Академии наук, это физика, химия, биология, науки о земле, физиология и т.д. Ему было все интересно, и он вникал в суть каждой проблемы. В результате осмотра он мог совершенно свободно ориентироваться во всех представленных в экспозиции проблемах и подробно, по сути рассказать о каждой работе любому посетителю.

«Там, где начинаются склоки, кончается нормальная работа». Однажды мне рассказали историю, как в ИРЭ, когда папа был директором, два очень уважаемых сотрудника — замечательных специалиста очень не ладили друг с другом. Дело дошло до того, что они поставили вопрос «ребром»: «Один должен уйти из института! Вместе работать невозможно!» И вот с этим вопросом они пошли к Котельникову — пусть их рассудит и решит, кому оставаться в институте. И Котельников, якобы, решил — раз они не могут вместе нормально работать,

то пусть оба подают заявление об уходе. Такой реакции сотрудники никак не ожидали. В результате страсти улеглись, оба сотрудника остались в институте и уже без скандалов продолжили свою работу.

Позже я как-то спросила папу, действительно ли была такая история, на что он, не называя фамилий, сказал: «Ну, да, так же невозможно работать. Мало того, что они сами ссорились, они создавали такую атмосферу вокруг, от которой страдали и другие. В такой обстановке нормально работать невозможно. Там где начинаются склоки, кончается нормальная работа. А ведь каждый из них был порядочным человеком и прекрасным специалистом. В результате все уладилось и успокоилось».

«Восторженные экспериментаторы». ВАК: «Когда образовалось ИРЭ, то к нам пришел работать один ученый. Я и раньше его знал и относился к нему с большим уважением, все-таки он был профессором, когда я был еще студентом. В институте же он решил заниматься миллиметровыми волнами. Ну, миллиметровыми так миллиметровыми. Пускай занимается. Он где-то прочитал, что это как-то можно сделать. Добывать их он стал из ртутных ламп. Теории у него никакой не было. Сам он был не теоретик, а экспериментатор. И вот он что-то сооружал, сооружал... Время шло, проходили месяцы, и никаких результатов. Наконец, я попросил его показать, что же у него там получается.

— Ладно, — говорит, — покажу, только Вы все время заняты.

На что я ему сказал:

— Я в любое время приду. Вон уж сколько прошло времени. Надо же посмотреть, что там происходит.

Опять проходит какое-то время, а он все не зовет. Снова интересуюсь у него, как там дела, а он и говорит:

— Вот, у меня все получалось, а Вас не было.

Потом еще что-то. Наконец, призывает меня: “Получается, идите скорее!”

Прихожу, значит, смотрю — на столе у него расставлены призмы, дифракционные решетки и еще что-то.

Действительно, включает ртутную лампу — и стрелка прибора отклоняется, выключает — стрелка уходит обратно. Я беру листочек бумаги и прослеживаю путь от этой самой ртутной лампы до фотоэлемента. Смотрю я просто глазами, так что могу контролировать только то, что видно. Значит, вот идет, идет, идет... В каком-то месте захватывается немножечко красного спектра. Потом дальше смотрю, смотрю, смотрю... до фотоэлемента. И говорю ему: “Ой, слушайте, смотрите — у Вас какой-то “кусочек” красного спектра попадает на фотоэлемент, так что уж какие тут миллиметры, тут может быть и инфракрасный и еще что-то...”. А он: “Ох, да, да, да. Ну, я переставлю, и этого не будет”. После этого так он все-таки и не смог мне ничего показать. И кончилось все тем, что он помер. Потом у нас этими ртутными лампами никто не занимался, потому что не понятно, почему там должны быть какие-то яркие миллиметровые линии.

Уяснил же я следующее. В жульничестве я его никак не мог заподозрить. А происходило все таким образом: если у него в эксперименте получалось то, что он ожидал, он — в восторге, и критически его мозг уже не работает. Если же у него не получалось, то тогда он начинал искать — в чем дело и обнаруживал, что именно в этот момент где-то в соседней комнате запустили мотор или еще что-нибудь, или эти ртутные лампочки взяты не из той партии и т.д. В конце концов, он делал вывод, что вот поэтому-то ничего и не получилось.

Просто есть вот такие восторженные люди. Я потом и еще таких встречал. При получении ожидаемого результат у них возникает эйфория, они в восторге

и внутренне не расположены подвергать результат сомнению, искать ошибку. А если не получается, то будут день и ночь думать и найдут, наконец, причину, почему это не получилось. В особенности, если эти ожидаемые ими результаты не так уж обязательно каждый день повторяются. Иногда повторяются, а иногда не повторяются. Это — плохие экспериментаторы.

Людам, которые не могут критически подходить к полученным ими результатам и выдают желаемое за действительное, заниматься наукой противопоказано».

Статья. После окончания физфака МГУ я работала в одном из институтов АН СССР. Почти сразу мне посчастливилось попасть в замечательный коллектив. Работали мы не просто с увлечением, энтузиазмом, а я бы сказала, с упоением. Тогда мы закончили собирать и отлаживать уникальную по тем временам установку, у нас началась серия экспериментов, и стали получаться очень интересные и непонятные результаты. Научная работа, вообще, дело очень увлекательное, а тем более, когда работаешь с хорошими и грамотными людьми.

И вот мы доложили свои результаты на нашем лабораторном семинаре, который был «общемосковским», и на него приходили ученые из других научно-исследовательских институтов. Реакция на доклад превзошла все наши ожидания. Работа вызвала интерес, отношение к ней было положительное и, неожиданно для нас, присутствовавший на докладе академик А.С. Боровик-Романов предложил срочно представить ее к публикации в очень престижный научный журнал по физике — «Письма в ЖЭТФ» («Журнал экспериментальной и теоретической физики»). «Письма в ЖЭТФ»!!! В этот журнал еще не сразу и попадешь, а тут сами приглашают, да еще не кто-нибудь, а сам Боровик-Романов! У нас аж дух перехватило от переполнившей нас гордости: мы — «настоящие физики»! Мы с моей коллегой, совсем еще «молодые специалисты», «раздувались и переливались», как мыльные пузыри. Нашему восторгу не было предела. Но, как это часто случается, дальше нас ждало разочарование. Подготовленную нами статью к публикации не подписали. По порядку оформления статей в печать необходимо было иметь на сопроводительных документах подпись заведующего лабораторией. Он же ставить свою подпись отказался, сказав, что результатов, представленных в работе, не понимает. Нам это показалось очень несправедливым, и мы попытались его уговорить: «Как же так, ведь работу одобрил и предложил опубликовать сам Б.-Р.!» На что получили сухой ответ: «Ну и что из того, что предложил Б.-Р.? А я не считаю возможным ее публиковать и не подпишу!»

Что же делать? Ситуация сложилась тупиковая. Мы были в полной растерянности. И вот мои коллеги нашли, как им показалось, возможный выход из создавшейся ситуации — спросить совета у В.А. Котельникова. Не могу утверждать, но возможно они надеялись, что он замолвит словечко в разговоре с нашим заведующим лабораторией. Для меня это был удар! Дома у нас было не принято обсуждать всякие коллизии, которые случались на работе. Эти темы были запретны. Но что делать? Скажешь, — не поверят и решат, что я не хочу помочь делу. Пришлось попробовать.

Дома, когда папа вернулся с работы, я завела разговор о наших экспериментах, установке, результатах измерений... Папа с большим интересом начал вникать в детали, обдумывать, что же там у нас получилось... А потом я рассказала ему о сложившейся ситуации со статьей и спросила, что же в таком случае нам делать.

Папа очень внимательно на меня посмотрел и спокойно сказал: «Как что? Работать дальше».

И мы продолжили работу. Через какое-то время наша статья вышла и, надо отдать должное, получилась она гораздо более обоснованной и полновесной, чем ее первоначальный вариант.

«*Административный ресурс*». Во время траурной церемонии прощания с академиком В.А. Котельниковым академик А.Ф. Андреев сказал много замечательных и теплых слов, заметив при этом, что Владимир Александрович никогда не использовал свой «административный ресурс» в личных целях.

Об этом я слышала нередко и от многих других папиных коллег. Причем словосочетание «личные интересы» использовалось не только и не столько в смысле — «персонально для себя», а в широком смысле.

Папе приходилось решать очень широкий круг проблем международно-го, государственного и межотраслевого масштаба в качестве руководителя и члена международных организаций, руководителя государственных и межведомственных программ страны. Как первому вице-президенту АН СССР ему приходилось решать большой круг вопросов, определяющих деятельность Академии наук, — финансы, кадры, развитие «центральных» и региональных научных подразделений Академии наук, координацию их работы с союзными Академиями наук, а также научными организациями других ведомств страны. И на всех уровнях решаемых проблем он во главу угла ставил интересы общего дела. Отстаивая интересы организаций, которые он представлял, он никогда их не лоббировал.

В своем поздравлении по случаю 95-летия Владимира Александровича академик Е.М. Дианов, которому приходилось работать с папой, в частности, по проблеме оптоволокна, в которой участвовали несколько организаций, в том числе ИРЭ и ИОФ РАН, также отметил, что Владимир Александрович «никогда не перетягивал одеяло на себя».

Для некоторых же, возможно, В.А. Котельников, заботившийся об успехе общего дела, не допускавший безответственного к нему отношения и лоббирования интересов отдельных «группировок», был «неудобен».

Эта черта Владимира Александровича распространялась в полной мере и на семью. В нашей семье считалось неприличным «хвастать» папиными заслугами и его служебным положением или каким-либо образом использовать это для достижения своих целей. И о том, чтобы он «хлопотал за нас» при нашем поступлении в институт или во время учебы там, устройстве на работу и продвижении по служебной лестнице, не могло быть и речи. Такое нам даже не могло и в голову прийти.

Помню, когда я училась еще в школе, а Шурик уже поступил в институт, у него там возникли какие-то проблемы. Специально меня в эту ситуацию не посвящали, и сама я в нее не вникала, но из разговоров я поняла, что он «напрогуливал» много занятий. В моей памяти остался фрагмент разговора родителей, где папа возмущенно говорил маме: «Ну, Нюся, как же так можно. Почему же другие ребята, у которых нет влиятельных родителей, должны отвечать за свои поступки, а он нет. А как же он будет жить дальше?..»

Когда я оканчивала МГУ, и у нас наступило распределение, мама, помню, меня предупредила: «Не вздумай распределиться в ИРЭ. Работать в папином институте тебе будет труднее, чем кому-либо, — он будет подходить к тебе с особой строгостью».

Был случай, когда одна из наших родственниц очень обиделась из-за того, что папа не может позвонить начальству ее брата и «замолвить за него словечко». Она считала, что карьера брата была бы тем самым обеспечена.

Правильно папа поступал или нет, хорошо это или плохо, — каждый будет судить в соответствии со своими убеждениями. Папа же был таким, и это были его принципы, которым он следовал на протяжении всей своей жизни.

«Пиар-кампании». Насколько мне известно, пожалуй, единственным делом, которое папа с готовностью «перекладывал на плечи других», было участие в «пиар-кампаниях». Он очень не любил мелькать на страницах газет, экранах телевизоров, в эфире и избегал «верноподданнических публикаций». Встречался он с представителями прессы, радио и телевидения только в тех случаях, когда считал, что это, действительно, необходимо для дела. В иных же — поручал кому-нибудь другому.

Публикаций о себе лично он не любил и, по возможности, их избегал.

Вообще же к журналистам он, имея горький опыт, относился с большой настороженностью. Говорил, что многие из них либо по недостаточной грамотности в освещаемых ими проблемах, либо в погоне за «горяченьким», за сенсацией нередко дают неправильную информацию — искаженную или, в лучшем случае, с неправильно расставленными акцентами.

Отношение к жизни и быту. В обычной жизни папа был очень неприхотлив. Семья, в которой он рос и которую позже создал сам, жила всегда просто. Даже в самые благополучные времена, до первой мировой войны 1914 г., а потом уже после второй мировой войны, после пятидесятих годов прошлого века, жили в достатке, но скромно. Роскоши в доме никогда не было и не только из-за того, что не было денег, а просто к ней не стремились, это не было нужно. В семье были другие «ценности». По возможности помогали близким людям. Были увлечены работой, в доме было много книг, любили музыку, живопись, природу.

В то же время папа не любил неопрятность, разруху и безвкусицу, «дешевку», не в смысле стоимости предмета, а в смысле качества, в широком понимании этого слова. Будучи сам талантливым человеком и профессионалом высокого класса, он видел и ценил талант и высокий профессионализм других, и результаты их работы. Папа ценил высокое качество изделия настоящего мастера — будь то инструмент, какая-то бытовая вещь, даже украшение или одежда, не говоря уже о произведениях искусства.

В свое время, в 1946–1948 гг., папа привез из командировок в Бельгию и Швейцарию в подарок маме три брошки и наручные часы. Это не были «драгоценности», но вещи очень изяшные, исключительно тонкой работы, и, по-видимому, недешевые. У мамы это были единственные украшения. Одна из брошек была попроще — тоже очень красивая, но скромная, и мама надевала ее, когда шла на работу. Правда, длилось это совсем недолго, поскольку вскоре ее вместе с некоторыми другими нашими вещами украла работавшая тогда у нас домработница Нюра. Другие же папины подарки хранились вместе со всякими важными вещами и документами в запертом на ключ ящике папиного письменного стола, до которого Нюра не добралась. Так что они уцелели. Там же хранились и еще, с нашей с Шуриком точки зрения, несколько «заветных» вещей — малюсенький перочинный ножичек, очень маленький замочек, который по-настоящему отпирался и запирался настоящим крошечным ключиком и еще одни маленькие наручные часики, которые папа привез

для меня. Наручные часы в то время были редкостью, и даже далеко не все взрослые их имели, так что мои часики «ждали», когда я вырасту. Все это было сложено в очень красивой палехской шкатулке, которая тоже была подарена маме папой. На крышке шкатулки был нарисован замечательный натюрморт, который мы очень любили рассматривать. Там были изображены гроздь спелого винограда с прозрачными, светящимися на солнце виноградинами, и стакан с водой, в котором плавал ломтик лимона. И все это было совсем как настоящее, и казалось, что, когда будешь открывать крышку, вода из стакана прольется. Мы с Шуриком считали, что это — настоящие сказочные сокровища и иногда начинали приставать к маме, чтобы она их нам показала. В конце концов, когда мы ее совсем «донимали», она торжественно отпирала ящик папиного стола, доставала шкатулку. Сначала мы любовались шкатулкой, а потом — ее содержимым. Мамины брошки в свете настольной лампы переливались всеми цветами радуги. Я рассматривала часики и все прилаживала к своей руке, мечтая о том времени, когда смогу их носить. А наступил этот момент, когда я поступила в МГУ. Шурика интересовали больше перочинный ножичек и замочек.

Папа очень любил, когда по случаю прихода гостей, выхода в театр, на концерт или еще какого-нибудь торжества мама надевала свое нарядное темно-темно-синее бархатное платье и прикалывала на него одну из брошек. До этого у мамы никогда не было нарядного платья. Платье было сшито из отреза панбархата, тоже привезенного маме в подарок, одновременно с одной из брошек. Мама была очень красивая, а в этом платье и украшениях становилась сказочной принцессой. Любуясь нарядной мамой, папа, наверное, вспоминал свое очень далекое детство и свою маму, о которой он нам рассказывал с большой нежностью и любовью. Она тоже становилась прекрасной, как принцесса, когда надевала нарядное платье и свою подвеску с бриллиантами. У нее, правда, бриллианты были настоящие. Много позже на одном из приемов кто-то из знакомых наших родителей, глядя на мамину брошку, спросил — не бриллианты ли это, и не наследство ли? На что она, смеясь, ответила: «Из драгоценностей у меня имеются только золотой крестик и зубная коронка».

Безвкусных и к тому же нефункциональных вещей папа не любил, не понимал оправданности их существования. Красивое должно быть качественно. Обстановка в нашем доме всегда была простая. Папа мог спокойно обходиться самым необходимым. Мама, в свою очередь, по мере возможностей старалась обеспечить папе комфортные условия для работы и отдыха и создавала в доме такую обстановку, чтобы было удобно, уютно, красиво и приятно жить.

Я помню свое первое впечатление, когда попала в совершенно непривычный для меня мир. Однажды я без разрешения родителей отправилась в гости к девочке, с которой познакомилась на нашем Сretenском бульваре. Это было еще до того, как я пошла в школу, наверное, лет в шесть. Бегать самим на бульвар — через дорогу и трамвайную линию, нам не разрешалось, но мы с Шуркой нередко нарушали этот запрет. В то время, конечно, движение транспорта на дороге было далеко не такое напряженное, как сейчас. По современным меркам машин почти не было. Так вот, жила эта девочка напротив, по другую сторону бульвара, в большом красивом доме, который назывался «домом России». Выстроен он был, вроде, еще до революции акционерным обществом «Россия». Квартиры в нем были, видимо, очень большие, шикарные, которые после революции превратились в «коммуналки». Семья этой девочки занимала одну из комнат такой квартиры. Комната мне показалась огромной, но поразила она

меня, в основном, не своим размером, а обстановкой, совершенно для меня непривычной. Наши родственники и знакомые родителей, к которым мы ходили в гости, жили приблизительно так же, как и мы. А тут — комната была заполнена огромным количеством каких-то красивых и, с моей точки зрения, абсолютно ненужных вещей. Во-первых, чуть не посередине комнаты стояла чудовищно большая кровать, застеленная каким-то красивым блестящим покрывалом. На ней запрещалось не то чтобы прыгать, как мы это делали с Шуркой дома, я уж не говорю — прыгать с гардероба, что нам, правда, тоже запрещалось, но даже просто сидеть. Посередине комнаты стоял такой же огромный стол с массивными резными ножками, покрытый бархатной скатертью, тоже роскошной. На нем так же было нельзя ничего делать. Тут уж не помастеришь. Хотя, как выяснилось, у них в доме и инструмента-то никакого не было. Пришла-то я к ней потому, что у нее сломалась кукла, и я собиралась попробовать ее починить. А чинить-то оказалось нечем. Кукле этой, я думаю, повезло, что дело не дошло до починки. Еще там было много-много зеркал, каких-то тумбочек, этажерок, столиков, статуэток, вазочек... и все это — «неприкосновенное». Невольно мой взгляд искал привычные и, с нашей точки зрения, необходимые вещи: письменный стол, книги, книжные шкафы или полки, но этого я так и не увидела. С удивлением я спросила ее, где же она делает уроки, и она показала мне маленький столик в углу комнаты. На мой вопрос: «А где же ваши книги?» — девочка в недоумении пожала плечами: «А зачем они?» Домой я вернулась переполненная впечатлениями. Меня мучил вопрос: «Как же возможно так жить?» Но обсудить это было не с кем. С мамой — она, конечно, отругает, да еще и в угол поставит. С папой — стыдно признаться, что послушалась и перебежала через дорогу, да еще и в гости отправилась без разрешения. Но любопытство все же взяло верх, и я со своими вопросами обратилась к папе. Выслушав меня, он первым делом спросил, с кем и как я туда попала. После моих объяснений спокойно сказал: «Обязательно сама расскажи об этом маме». А потом объяснил, почему нам не разрешается самим переходить эту дорогу, а тем более ходить без спроса в гости к неизвестным людям. И сказал, что «дав слово» что-то сделать или как-то поступить, надо его «держат». Надо быть честным. Обманув раз, потеряешь доверие к себе навсегда. А так жить среди людей и даже среди зверей, очень трудно. Наш кот Васька и тот не будет тебе доверять.

Потом папа объяснил, что людей на земле очень-очень много и они чем-то похожи друг на друга, а в чем-то — разные и живут по-разному. Одним нравится одно, другим — другое... И вообще для жизни человеку нужно не так уж много всяких вещей. Нужна вода и еда, чтобы не умереть от жажды и голода, одежда и обувь, чтобы не замерзнуть, дом, чтобы там жить, растить детишек и еще кое-что. А чтобы все это было, надо работать. Ведь кто-то должен все это сделать. Один человек все сделать не может, поэтому кто-то делает одно, кто-то другое — каждый то, что он лучше умеет. За свою работу они получают деньги. И чем лучше и больше ты будешь работать, тем больше получишь денег и сможешь купить себе и своей семье все необходимое для жизни. Оставшиеся от основных покупок деньги и свободное от работы и других дел время люди тратят на приятные и, с их точки зрения, полезные дела и вещи.

Некоторые, например, любят покупать всякие красивые предметы и ими любоваться. Но ведь сколько можно их покупать? По-моему, это быстро надоеет, да и когда их много скопится, куда их девать? Кто-то очень любит вкусно поесть и повеселиться. Но это тоже, по-моему, быстро надоедает. Ты же не будешь

есть, есть и есть. Так ведь объешься, а то, глядишь, и заболеешь. Да и веселиться очень много тоже надоест. Все хорошо в меру. Может быть, конечно, кому-то это очень нравится, и он от этого счастлив.

Другие же любят заниматься каким-нибудь интересным делом, что-нибудь мастерить, узнавать что-то новое. Из хороших книг можно узнать очень многое, например, — что творится в мире, как живут или раньше жили другие люди, какие есть страны, какая там природа — леса, поля, горы, реки, озера, моря, океаны. Много есть книг о разных птицах, зверях, рыбах, всяких жучках, паучках, червячках и т.д. Написано там и про всякие приключения, путешествия, изобретения и еще очень-очень о многом.

Много нового можно узнать в музеях, где хранятся всякие вещи древних людей, которые нашли ученые-археологи, и предметы, которые привезли путешественники из дальних стран. Там можно увидеть гербарии всяких диковинных растений, чучела редких зверей и птиц, ракушки, зарисовки и записи, сделанные в путешествиях и многое другое.

Можно путешествовать самому — ходить и ездить по разным близким и далеким местам и увидеть многое «своими глазами».

Можно узнать и понять для себя что-то новое или просто получить удовольствие от хорошей музыки. Она тоже «рассказывает». Ведь она создана из звуков. А звуки окружают нас в жизни везде — это пение птиц, шелест листьев, завывание ветра, звук дождя, журчание ручья, плеск воды в реке или пруду, шум моря, раскаты грома... Или просто скрип двери, гудок паровоза или еще что-нибудь. Композитор — человек, который сочинил музыку, рассказывает тебе о том, что он видел, чувствовал, пережил — о радостном и веселом, о грустном, спокойном и даже страшном. И ты, когда слушаешь музыку, переживаешь это вместе с ним. Это доставляет удовольствие.

Так же и художник. Он что-то увидел, и ему захотелось, чтобы другие люди тоже на это посмотрели, обратили внимание, полюбовались. Многие, может, и проходили по месту, изображенному на картине, или видели нарисованные на ней предметы, но не обращали на них внимания, не замечали, что они такие интересные и красивые. А другим эти места и вовсе незнакомы, и, посмотрев картину, они словно побывают там. Рассматривая картину, любясь ею, ты как будтоходишь в нее, оказываешься там, внутри, участвуешь в событиях, которые там происходят. И это тоже очень интересно и приятно.

Еще — театр. Ведь ты была в театре, и тебе понравилось...

Даже просто гуляя по лесу, по полю, вдоль реки и еще где-нибудь человек любит окружавшую его красотой природы и задумывается о том, как то или иное устроено. Так, наблюдая за разными явлениями природы, люди и придумали, как сделать многие вещи, полезные для себя. Например, смотрел человек на птиц, удивлялся, как это они летают и, в конце концов, придумал самолет. Или смотрел на рыб, как они плавают, и придумал корабли, подводные лодки. И так многое-многое другое.

Видишь, сколько на свете всего интересного, приятного и полезного. И это никогда не надоест. Нам с мамой больше нравится жить так.

В другой раз, значительно позже, папа говорил:

«Счастлив не тот, у кого очень много денег. Даже очень богатые люди далеко не всегда счастливы. Ощущение счастья возникает, когда вокруг тебя любящие и любимые родные и близкие люди. Когда ты можешь для них сделать что-то хорошее и тем самым помочь им или порадовать их. Когда у тебя интересное

дело, работа, которая полезна и нужна другим людям. А удовольствие, полученное от прочитанной хорошей книги, от узнавания чего-то нового, посещения музея, от хорошей музыки или картины, от общения с интересными людьми, с природой, ни с чем не сравнишь. Это никогда не надоест. И для этого не обязательно быть очень богатым.

Счастье — это внутреннее состояние человека, состояние души. Присуще это, наверное, людям с особым мировосприятием, которые наделены даром видеть, чувствовать и ценить окружающее тебя добро, красоту мира и получать удовольствие от того, что сам тоже делаешь добрые дела, что-то нужное и полезное для других людей. Свойственно оно, видимо, и тем, у кого есть внутренняя потребность узнавать что-то новое, удивляться и стремиться понять еще не познанное, а также создавать что-то новое. Этим даром наделены далеко не все. Некоторые люди, несмотря на то, что у них, вроде, все есть и все хорошо, постоянно чем-то недовольны. А другие, которые живут очень-очень скромно, даже бедно, и, казалось бы, радоваться-то им нечему, чувствуют себя счастливыми».

Так на уровне моего понимания того возраста папа попытался объяснить мне свое видение того, что такое счастье...

К бытовым проблемам папа относился очень спокойно, как к чему-то само собой разумеющемуся. Если возникала необходимость, он просто брался и выполнял любую домашнюю работу без каких-либо отрицательных эмоций. В детстве, юности и молодые годы жизнь его не баловала, и с большинством домашних дел приходилось справляться самому, поэтому к этой работе у него выработалась привычка, и накопился в этих делах большой опыт. Так что к жизни он был очень хорошо приспособлен и по дому мог сделать почти все.

Мама, конечно, старалась оградить его от всяких домашних проблем, заботилась о нем, ухаживала и оберегала его покой. Сам же папа никогда не требовал к себе особого отношения и всегда был готов помочь другим. Любое проявления заботы и внимания он воспринимал не как должное, а с удовольствием и благодарностью. Даже становилось всегда как-то неловко, потому что мы-то, все члены семьи, чувствовали, что это — наш святой долг.

В то же время, будучи человеком очень самостоятельным, излишней опеки папа не любил. Не желая обременять домашних всякими «мелочами», он многие домашние дела стремился выполнять сам — полагал, что у других и так полно дел.

К одежде, в которой папа ходил на работу или на какие-нибудь официальные мероприятия, он относился очень ответственно, считал, что окружающим неприятно иметь дело с неопрятным человеком. Поэтому следил, чтобы рубашка была чистая, костюм — в порядке. При этом он ни от кого ничего не требовал. Мама, конечно, заботилось о том, чтобы всегда в запасе были чистые рубашки, вовремя вычищен костюм, выглажены брюки и пришиты пуговицы. Но если почему-либо это не было сделано, папа, чтобы никого не беспокоить, спокойно, без обид или какого-либо раздражения делал это сам.

Помню, однажды я застала его в ванной комнате, стирающего какие-то мелкие вещи, по-моему, носки. Это было еще при маминой жизни. Она тогда плохо себя чувствовала. Я аж ахнула! На что он весело сказал: «Да ты знаешь, в наших журналах пишут, что женщинам надо помогать, а то они у нас совсем замученные!» Как раз в то время в каком-то из наших журналов была опубликована повесть «Неделя как неделя», в которой день за днем на протяжении

всей недели подробно и красочно была описана повседневная жизнь нашей советской женщины-труженицы, имеющей семью с маленькими детьми.

В другой раз я застала папу за пришиванием пуговиц. Мне даже стало не по себе. Говорю ему: «Папуль, ты что это? Не хватало еще, чтобы ты пуговицы пришивал! За тобой глаз да глаз нужен. Не мог, что ли, попросить меня или Марину?» Было это уже после смерти мамы.

— Ну и что в этом такого? — засмеялся он. — Подумаешь — пуговицы! Что я сам, что ли не могу? Дело нехитрое.

Когда же я стала отбирать у него его «рукоделие», он спросил: «А что, тебе делать нечего?» И, поскольку я настаивала на своем, спокойно отдал мне его со словами: «Ну, если ты так хочешь, то, пожалуйста, пришей».

Надо заметить, что справлялся папа с этими пуговицами очень ловко и быстро.

В качестве «помощи по хозяйству» папа иногда по дороге на работу завозил в химчистку свои сорочки, предварительно собранные мамой, а позже — нами с Мариной. Много времени это у него не занимало, поскольку на работу он ехал рано, и в это время очередей там не было.

Ходить по магазинам, кроме книжных или тех, в которых продавался инструмент, радиодетали, что-либо для мастерства или спорта, он не любил, да и времени на это не было. Шить одежду в ателье — наотрез отказывался. Как-то в годы, когда папа был уже академиком, а в магазинах было плохо с одеждой, мама уговорила его заказать костюм в ателье Академии наук. В результате после многократных примерок был сшит костюм, который носить было невозможно, отказаться же от него родители сочли неудобным. Так и остался он «навечно» висеть в родительском гардеробе. Потом мама обнаружила, что очень приличные костюмы продаются в магазине фабрики «Большевичка». Шили они из хорошего материала, и сидели костюмы на папе очень хорошо. Там и стал папа одеваться.

В последние годы, 1990-е, мода и стиль одежды изменились, изменилась и фигура у папы. Когда возникла необходимость купить ему новый костюм, мы столкнулись с непреодолимой проблемой — никак не могли подобрать в магазинах ничего хоть мало-мальски подходящего, даже в магазине «Большевички». Один из знакомых (сотрудник Академии наук) посоветовал заказать костюм прямо на фабрике и рассказал, как это можно сделать. Он и его коллеги часто так делали и были очень довольны — костюмы получались прекрасного качества и совсем недорого. После долгих уговоров папа согласился на такое мероприятие, и мы с ним туда отправились. Ждать долго там не пришлось. Нас провели в зал, где были вывешены готовые модели, и показали коллекцию имеющихся у них тканей. Из готовых костюмов подобрать мы ничего не смогли. Тогда мы выбрали понравившуюся нам ткань, пришел закройщик и снял несколько мерок — всего-то 4 или 5, и сказал, когда можно приехать за костюмом. Никаких примерок. Папа с сомнением покачал головой, мол, зря, наверное, потратили время — получится какая-нибудь ерунда. Когда приехали получать, примерили — костюм сидел идеально. Папа восхищался закройщиком: «Надо же какой талантливый — с одной примерки и костюм так замечательно сидит!» Он уважал «мастеров своего дела» и очень благодарил закройщика. Дома я уговорила папу заказать второй костюм из другого образца ткани, который нам тоже понравился во время первого визита на фабрику. Все было как в сказке — костюм заказали по телефону (мерки у них были), и сидел

он не хуже первого. Папу больше радовали не столько сами костюмы, сколько то, что он встретил такого замечательного мастера. Он потом рассказывал знакомым, какие бывают прекрасные закройщики и какая замечательная наша фабрика «Большевичка».

В еде папа был непривередлив, но ценил и любил домашний праздничный стол, печеные дрожжевые пирожки и всякие «диковинные блюда», в Пасху — куличи и пасху, а на масленицу — хорошие блины, тоненькие, ажурные. И каждый раз вспоминал, что во времена его раннего детства было принято печь гречневые блины, которые были очень вкусными и душистыми. В последние годы несколько раз я старалась воспроизвести некоторое подобие этих блинов. Папе они нравились, но, ему казалось, что те, прежние, были вкуснее.

Ел он все, но понемногу, никакой диеты не придерживался. Только исключил из своего рациона некоторые блюда — овсянку, черный хлеб, сырые яблоки и кориандр, избавившись тем самым от проблем с желудком. А сделал он это после того, как «провел исследование» своего самочувствия в различных «жизненных ситуациях» — дома, на работе и в командировках. В результате чего он пришел к заключению, что причиной его недомоганий были именно эти продукты. Много позже папа как-то заметил: «Врачей я слушаюсь, но и к своему организму тоже прислушиваюсь».

Папа, всегда старался как-то помочь по хозяйству. Когда они с мамой жили на даче вдвоем, и если она вдруг себя плохо чувствовала, папа запросто мог приготовить еду. Конечно, не какие-нибудь деликатесы, а нормальную простую, бесхитростную пищу. Например, он мог сварить яички, картошку, кашу, макароны, бульон, суп, отварить или пожарить рыбу, сделать яичницу и еще многое другое.

После еды, если зазеваешься, он всегда принимался мыть посуду. Делал он это машинально, для него это было совершенно естественно.

За порядком в доме обычно следила мама. Папа тоже не любил беспорядка, но, если вдруг оказывалось неубрано, он никогда никого не попрекал и ни от кого не требовал, чтобы навели порядок. В таких случаях, если все члены семьи были заняты, а у него выдавалось свободное время, он мог просто взять щетку или веник и подмести пол или пропылесосить. И делал он это не в укор или назидание, а просто из уважения к другим.

В своем кабинете папа убирался, в основном, сам. Делал это спокойно, без напряжения и раздражения. Другим доверял только пропылесосить помещение и протереть пыль, не трогая ничего на письменном столе, чтобы ничего там не «перепуталось» и не потерялось. Правда как-то, уже в конце жизни, папа сознался, что от уборки очень устает.

Как-то зашел разговор, нужно ли приучать детей к домашним делам. Кто-то настаивал на том, что если есть возможность, то нечего, мол, им портить детство. Вырастут, тогда и научатся всему. На что папа возразил. Он сказал, что конечно нужно, и не потому, что они потом чего-то не будут уметь делать. Это не проблема, научиться этому легко, ничего тут хитрого нет. А для того, чтобы не было «психологического барьера», чтобы эта работа не вызывала у них отрицательных эмоций и чтобы выполнение ее было естественным, само собой разумеющимся для них делом, не занимающим много физических и душевных сил.

Папа был очень организованным человеком, и в будни у него был четкий распорядок дня. Он говорил, что иначе в этой жизни ничего не успеешь сделать.

Вставал он всегда в 5 ч 45 мин. Его будильник был всегда заведен на это время. Потом — зарядка, минут на 40, утренний туалет и душ.

Завтрак от 7.30 до 8.00. Завтракать он предпочитал сам. Делал это очень быстро и не любил, когда в это время вокруг него слишком суетились, стараясь помочь. Поэтому завтрак для него был приготовлен заранее, с вечера, чтобы утром ему не приходилось тратить на него много времени.

После завтрака он просматривал какие-нибудь материалы по работе или прессу и точно в 8.35 выезжал на работу. Иногда, если с самого утра ему надо было ехать не в Президиум АН СССР или в ИРЭ, а в какую-нибудь другую организацию, время отъезда на работу могло варьироваться.

Обедал папа тоже «по-деловому», за 15 минут. Он всегда старался обедать дома. В то время в Москве не было таких пробок, как сейчас, поэтому дорога не занимало много времени. Обычно он приезжал от 13.30 до 14 часов. К этому времени обед бывал уже готов. В случае же, когда все уходило на работу и по делам, тарелки с обедом «ждали» папу в кухне на столе, и он сам подогревал его в СВЧ-печке. В крайне редких случаях какого-нибудь «сбоя», когда он приезжал раньше, а дома никого не было, он спокойно, без какого либо неудовольствия или претензий к кому-нибудь, находил что-нибудь по своему усмотрению в холодильнике, быстро разогревал и съедал. После обеда минут 15–20 папа отдыхал, сидя в кресле с закрытыми глазами, после чего опять «мчался» на работу.

Ужинал он сразу после приезда с работы, но уже спокойно, с рассказами и разговорами. После ужина папа некоторое время отдыхал, сидя в своем кресле и читая что-нибудь или слушая музыку, после чего садился работать. Лежа папа в течение дня не отдыхал никогда — ни в будни, ни в выходные дни. Даже когда он приезжал из командировки и происходила смена временных поясов или ему приходилось не спать всю ночь, он никогда днем не ложился и не спал. В лучшем случае отдыхал немного, сидя в кресле, а ко сну уходил в обычное для него время. Даже болел папа, сидя в своем кресле. Ложился только уж в самых тяжелых случаях.

В 21 час папа регулярно смотрел по телевизору программу новостей, программу «Время». Перед сном часто ходили гулять.

Спать папа обычно отправлялся в 23–23.30. Перед сном немного читал или слушал музыку.

В выходные дни и в отпуск режим был более свободный, но вставал он и завтракал в то же время, что и в рабочие дни. После чего, как правило, садился работать. А где-нибудь в районе 11–12 часов отправлялись либо на лыжах, либо просто гулять. Обед же мог немного сдвигаться по времени. Но у папы еще с молодости была одна особенность — от голода у него начинались сильные головные боли, так что интервалы между приемом пищи более или менее выдерживались, хотя бы за счет какого-нибудь «перекусывания». После прогулки — обед, но уже спокойный, обстоятельный, за беседой. Потом — отдых в шезлонге с книгой, после чего — работа или еще какие-нибудь дела до ужина. После ужина новости по TV, прогулка, чтение и, как всегда, спать папа ложился до 12 часов.

Такого режима папа придерживался почти до самого конца своей жизни.

Папе приходилось очень часто ездить в командировки. Мама, конечно, подготавливала ему чистое белье и другую одежду, но собирался в дорогу и укладывал чемодан он сам. У папы всегда был составлен заранее подробный список необходимых для поездки вещей, в соответствии с которым он что-то необходимое

докупал, что-то приводил в порядок, а потом аккуратно укладывал в чемодан. Маме, в первое время рвавшейся помогать ему в этом, говорил, что делать это надо обязательно самому, поскольку иначе потом, в командировке, запутаешься, где что лежит. То же самое было и со сборами на дачу. Поскольку из-за постоянных грабежей нашей дачи приходилось все мало-мальски ценное возить с собой, то в папином чемодане, кроме книг, были трансформатор, тестер, паяльник с припоем, всякий инструмент, фотоаппарат, бинокль и еще очень много других важных вещей. Его «дачный» чемодан всегда был чудовищно тяжелым. Я его с трудом могла только едва оторвать от земли. Таскал он его всегда сам. И даже когда ему было за девяносто, он не разрешал мне к нему даже прикасаться, говорил: «Ты же женщина». Командировочный же чемодан у папы был особенный. Он не любил ездить на поезде — «уж слишком долго надо в нем трястись», и всегда предпочитал лететь на самолете. Наш же «Аэрофлот», которым обычно приходилось летать, с чемоданами обращался, прямо скажем, — «зверски». Выдерживали они от силы несколько поездов. И вот, после того как папа купил себе очередной чемодан, выбрав самую крепкую модель, он его «усовершенствовал». Сделал внутри дополнительную систему крепления — металлические «ребра жесткости», иными словами — металлический каркас. Этот чемодан служил папе довольно долго.

Дома папа «усовершенствовал» очень много вещей. Даже картину. Как-то один из папиных сотрудников подарил ему на юбилей свою работу — пейзаж, написанный в технике пастели. Папе она очень нравилась, но с точки зрения композиции, он считал, в ней был небольшой «недочет». На пейзаже было изображено водохранилище, лесистый берег, а в самом низу картины, на переднем плане струйка дыма от костра, которого уже не было видно, он был вне полотна, «за рамой». И папа полагал, что в пейзаж должны были попасть хоть кончики пламени костра, чтобы картина «оживала». Но, конечно, «вторгаться» в чужую работу и что-то дорисовывать недопустимо. Тогда он придумал, не портя картину, попробовать подсунуть под стекло малюсенькие язычки пламени, вырезанные из бумаги, соответствующего цвета. И вот они с мамой это сделали. И действительно, этих крошечных «огненных» штришков оказалось достаточно, чтобы картина ожила.